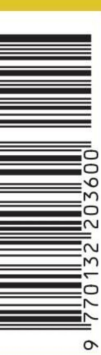

ЮНОСТЬ

9 17701321203600

16+

№6/2020

6

СТЕФАНИЯ
ДАНИЛОВА,
СТР. 102

ЮНОСТЬ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
АНП «Реданция журнала
«Юность»»

«ЮНОСТЬ» —
зарегистрированный
товарный знак.
Правообладатель —
АНП «Реданция журнала
«Юность»»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Сергей Александрович
Шаргунов

Выпуск издания
осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства
по печати и массовым
коммуникациям

Лиц. Минпечати №112.
ISSN 0132-2036

Наша почта:
unost-org@mail.ru

Наш сайт:
unost.org
юность.рф
Мы в социальных сетях:
facebook.com/unost
vk.com/zhurnaliunost
Instagram/@zhurnaliunost

Адрес редакции:
125047, Москва,
ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1

Для почтовых отправок:
125047, Москва,
а/я 182, «Юность»

Тел.: +7 (499) 251-31-22,
+7 (499) 250-40-74,
+7 (495) 250-40-95

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Ильдар Абузяров
Зоя Богуславская
Алексей Варламов
Анна Гедымин
Сергей Гловюк
Борис Евсеев
Тамара Жирмунская
Елена Исаева
Владимир Ностров
Нина Краснова
Татьяна Нузовлева
Евгений Лесин
Юрий Полянов
Георгий Пряхин
Елена Сазанович
Александр Соколов
Борис Тарасов
Елена Тахо-Годи
Игорь Шайтанов

Реданция не имеет
возможности вести
переписку с авторами.
Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.
Авторы несут
ответственность
за достоверность
предоставленных
материалов.
Мнения автора
и редакции могут
не совпадать.
При перепечатке
материалов ссылка
на журнал «Юность»
обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Сергей Шаргунов
Вячеслав Ионовалов
Яна Нухлиева
Евгений Сафронов
Татьяна Соловьева
Светлана Шипицина

РЕДАКТОР-КОРРЕКТОР

Юлия Сысоева
РАЗРАБОТКА МАШЕТА
Наталья Агапова

ВЕРСТКА

Наталья Горяченнова
АДМИНИСТРАТОР САЙТА
Антон Шипицин
ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР
Людмила Литвинова

Подписные индексы:
каталог «Почта России» —
П1972,
объединенный каталог
«Пресса России» — 71120

Отпечатано
в ООО «Типография
«Миттель пресс»

Москва,
ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

Тел./факс:
+7 (495) 619-08-30,
+7 (495) 647-01-89
E-mail: mittelpress@mail.ru

Тираж 3 500 экз.
Формат: 60x84/8
Заказ №

«ЮНОСТЬ»
© С. Красауснас. 1962 г.

На 1-й странице обложки
рисунок Енатины Горбачевой
«Полдень»

НАША ПОБЕДА

- 6 СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ
 САМАЯ НЕПРОЧИТАННАЯ КНИГА
 О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
- 8 ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
 САМАЯ ОДУШЕВЛЕННАЯ КНИГА О ВОЙНЕ
- 12 МАКСИМ ЖЕГАЛИН
 САМАЯ СИРЕНЕВАЯ КНИГА О ВОЙНЕ

ПОЭЗИЯ

- 16 ИГОРЬ МАЛЫШЕВ
- 18 В ВЕЛИЧИИ И РИЗЕ ПОКАЯНЬЯ
- 34 КОНКУРС «ЛЮБОВНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ»

ПРОЗА

- 40 НОЛЯ БАЦ
 МЕРТВЫЙ САНТЕХНИК
 БОГИНЯ ЛИПОВОЙ РОЩИ
 И АБИССИНСКИХ КОТОВ
- 46 КОНСТАНТИН КОРОЛЕВ
 ФОТОГРАФИЯ
 ПОД БЕЗЫМЯННЫМ ПИКОМ
 ПОКИДАЯ «ПОРТ ЛЯНГАР»
- 53 ЮЛИЯ ЛЫСОВА
 РАБЫНЯ ПУЗАТОВА
- 81 ГЕОРГИЙ ПАНКРАТОВ
 ДЕНЬ ПТИЦ
- 85 GERMAN САДУЛАЕВ
 ПОСЛЕ БОЯ

88 ВЛАДИМИР ГУГА
 ВОВА ВИДИТ ХРЕНОВО
 СМЕШНЫЕ ЦЕНЫ

92 ОЛЕГ ЛЕНМАНОВ
 ИДЕАЛЬНОЕ УБИЙСТВО

БЫЛОЕ И ДУМЫ

96 АННА ГЕРАСИМОВА
 О ПЛАТОНОВЕ

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

102 СТЕФАНИЯ ДАНИЛОВА
 ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

107 ЕГОР АППОЛОНОВ
 АРХИТЕКТУРА ЯЗЫКА

ЗОИЛ

122 МАКСИМ АРТЕМЬЕВ
 СЕВЕРНЫЙ РОК

НЕФОРМАТ

130 ЮЛИЯ БЕЛОЗУБНИНА
 ЧТО С ТОБОЙ ТЕПЕРЬ?

НАША ПОБЕДА

САМАЯ НЕПРОЧИТАННАЯ КНИГА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ГЕОРГИЙ КАЛИНИН. «ДЕНЬ ЕДИН» («СИБИРСКАЯ БЛАГОЗВОННИЦА», 2010)

СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ

Писатель, журналист, телеведущий. Родился в 1980 году в Москве. Главный редактор журнала «Юность». Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры, национальной премии «Большая книга», независимой премии «Дебют» в номинации «Нрупная проза», государ-

ственной премии Москвы в области литературы и искусства, итальянских премий Arcobaleno и «Москва-Пенне», Горьковской литературной премии, дважды финалист премии «Национальный бестселлер». Заместитель председателя Союза писателей России. Член президентского Совета по русскому языку.

Вспоминаю разговоры с Марией Федоровной Берггольц, актрисой, сестрой поэтессы Ольги Берггольц – о том, как по хрупкому льду Дороги жизни везла продукты голодающей сестре и другим писателям с пистолетом, выданным Фадеевым.

Она говорила мне об огромном зеркале, которое свисало из окна одного из пострадавших при авианалете зданий, отражая зимний город-призрак.

Почему-то это одинокое не разбившееся зеркало было для нее символом блокады.

И вспоминаю писателя Георгия Михайловича Калининa.

Худой, белобородый, синеглазый.

Он мало кому известен.

«Тогда бухнула на чашку весов моей жизни столь тяжелая гирька, что прошедшие десятилетия не смогли дать ничего такого, чтобы ее перевесить. Одним словом, я – человек блокадный».

Это из его сильной и мало кем прочитанной книги «День один».

Я много общался с ним с самого детства до недавнего времени, когда его не стало.

Он говорил и записывал простую и страшную правду.

Умидали знакомые и родные, целыми семьями. Мать бывала дома несколько раз в неделю, потому что работала на заводе сутками.

Мальчишка постарше украл карточки. Юра бросился на этого соседа, от которого пахло ворованным хлебом, и двое барахтались, сцепившись, как жуткие карлики.

А еще в дом ворвался обезумевший людоед-прохожий, и чудом удалось спастись. А еще добрые старушки на улице прощальными голосами попросили спичек, и он, голодный, злобно их отшил и свою грубость вспоминал всю жизнь со стыдом.

А еще он навсегда запомнил, как маленькая девочка заиндевевшими губами просит безнадежно одно: «Хлебушка!»

Он (как и все блокадники) не мог видеть, если не доедали или выбрасывали еду.

Даже когда голубям крошили хлеб, помню, он мрачнел.

Все проходит, но все, как известно, остается с тобой навеки. Здесь же, в блокадном цикле Калининa, – короткий рассказ «Такая рыба с хвостом». Отец идет с маленьким сыном по бескрайнему полю. Ребенок зачих в городе и радостно скачет, растворяясь в природе. Отец не думает уж точно о недавнем прошлом – о той обледенелой еловой чурке, которую раскалывал топором, воображая, что это голова главного врага, объявившего войну. И вдруг ребенок выкрикивает знакомое, «отрывистое, как удар топора» имя. Отец просит повторить.

«Тогда бухнула на чашку
весов моей жизни столь
тяжелая гирька, что
прошедшие десятилетия
не смогли дать ничего
такого, чтобы ее
перевесить. Одним словом,
я — человек блокадный».

«С гримаской удивленно-веселого недоумения,
вжав голову в плечи и отвернув ее в сторону — По-
жалуйста! — ты оттараторил:

- Сегодня утром под мостом поймали Гитлера
с хвостом.
- Откуда это у тебя?
- Это мы в садике сочинили.
- А кто такой Гитлер, знаешь?

Словно бы моля о снисхождении, ты поднял на
меня доверчивые прозрачно-голубые глаза и тихо,
упавшим голосом произнес:

- Это такая рыба».

САМАЯ ОДУШЕВЛЕННАЯ КНИГА О ВОЙНЕ

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ.

«РАССКАЗЫ И ПУБЛИЦИСТИКА 1941–1945 ГОДОВ» («ВРЕМЯ», 2012)

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной российской и зарубежной прозе. Руководила PR-отделом издательства

«Вагриус», работала бренд-менеджером «Реданции Елены Шубиной». Старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, сотрудник «Российской газеты».

Война с чрезвычайной быстротой образует новые характеры людей и ускоряет процесс жизни. Один красноармеец сказал: бой есть жизнь на большой скорости. Это верно.

Андрей Платонов. Из записной книжки

В 1941 году Платонову 42. Он уходит на войну добровольцем и уже в июле 1941 года едет на Ленинградский фронт, получая первые «впечатления». Их результат – написанные в августе рассказы «Божье дерево» и «Дед-солдат» (он был опубликован в 10-м номере журнала «Пионер» – это первая военная публикация Платонова, оставшаяся совершенно незамеченной, потому что вышла в детском журнале). В «Божьем дереве» корневое, природное, исконное понимается как основа жизни и мировоззрения русского народа. Лист с этого дерева, которое многократно «убивала молния с неба», но которое каждый раз оживало подобно мифическому Фениксу, становится талисманом Степана Трофимова, уходящего на войну. В сцене прощания героя с матерью возникают мотивы долга, молчания и бессловесного взаимопонимания (*silentium*!).

Пространство в рассказе организовано по принципу противопоставления. Там, где остаются мать и родная деревня, он «увидел только рожь, которая клонилась и покорялась под ветром, избы

же деревни и маленькая (то есть нуждающаяся в защите и спасении. – *Т. С.*) мать скрылись за далью земли, и грустно стало в мире без них». Впереди же, где встреча с врагом: «На фронте было пустое поле, истоптанное до последней былинки, и тишина (снова *silentium*, но это совсем другая тишина – зловещая, нагнетающая. – *Т. С.*). <...> Позади пустого поля рос мелкий лес, с листвою, опаленной огнем пожара и стрельбы». Герой ждет встречи с врагом, чтобы понять, что он такое. Враг обезличивается Платоновым, лишается человеческих черт: «кто это – человек или другое что?». А родная земля, опустошенная войной, напротив, олицетворяется.

Тем разительней контраст первой встречи с неприятелем. «Из-за голых ветвей... засветилось бледное незнакомое лицо со странным взглядом, испугавшим Трофимова, потому что это лицо было немного похоже на лицо самого Трофимова и глядело на него с робостью страха». Убивая его штыком, Трофимов в каком-то смысле убивает себя. С этого момента поспешные убийства в ближнем бою становятся конвейерными, деловитыми, обыденными: «Кончайся скорее, нам некогда!» – жалости тут не место. Главенствующие чувства героя перед лицом смертельной опасности – скорбь и ожесточение, «потому что раз мать родила его для жизни – его убивать не должно и убить никто не может». Лист

Убивая его штыком,
Трофимов в каком-то
смысле убивает себя.
С этого момента
поспешные убийства
в ближнем бою становятся
конвейерными,
деловитыми, обыденными:
«Кончайся скорее, нам
некогда!» — жалости тут
не место.

«божьего дерева», присохший к груди, становится в немецком плену единственной отдушиной и надеждой на возвращение. Тщетной, но небесмысленной.

Другой написанный в этот же период рассказ — «Дед-солдат». Дед, подходящий к стоящему у плотины неприятельскому танку, — развитие темы столкновения природного и механического, как бегущий рядом с поездом жеребенок у Есенина. Этот мотив найдет у Платонова высшее воплощение в рассказе «Одухотворенные люди», где пятеро оставшихся в живых черноморцев бросаются под неприятельскую танковую колонну, останавливая ее. В рассказе «Дед-солдат» этот образ получает развитие и в образе внука: «Алеша увидел с берега пруда, что его деда чужой человек повел убивать, и побежал им вослед. Он бежал и чувствовал свое сердце, бившее вслух от своей силы и от близости страшного врага». Маленький мальчик и старик поднимаются вдвоем против фашистского танка со всем его экипажем — и побеждают, потому что на их стороне правда. Теория малых дел, которые вдруг оборачиваются очень большими, подобно тому, как маленький ручеек из пробитой Алешей плотины оборачивается мощным разрушительным потоком.

После первой поездки Платонова на фронт — небольшой перерыв на эвакуацию семьи в Уфу, но уже в 1942 году он становится военным корреспондентом газеты «Красная звезда», где 5 сентября выходит рассказ «Броня» в сокращенном варианте

(и именно его часто считают первым опубликованным военным у него), а в полном — в октябрьском номере «Знамени». Герой «Брони» пожилой моряк Саввин говорит, что для того, чтобы одержать победу в войне, нужна особая, идеальная по стойкости, броня: «Надо строить новый металл: твердый и вязкий, упругий и жесткий, чуткий и вечный, возрождающий сам себя против усилия его разрушить». Неповторимый платоновский язык, невозможные — и удивительно уместные эпитеты. «Корявость», выражающая предельную чуткость к языку: «чуткий металл» — где еще такое возможно?

Саввин и рассказчик идут в деревню, где моряк спрятал придуманный и записанный им способ производства особой брони, которая только может спасти от врага. По пути они встречаются женщину, на их глазах выбравшую смерть на родной земле, предпочтя ее немецкому плену; и другую, носящую хоронить убитых немцами печным чадом детей, чтобы, закончив, лечь вместе с ними. Саввин умирает от фашистской пули, но прежде убивает всех врагов, засевших в деревне и сотворивших это. Убивает всех один, буднично, деловито, и так же буднично умирает сам: «Не в силе дело, — в решимости, и в любви, твердой, как зло...» Любовь, твердая, как зло — это тоже только у Платонова возможно. Это именно то, чему пытаются подражать его бесчисленные эпигоны, и то, чему подражать невозможно. Незнаменный рассказчик, которому теперь предстоит идти одному, над телом Саввина постигает секрет чудесной брони: «Но самое прочное вещество, оберегающее Россию от смерти, сохраняющее русский народ бессмертным, осталось в умершем сердце этого человека».

После этого военную прозу Платонова печатают очень активно, хотя, разумеется, все равно не без проблем: сборник «Рассказы, были», собранный в 1942-м, так и не выйдет, как и «0 живых и мертвых» (1943) и «Вся жизнь» (1945). А книга «В сторону заката солнца» будет готовиться два с лишним года и выйдет урезанной почти вдвое (десять рассказов вместо планировавшихся восемнадцати).

Андрей Платонов активно участвует в боях, много времени проводит на передовой: подо Ржевом, на Курской дуге, на Украинском и Белорусском фронтах. 6 июня 1943 года он пишет жене: «Меня убьет только прямое попадание по башке». Не убило. Дослужился до майора. Но в 1944-м под Львовом серьезно заболевает: начинает развиваться туберкулез, который и убьет в 1951-м...

В 1942 году Платонов пишет рассказ «Неодушевленный враг». Иерархия высокого и низкого

в условиях войны перестает существовать: высокое и низкое оказываются на одной чаше весов перед постоянной угрозой смерти.

«Солдат оживает быстро (снова мотив мифического Феникса. – Т. С.), потому что он скуп на жизнь и при самой малой возможности он уже снова существует; ему жалко оставлять не только все высшее и священное, что есть на земле и ради чего он держал оружие, но даже сытную пищу в желудке, которую он поел перед сражением и которая не успела перевариться в нем и пойти на пользу». Двое раненых, засыпанных землей: русский и немец, снова столкновение с врагом буквально лицом к лицу, «в промежуточном пространстве боя», под перекрестным огнем. Для каждого из них абстрактный враг приобретает вполне конкретные черты, воплощается в непосредственной близости. Немец, действующий и даже думающий по приказу фюрера, становится функцией от человека, воспринимается героем как нечто неодушевленное: «ты веточка, ты тряпка на ветру, а не человек!». Неприателем движет чувство страха: если он не будет убивать, убьют его самого и не станут кормить его семью, находящуюся в тылу. Убивая врага, герой совершает акт высшей справедливости, устанавливает изначальный порядок вещей: неодушевленный враг становится трупом, то есть неодушевленным буквально. «Но я, русский советский солдат, был первой и решающей силой, которая остановила движение смерти в мире», – парадокс: он вынужден убивать, чтобы победить смерть.

В том же 1942-м создается рассказ «Одухотворенные люди» с подзаголовком «Рассказ о небольшом сражении под Севастополем». Уже в названии – контраст с «Неодушевленным врагом», противопоставление захватнической и оборонительной позиций. В основе сюжета – подвиг пяти черноморцев, которые в ноябре 1941-го остановили несколько танковых атак противника. Последнюю – ценой своих жизней. 10 августа 1942 года Андрей Платонов пишет жене: «Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено сделать из него достойное памяти этих моряков произведение. <...> У меня получается нечто вроде Реквиема в прозе». Получился. Получился Реквием. А еще – гимн материнской любви, по-платоновски краткий и емкий: «...он вспомнил мать, родившую его, – это она, полюбив своего сына, вместе с жизнью подарила ему тайное свойство хранить себя от смерти, действующее быстрее мышления, потому что она любила его и готовила его в своем чреве для вечной жизни, так велика была ее любовь» (тот же мотив, что был уже в пер-

вом военном рассказе «Божье дерево»). И рассказ о боевой дружбе и о победе над смертью получился: «Ему стало легко, томительная слабость в его теле, от которой он боялся умереть на ходу, теперь прошла, точно он принял на себя обязанность жить за умершего друга, и сила погибшего вошла в него». И о воинской чести и верности присяге. Платонов – автор самых странных, но самых точных описаний: «Они лежали неподвижно; железная смерть пахала воздух низко над их сердцами, и души их хранили самих себя». И о детях, лишенных войной детства. Политрук Фильченко наблюдает за игрой в смерть братишки семи лет с девятилетней сестрой: девочка приносит слепленных из глины «покойников», а мальчик совочком роет им могилы. Это и рассказ о долге, который выше страха боли и смерти: «Поднявшись, Цибулько ударил своей левой рукой о камень, чтоб из руки вышла боль, но боль не прошла и она мучила бойца; из разорванных мускулов шла густая сильная кровь и выходила наружу по кисти руки, лучше всего было бы оторвать совсем руку, чтобы она не мешала, но нечем было это сделать и некогда тем заниматься». Или о другом моряке: «Фильченко прицелился сразу всем своим телом, привыкшим слушаться его, и бросил себя в полынную траву под жующую гусеницу, поперек ее хода. Он прицелился точно – так, чтобы граната, привязанная у его живота, пришлась посередине ширины ходового звена гусеницы, и приник лицом к земле в последней любви и доверчивости».

С 1943 года, когда перевес сил оказывается на нашей стороне, к образу советского воина-освободителя в литературе присматриваются еще внимательней, и Платонову все чаще отказывают в публикации. Среди отклоненных в это время рассказов – «Размышления офицера», «Вся жизнь», «Пустодушие».

Последние прижизненные публикации Платонова датированы 1946 годом (за пять лет до смерти): в «Детгизе» выходит «Солдатское сердце», в «Новом мире» – «Семья Иванова» (впоследствии переименованная в «Возвращение»), в «Красной звезде» – «Начало пути», в «Огоньке» – «Житель родного города». В «Возвращении» возникает традиционный для Платонова мотив: ребенок, неиспорченный, нежесточенный и несломленный, как носитель истины. Только дети понимают истинные ценности и сохраняют чистую душу, когда взрослые изломаны войной. Такой образ советского воина противоречил официальной идеологии, и вопрос с дальнейшими публикациями был решен не в пользу Платонова...

Но осталось много – несколько десятков военных рассказов и очерков, составивших объемный том.

Платонов помещает
человека в центр
мироздания, в его военной
прозе высшим воплощением
человека становится
русский солдат,
рожденный для жизни,
но приносящий ее в жертву
долгу и спасению родины.
По словам Валентина
Распутина, Платонов
смотрел на происходящее
«глазами корневого
человека, посланника всех
времен».

Письма и вечные платоновские записные книжки, которые столько добавляют к пониманию его художественного мира.

«В нашей войне знаменательно то, что даже человек слабый или ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие» (Андрей Платонов. Из записной книжки).

Платонов помещает человека в центр мироздания, в его военной прозе высшим воплощением человека становится русский солдат, рожденный для жизни, но приносящий ее в жертву долгу и спасению родины. По словам Валентина Распутина, Платонов смотрел на происходящее «глазами корневого человека, посланника всех времен». Благодаря его прозе мы знаем, что и как именно он видел...

САМАЯ СИРЕНЕВАЯ КНИГА О ВОЙНЕ

ВИКТОР АСТАФЬЕВ. «ПАСТУХ И ПАСТУШКА» («ЭКСМО», 2017)

МАНСИМ ЖЕГАЛИН
Родился в 1995 году в городе Сенгилее Ульяновской области. В 18 лет переехал в Москву, так как поступил на актерский факультет в мастерскую Н.А. Райкина. Актер театра и кино по профессии. Пишет стихи и короткую прозу. Публиковался в журналах «Этани»

и «ЛитБаллон». Ученик школы «Хороший текст». Недавно выпустил сборник стихов. Сейчас в издательстве «Эксмо» готовится к выходу его книга «Чувство вина».

Если представить, что у каждой книги есть цвет, то какой цвет может быть у книги про войну? Красный, черный, серый, коричневый, белый или зеленый, хаки, бронзовый, серебряный и даже золотой. Но повесть Астафьева «Пастух и пастушка» – сиреневая.

И название самое неподходящее – какой же это 1944 год, откуда здесь окопы, мины и замерзшие солдаты. «Пастух и пастушка» – так может называться пастораль, водевиль, фарфоровая статуэтка, все даже не сиреневое, а розовое, весеннее, здоровое.

В повести Астафьева дело происходит глухой зимой, а пастух и пастушка – убитые случайным снарядом старик и старуха, нелепые и страшные.

«Они лежали, прикрывая друг друга. Старуха прятала лицо под мышку старику».

Так их видит главный герой, взводный Борис Костяев. Эти старики долго будут мерещиться ему, сниться и всплывать в воспоминаниях до тех пор, пока он сам не станет им равным.

Книга полна сновидений. Реальна только война, она подробна, полна точных деталей и резких укрупнений: немец, у которого вши даже в ресницах, пытается купить жизнь за дешевые часы; старшина Мохнаков, больной дурной болезнью, вырывает золотые зубы у мертвецов; породистый пес наповину сжирает своего хозяина; защитная стена из

трупов защищает от ветра; на другом конце линии спит связист.

И среди всего этого черного густого тумана, из которого невозможно выбраться, от которого невозможно отмыться, появляется Люся – совершенно чистая, в сиреновом облаке – лихорадочное видение, сон.

«Никак она не постигалась и не улавливалась. Даже когда смеялась, в глазах ее оставалась недвижная печаль, и глаза эти так отдельно и жили на ее лице своей строго сосредоточенной и всепоглощающей жизнью».

В пасторальном мире нет места настоящей любви, здесь возможна только влюбленность, игра. Но когда пастораль дана на мгновение, а дальше – хлопок и снова мясо, кровь, копоть, тогда все приобретает роковое свечение, тогда ночи темнее, минуты – длиннее, шорохи – громче, а Люся – любовь первая и последняя, единственная на белом свете, навсегда. Тем более что Борису 19 лет, и вдруг посреди войны и снега – сбывшийся эротический сон.

«Скотина! Животное! – ругал себя лейтенант, но ругань возсе отдельно существовала от него. В уме – стыд, смятение, но в тело льется благодатное, сонное успокоение».

– Вот и помогла я фронту».

Вторая часть повести называется «Свидание». На кухне спят пьяные солдаты, на сосне висит по-

Но когда пастораль
дана на мгновение,
а дальше — хлоп и снова
мясо, кровь, копоть,
тогда все приобретает
роковое свечение, тогда
ночи темнее, минуты —
длиннее, шорохи — громче,
а Люся — любовь
первая и последняя,
единственная на белом
свете, навсегда.

вешенный немец, Борис и Люся лежат в темноте, голые и неловкие, обдумывающие каждое движение, каждый поцелуй, боящиеся спугнуть наваждение. Он рассказывает о сиреновой музыке, которую когда-то слышал, о пастухе и пастушке, которых когда-то видел на сцене, обещает вспомнить, вернуться, прыгнуть на перрон. Она закуривает, обещает ждать в белом платье.

Оба знают, что ничего не будет, что с рассветом все закончится, что вообще все закончится цветом красным или черным, но а вдруг нет. И всю ночь мучают свою мечту, и ты мучаешь ее вместе с ними. Автор дает надежду и тут же ее отбирает — все это морок, представления, сказки — просыпайся.

«Люся слушала, боясь дохнуть, знала она, что никому и никогда он этого не расскажет, не сможет рассказать, потому что ночь такая уже не повторится».

Сиреневый — предсмертный цвет. Если смешать цвет закатный (розовый) и цвет сумеречный (голубой) — получится сиреневый. Цвет тихого часа, послеполуденного сна, самого тяжелого сна, в который приходят незваные гости, в котором плавают лица и мечтания, после которого долго не можешь прийти в себя. И снится Борису баня, плывущая по крови, и какие-то знакомые глаза, и бабочка садится на руку, и кто-то зовет повариху Люсю, чужую Люсю, не его.

Борис умирает долго. Дурацкая, ни разу не смертельная рана — и заражение крови. Он едет в поезде, на верхней полке, где, смешавшись со стуком колес, превратившись в кашу, сознание его моргает, обрывается, и тешит себя видениями:

«Музыки он уже не слышал — перед ним лишь клубился сиреневый дым, и в загустевшей глубине его плыла, качалась, погружаясь в небытие, женщина со скорбными бездонными глазами богородицы».

Не повторится, не вернется, никого нет, кроме медсестры Арины и сумасшедшего старика внизу. Борис, закрывая глаза.

«Под опустившимися веками еще какое-то время теплилась багровая, широкая заря, возникшая из-под грозных туч. Свет зари постепенно сузился в щелочку, потом потух, и заря остыла в остеклевших глазницах».

Наступила тьма, тьма какая-то языческая, где тело его оставляют в товарном вагоне, где его ищут волки, где пьяный станционный сторож хоронит его, перепутав ноги с головой, вбив вместо креста кол, где Люся находит его, плачет, прижимается лицом к могиле.

А может, и нет, может, это все сон. Нет никакой могилы, как и миллионов других могил. Спи бестревожно.

ПОЭЗИЯ

ИГОРЬ МАЛЫШЕВ
Родился в 1972 году
в Приморском крае. Живет
в Ногинске Московской
области. Работает инже-
нером на атомном пред-
приятии. Автор книг «Лис»,
«Дом», «Там, откуда облака»,
«Норнюшон и Рылейка»,
«Маяк», «Номах». Дипломант
премии «Хрустальная роза
Виктора Розова» и фестиваля
«Золотой Витязь». Финалист
премий «Ясная Поляна»,
«Большая книга» и «Русский
Бунер».

* * *

Ничего не исчезнет. Все здесь.
Мы капли. Вышли из океана и уйдем в океан.
Там мой отец, моя кошка,
И лошадь, которой правил дед Иван.

Дед Иван, он возил воду и не умел материться.
Там пруд, что давно пересох, и сожженные книги, все до последней страницы.
Там стихи, что я сочинил, но забыл, и все снеговики растаявшие.
Времени нет. Все здесь. Даже умершие и отчаявшиеся.

* * *

Галина Бениславская смотрит на пистолет, сидит у могилы Есенина,
Пишет записку, что все потеряно, и все дорогое теперь в могиле, на дне ее.
Ночь холодна, и она продрогла, сухи глаза ее, сухо горло.
Могилка еще тепла, она ходит сюда каждый вечер.
Память не отпускает ее, время не лечит.
Есть такие истории в мире, которым не помочь, как ни жалуйся.
Полугрузинка-полуфранцуженка, теперь на Ваганьково. Вся.

* * *

Человек что-то вроде двух лет,
Что не знает ни дня, ни ночи,
На дорогу глядит, там отец
И в руках его белый бидончик.

В том бидончике спит молоко,
И его через день покупает
Лейтенант артиллерийских войск.
Мой отец, мой папа, батяня.

Человек сорока с чем-то лет
Отчего-то теперь вспоминает,
Как идет по дороге отец
И как белый бидончик мелькает.

ПОД МОСТОМ

Деревянный мост через речку.
И под этим вот самым мостом
То ли некто живет, то ли нечто,
Наделенный пушистым хвостом.

Днем он скачет в кувшинках, беспечен,
Напевает, порхает листом,
То ли некто, а может быть, нечто,
Но с пушистым, как елка, хвостом.

По ночам он купается в речке
И дробит отражение звезд.
То ли некто, а может быть, нечто.
А потом выжимает свой хвост.

Жизнь его быстротечно-беспечна.
Он резвится на сваях моста.
То ли некто, а может быть, нечто,
Обладатель красавца-хвоста.

Он глядится в течение речки,
Чья вода глубока и чиста,
Видит он отражение нечто,
И при нем отраженье хвоста.

А зимой над замерзшею речкой
Засыпает он в щелях моста.
То ли некто, а может быть, нечто,
Обернувшись уютом хвоста.

В ВЕЛИЧИИ И РИЗЕ ПОКАЯНЬЯ

Конечно, мы знаем, что, аналогично русской письменности, сербская созрела на почве хотя и схожей, но все-таки инославянской, именно благодаря книгам Священного Писания, переведенным с греческого языка святыми Нирилом и Мефодием, а также их последователями. Но это далекое прошлое, которое хорошо знают даже не все специалисты по данной тематике. Более того, несмотря на то что с Сербией у России были всегда особенные, братские отношения, современная сербская (югославская) литература в нашей стране известна плохо. Безусловно, мы знаем, что славу ведущего сербского поэта делит с Бранком Радичевичем его современник Петр Негош, последний черногорский «владыка». О Негоше знают даже те, кто, в сущности, никогда не интересовался искусством Балкан. Знают, поскольку за последние годы наши граждане постоянно посещают Черногорию и Сербию. Знают некоторых авторов, которые появились в XX веке сербской литературы. В первую очередь это Иво Андрич, который за книгу «Мост на Дрине» получил в 1961 году Нобелевскую премию. Знают замечательную поэтессу Десанну Мансимович. Ей вообще повезло с русскими переводчиками, ее поэзию переводили такие разные и сильные авторы, как Леонид Мартынов, Давид Самойлов, Борис Слуцкий, Белла Ахмадулина, Иосиф Бродский. В этом значительном списке числится и Анна Ахматова. Знатоки считают, что по адекватности передачи образов и смыслов лучшими являются ее переводы. Да и сама Мансимович хорошо знала русскую и польскую поэзию, внесла свой вклад в переводческую работу.

И все-таки это «отдельные моменты любви...», которые не дают общей картины, особенно это касается современной сербской поэзии. А между тем поэтический ландшафт сербской поэзии далеко не беден. Это заметно по отдельным публикациям в нашей периодике, по антологиям современной сербской поэзии, которую тщательно составил

и выпустил в свет поэт и переводчик Сергей Гловюн, где наряду с Радомиром Андричем, Брониславом Вельновичем, Адамом Пуслоичем соседствуют молодые авторы. В развернутой подборке известных сербских поэтов, которую предлагает читателям «Юность», ярко представлена поэзия значительного сербского поэта Владимира Ягличича. Он родился в 1961 году в Крагуеваце, где живет и сегодня. Автор пятнадцати поэтических книг, а также четырех романов и одного сборника рассказов. С русского, английского и французского перевел много книг. Лауреат крупных литературных премий Сербии, премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Его поэтика ненавязчива и вместе с тем оригинальна, его голос хорошо вписывается в русскую поэзию, сочетая в себе современную метафоричность и точные смыслы между прошлым и будущим. А вот член Сербского философского общества, руководитель УНС (ассоциации писателей Сербии) Милован Витезович (род. в 1944-м) совсем другой автор. Был редактором литературных журналов и телеведущим на Белградском телевидении, является профессором Академии искусств. Пишет стихи, романы, драмы, телесценарии, книги для детей, эссе и афоризмы. Вышло около сорока его книг более чем в двухстах изданиях. В нашей подборке представлен свободными стихотворениями на вечные русские темы: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой... Белградец Данило Йонанович родился в 1956 году в Подгорице, работает главным редактором небольшого интеллектуального издательства «Грамадин», которое пользуется популярностью у посетителей Белградской книжной ярмарки. Он автор ряда поэтических книг, перевел с русского на сербский дневник Михаила Булгакова «Под пятой». Лауреат российского литературного форума «Золотой витязь» 2019 года.

Будучи в прошлом году гостем и участником 56 белградских (наследие югославских времен) международных встреч писателей, мне довелось познакомиться и выступать со многими поэтами и прозаиками на самых разных площадках страны: с уже давним знакомым Алесандром Петровым (пишет на сербском и русском языках), который видит сны о том, как спит Красная площадь, с веселым печальником Мирюльено Вунадиновичем, с Братиславом Милановичем, у которого запросто живут в доме старые мифы и «сто лет не звонят телефоны...». Помню и серьезную, такими, кстати, оказались и ее оригинальные произведения (иногда ироничные), Миряну Булатович, а вот с Милошом Янновичем, у которого «небо на ангела стало богаче...», лично не знаком, но подборку его прочитал с неослабевающим вниманием.

Помимо перечисленных авторов, в этой публикации представлены и другие поэты, любезно рекомендованные переводчиками. Разумеется, это далеко не весь спектр нынешней сербской поэзии, но все-таки по некоторым ее рекам благодарный читатель может уверенно плыть.

Евгений Чигрин, Москва

РАДОМИР АНДРИЧ

ПОД ПРИЦЕЛОМ

Славомиру Гвозденовичу

Со всех сторон самые искусные стрелки,
члены убойной команды целятся
в очи, в адамово яблоко, в горло,
в родимое пятно на левой лопатке,
в черную точку на краю светлой памяти,
в кириллицу, в еще свежие
раны на ладонях, не так давно
прибитых к великому кресту
в Грачанице, в Печскую патриархию,
в Богородицу Левицкую, в келью
Триединой троицы, в таинство
крещения, туда, где больнее всего,
в светлое полотно, сотканное
прозрачными небесными нитями
на языке предков.
Погибнуть
не может только Тот,
кто не был рожден перед выходом
на место расстрела,
но и он умирает с нами,
как живой.
Кажется,
и море расступилось,
а мы дальше и дальше от рассвета
на берегу реки у домов, воздвигнутых во сне.
Когда же, наконец,
чьи-нибудь уши,
Господи, вслед за муками
Твоего Сына
уловят безутешный плач
из наших христолюбивых
уст и он вольется в них
без остатка.
Со всех сторон наемники смерти
держат нас под прицелом и спускают
из адских пещер
бешеных псов,
чтобы они наелись досыта этой святой
землю, на которой мы кровоточим,
на которой ждем, что за
нашей высокой Голгофой
упадет звезда огненная
и ослепит очи полные
бешенством и злобой.

Перевод Сергея Гловяка (Москва)

ИНОГДА ПОУТРУ

То, что и не смели мы до переселения никому
сказать, теперь является на неизведанном пути
голодом и жаждой молодых яблоневых побегов в саду
родном, откуда и начался наш исход, когда связанные
общей болью в черных одеждах, мы шли, не ведая,
что мы уже немые, и только лишь иногда
поутру Грачаницкий колокол наполняет старые
соборные площади целебным звуком надежды.

МИЛОВАН ВИТЕЗОВИЧ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

*Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной.*

Булат Окуджава

Время, потраченное не на любовь
Он считал потерянным

Погружаясь в кутежи
Встретил Пиковую даму
В облике Натальи Гончаровой
С полной уверенностью
Что и ее сочинил

Умирать ему не хотелось
Но исполняя долг чести
Вышел на дуэль

Ведь и поступки его
Тоже должны были
Его пережить

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

В Петербурге
Идя по стопам отца
Выучился на офицера

Выдержал несколько битв
Прежде чем взялся за перо

За стихи на смерть Пушкина
Заработал изгнание

Когда напевая
Верхом поскакал в вечность
Под ним вздыбливался Кавказ

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Оживил Мертвых душ
Своим духом
И умер живым

Гоголевская Шинель
Теперь главный цензор
Он отдал ее придворному закройщику
Вывернуть и распороть

С тех пор из нее
Выходят великие русские писатели

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

Когда Лев Толстой
С чувством собственного достоинства
Повернулся к Богу спиной

Бог не мог оставаться равнодушным

Раздумывал
Пойти ли за ним

Сознавая свой
И его авторитет, решил:
Подожду-ка его я в Астапово

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Сначала Константиново
Было ему Москвой
После Москвы
Не мог оставаться в Константиново

Покинул
И Москву, и Константиново

Уходя
Остался вечным юношей

За три десятилетия прожил
Триста исключительно молодых лет

Никогда так и не понял
Что его притягивает вечность

Перевод Елены Буевич (Черкассы, Украина)

ВЛАДИМИР ЯГЛИЧИЧ

В МУЗЕЕ КОКИ ЯНКОВИЧА*

Из окна музея мне открылось поле,
муравьев-рабочих много полуголых,
на лесах, на стройке, свет играет вволю.
В октябре медовом звонко кружат пчелы.

Как тепло! Рубаху распахнул рабочий,
от тепла и света поле зеленеет.
Светлой пеленою мне накрыло очи,
потерял я голос, все во мне немеет.

Как меня накрыло поволокой странной?
Может, неизвестность отняла дар речи,
свет теперь повсюду, день молчит румяный,
будто обнаженной дамы вижу плечи.

Человек естествен, правильна природа.
Здесь я – в этом мире? Он подобен раю.
Даже решетом я набираю воду,
а душистый воздух шляпой собираю.

Весь внутри прострелен яркими лучами,
будто каракатиц пальцы – я текуч,
тьме назло всемирной, вопреки печали, –
я и сам – луч.

Перевод Аллы Козыревой (Москва)

* Никола Кока Янкович – скульптор, академик, родился в Крагуевце. После его смерти в Крагуевце, на окраине города, был создан его мемориальный музей.

КАПУСТА

Неспешно выросший качан широколистый,
готовый к сечке туготелый шар хрустящий,
засола ждет, когда на бочку крест плечистый
положат сверху и пудовый камень – к вящей

и пушей верности. Квашенье – род искусства
(что лишь немногим знатокам сулит удачу).
Пока что снята с гряд и сложена капуста
и бочек ждет своих, покрепче, побогаче.

И вот, посечена хозяйскими руками,
в день остывания осеннего светила,
умножась в сущности своей под тесаками,
она несет в себе достоинство и силу,

готовность к жертве без малейшей тени грусти –
под бодрый стук, под золотистый отблеск кадки.
Какая мудрость в этих головах капусты,
все отдающих – ныне, здесь и без остатка!
Все обретающих в осеннем онеменье,
все то, что отдано без страха и сомненья.

ДАРЫ

Миловану Беконьи, скульптору

Когда проводишь друга – снова, снова! –
в неведомый мир, в загадочную тишь,
закрывшись в мастерской, не помня слова,
с немим резцом опять заговоришь.

Но все шумы, весь хаос многоликий
в затворничество целются твоё –
шаги влюбленных, фар вечерних блики,
околичное, с лаем псов, жилье.

Пусть гул толпы бахвалится победой.
Но надо было с демоном сойтись
в единоборстве ради правды этой –
искусства, светом полнящего жизнь.

И пусть друг друга рвут они на части,
ни разума не помня, ни стыда, –
и те, кто рвутся к вожаемой власти,
и те, кто должен уступить места.

Ты знаешь: шум машин, надменно-сухо
звучащий, страсти зов, поход во власть –
все это – не от сути, не от Духа,
и, как вселенский прах, должно отпасть

перед смиренным обликом иконы.
Все лжи слои осыпаться должны
пред вечным, перед тем, что ждет исконно
на самом дне духовной глубины.

И только тот, кто наших слез достоин,
кто прожил и ушел как человек,
вернется в некий час, поэт и воин,
чтоб с мастером вдвоем назвать свой век

по имени. Взгляни же миру в очи,
ваятель, чтоб в резце себя нашла
надежда, чтоб Судья небесный зорче
вгляделся в штрих-пунктир добра и зла.

Чтоб в дереве, металле или камне
прошли бы пред судом Его седин
тысячелетья следом за веками –
пешком, бегом ли, «формулой один».

В счастливой силе дня ты и не вспомнишь,
что слаб и наг, что на две трети сед.
Лишь в мудрой одинокой думе полночь
шепнет, что каждый свой оставит след.

И этот след на вязком бездорожье –
итог трудов резца и мук пера.
Свой нежный дар Христу и плану Божью
несут сквозь скудость мира мастера.

Несут сквозь казнь бездушья и бездумья
отвагу и отзывчивость сердец,
дабы, итожа счет жестокой сумме,
простил хоть часть стадам своим Отец.

ТАЗ

Во дворе, возле крана с водою, почти у забора,
долгий век доживает посудина старого таза.
Он служил еще бабушке, помнится, в прежнюю пору,
а теперь в его чаше герань расцвела яркоглазо.

В нем купали меня. И касались Господнего чада
Иорданские воды в купели его допотопной.
Потому нам доньше, за слабую веру награда,
льются ливни с небес, над асфальтом, над грядкой укропной.

И хоть мухи жужжат над отжившим железным сосудом,
все искрится его оцинковка под солнцем средь зноя.
И смирившись с кончиной своею, с часов самосудом,

он и участи нашей крупницы уносит с собою.
Он, кто первым узрел наготу нашу, Божью убогость,
омовений родительских помнящий нежность и строгость.

ОБОСНОВАНИЕ ОТСУТСТВИЯ

А мы с Борой Хорватом* отсутствовали как мертвые,
пребывая в иных краях – посущественней, поважней.
Не было с вами нас, лишь посмертные абрисы легкие
на земле мы оставили. С ветром минувших дней,
с ритмом его искали гармонию строки наши,
чтобы не каждый понял слова, но голос любой узнал.
Жить – тяжелей, но поется – все легче, все дальше.
Вот и забудьте о страхе, вы, кто нас услышал.

Перевод Сергея Шелковского (Харьков, Украина)

* Бора Хорват – сербский поэт, умерший в Крагуевце.

ДАНИЛО ЙОНАНОВИЧ

ГРАЧИ́НИЦА

Как тебя из слов построить, Грачи́ница,
чтобы умилиться, а не отчаяться?

Чтобы никогда не терять из виду
со стены глядящую Симониду.

Чтобы подсобили святые сербские
унести тебя в своем сердце, и

чтоб любой из нас, где ни погляди,
по одной Грачи́нице нес в груди.

КОСОВО И МЕТОХИЯ

*Что берег в душе от вышних,
то огонь уже повывез,*

*пламенем – по рукам,
вспышками – по устам.*

*За слезы о чьем-то сыне
за погранные святыни,*

*за птицу, сбитую влет,
душа к отмщенью зовет.*

Крест, меч и речь мою –
Косову отдаю.

В Метохии – сны мои.
С подъязычным ядом змеи

пойду в монастырь Дечаны –
оставить старые раны,

и силой памяти призван,
вернусь к тебе, древний Призрен:

разрушенные, в чаду,
Архангелы* обойду.

Перевод Елены Буевич (Черкассы, Украина)

* Монастырь Святых Архангелов около Призрена в Косове.

БРАНИСЛАВ ЗУБОВИЧ

ХЛЕБ

Мы готовили из пепла
Хлеб.
Замешивали его слюной,
Заливали водой,
В которой отражалась луна.
Мы добавляли уголья из орехов
И порох какой-то лечебной травы,
Переливали юрьевской росой
И снова добавляли
Одну каплю воска,
Чтобы душа лучше легла
В яму посередине.
Такой хлеб,
Испеченный на солнце,
Мы не ели,
Но зашивали в пояс,
Сотканный из соли,
И в глухой час ночи
Бросали собакам.
Как говорится,
Лечили ужас.
Не зная, что только
Дым
Стал
Нашей жизнью.

Перевод Бориславы Дворанац (Сербия)

МИРЬЯНА БУЛАТОВИЧ

ТЕМНООКАЯ ПЕСНЯ

(ФРАГМЕНТ)

Сыну, Матии

Я сманила тебя оттуда, где было тебе светло,
в этот мир, где живая душа дешевле полушки,
что ни сей – слишком поздно тут всходит добро,
слишком рано – зло,
и поэтому ты не спеши выйти вон из нашей избушки.

Ты возьми себе в помощь, как в начале времен,
зверолова чутье – знатока повадки звериной.
Много в городе комнат-пещер, и со всех сторон
праисторию жалит будильников рой комариный.

Вот куда соскользнул этим летом ты с неба. Но
Твой Всевышний Отец тебя видит. И, вероятно,
Он тебе дал все то, что мало кому дано
для прорыва сквозь тьму и для возвращения обратно.

Перевод Екатерины Полянской (Санкт-Петербург)

МИЛОШ ЯННОВИЧ

ИСТИННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Коль одинаково слева и справа,
Надвое поровну делится тело,
То отчего не поймет это, право,
Наша душа, хоть и кажется целой?

Так почему она все разделяет,
Учит все равными видеть частями –
Даже себя. Выбирать заставляет
Меж одинаковыми смертями.

Так для чего я ишу ежечасно
Суть: выбираю, решаю, листаю?
Времени, что потерял я напрасно,
Для одной истины еле хватает.

Если все схоже – тогда все едино,
Жизнь – лишь отрезок меж точками страха,
Все, что мое, все, что бедно и – дивно
Станет в итоге лишь горсточкой праха.

Перевод Екатерины Полянской (Санкт-Петербурге)

БРАТИСЛАВ МИЛАНОВИЧ

* * *

Тихо в нашем доме,
Ни воды нет, ни пищи,
Невозможно заснуть
На сопревшей подушке.
На посуде слой пыли,
В чулане висит паутина,
Жестяные рога на стенах,
На них плесневеет наша надежда,
Старые мифы,
Умолкнувший мир.
Мы говорим, но слов не слышно.
Нам снится Земля Светозарная...
Мы сидим на корточках на пороге,
Гордые, облинявшие.
Уже смутьяны о нас забыли
И давно нам палками не грозят.
Тихо в нашем доме,
В очаге блестит ледяная корка,
В зеркалах разбитые лица,
Глаза, ставшие серыми
От прошедшего и грядущего.
Уже сто лет как колокол не говорил,
Уже сто лет как не звонят телефоны,
Родные под кров не слетаются,
А коты не справляют свадьбы в подвале,
Тихо в нашем доме:
Ни вода его не зальет,
Ни гром в него не ударит.

Перевод Музы Павловой (Москва)

Совместно с порталом «Хороший текст»
«Юность» публикует работы победителей
конкурса «Любовное стихотворение»

ИРИНА ТОЛСТИНОВА

СТРАШИЛА И ВОЛШЕБНИК

Куда ты шла с конфетками в кармане,
С коробкой разноцветных капитошек,
Простая, как полотна Пирсмани.
Изящная, как черная калоша?

Условия условному рефлексу
Поставлены, как жесткий ультиматум.
Страшила шла к волшебнику за сексом,
Загадочная, как шпионка Мата.

Волшебник был не то чтоб очень добрый.
Волшебник был красивый, как лисица.
Опасный, как испуганная кобра.
Страшила – она та еще тупица.

Как Муська за кошачьей дикой мятой,
Она чесала, матушка-природа,
Заранее в разорванном и мятом
По самым оживленным огородам.

Ей сельский хор читал «Безумству храбрых...»,
Она была для местных не чужая,
Но без горизонтального макабра
Не будет, как известно, урожая.

И вот она лежит на мягкой пашне,
Подарок без коробки и без банта.
Волшебник подошел во всем домашнем.
В халате, на серебряных пуантах.

Она просила сразу слишком много.
Он на нее смотрел тепло и мерзко,
С какою-то брезгливой поволокой,
Как будто страсть тушил по-пионерски.

А ей-то что? А что ей, в общем, надо?
Побулькать, как кипящее варенье.
Услышать заклинание «Авада...»
И стать благоуханным удобреньем.

Вчера я вспоминала о Страшиле,
Когда хрустящий хлеб с повидлом ела.
В башке твоей опилки. В попе шило.
Твой первый и последний танец – белый.

VASILY SHOMOV

ТЫ ЖДЕШЬ

Ты ждешь меня
Из похода на край Ойкумены,
Где минута длиннее ночи Алкмены, а неделя длиннее года,
Где луна спорит с солнцем, где непогода и широта с долготой переменны.

Ты ждешь меня
И смотришь в экрана окно.
Почтальоны не в моде давно и не носят известий,
Но конвертик в углу, в век бесчисленных несоответствий, появляется все равно.

Ты ждешь меня
Из-за Моря Дождей и отмелей синего цвета.
Я дрейфую под парусом лета, под звездой в сто тысяч четыреста сорок четыре карата
И слежу за крылом фрегата, он выведет. Он – птица-астролог, птица-примета.

Ты ждешь меня.
Это человеческого магнита вечный закон.
Это не физика, не Дирака бозон. Он сильнее плюса и минуса, жизни и смерти.
Мы свое притяжение чертим и в разбегающихся вселенных, умеем звучать в унисон.

Ты ждешь меня,
Не спишь и ловишь мой голос в ракушке-трансляторе,
В шуме подземного ветра метро и на эскалаторе, сквозь помехи радиозфира.
И из параллельного антимира к тебе летит «люблю»-смс в половине пятого.

Ты ждешь меня,
Как никто никого никогда не ждал.
Не ударами сердца цимбал, но запястьями, кожей, эритроцитами, нервами,
Моими последними дюймами и своими рассветами блекло-фанерными. Может, так уже кто-то кого-то ждал?

Может. Но не так, как ты.

АННА БАБИНА

КОЛЬЦО

Лето сползает с крыши выцветшим покрывалом,
Голубь взлетает в небо ровно по счету «три»,
Я выхожу на солнце, смело подняв забрало,
Только дрожат колени и пустота внутри.
Летом все стало проще, летом мы стали ближе,
Лето туманит разум, словно бокал вина.
Я утопаю смело в пряной и сладкой жиже,
Я выпиваю лето – залпом, глотком, до дна.
Листья полощет тополь в небе, как в бурной речке,
За гаражом в овраге штурмом берут редут.
Мы из травы сплетаем тоненькие колечки –
Нас ни года, ни страны в жизни не разведут...
Кличет в ветвях кукушка, время летит под горку.
Мы разбрелись по свету, ухнули в бездну лет.
Взрослая жизнь порою мерзкая, как касторка,
Где ты, счастливый, звездный в детство мое билет?
Снова настало лето, ветер стучится в стекла,
В город, где было детство, поезд меня везет,
Солнце слепит нещадно, даже щека намокла.
«Странная эта тетка, что она так ревет?»
Старая голубятня выжила, как ни странно,
А над оврагом строят новый высотный дом.
Я набиваю солнцем сумочку и карманы,
Впрок запасаясь ветром, вволю и на потом.

Пусть повезет разочек, я же авантюристка...
Птицей лечу с обрыва, ветер когтит лицо,
В пестрой тени акаций кто-то до боли близкий
Складывает травинку в тоненькое кольцо.

| Юность № 6
Июнь 2020

ПРОЗА

МЕРТВЫЙ САНТЕХНИК

НОЛЯ БАЦ

Родился в 1977 году в Москве. Вырос в Литве. В 2000 году в городской газете г. Нлайпеды были опубликованы его первые литературные опыты на русском языке. Работал на теленанале «2x2» в Москве. Сейчас живет и работает в Амстердаме, Нидерланды.

1

Мертвый Сантехник ходит из дома в дом. Приходит даже если его не звали. «У вас течь?» – спрашивает. Представляется странным даже для сантехника именем Идаинет Идаинетов и требует проводить его к стояку. Упрямотововать не имеет смысла. Мертвый Сантехник будет круглые сутки крутиться у дома, заглядывать в окно, колотить в дверь, но что хуже всего – звонить по телефону и тяжело дышать в трубку. Лучше сразу пустить. Пусть повозится, подкрутит гайку-другую, авось уgomонится да отправится восвояси.

2

Мертвый Сантехник, если уж совсем начнет чудить, может заявиться совершенно голым. Продемонстрирует багровый шрам от вскрытия на груди. И кое-что еще, чуть ниже. Особенно если дверь открывает миловидная домохозяйка. «Ну-у-у, – всплеснет она руками, – тут уж никого никуда провожать не надо. Все при себе».

3

Мертвый Сантехник хорош еще тем, что, в отличие от живых, очень тщательно выполняет свою ра-

боту. И, как правило, не берет даже денег. По крайней мере, лишних. Так что если надумаете звать сантехника, зовите мертвого.

4

«Ну и как оно – там?» – спрашивают иногда Жильцы у Мертвого Сантехника для поддержания беседы, пока тот, сгорбившись, у унитаза корячится. Спрашивают и куда-то вверх неопределенно кивают. «Скучно, небось?» – интересуются. А Мертвый Сантехник немногословен. «И да, и нет, – отвечает. – И да, и нет».

5

Мертвый Сантехник слоняется во дворе. Кружит у чьей-то давно заброшенной черной «Волги». И чем она ему так нравится? Кузов весь проржавел, стекла выбиты, фары тоже, внутри – не пойми что, заднего сиденья почему-то нет – куда делось? Зато водительское и пассажирское – на месте. Руль тоже. Покружит, покружит, да сквозь разбитое стекло заберется внутрь. Посидит за рулем. Вылезет. С ужасным скрежетом откроет капот. Поковыряется в том, что от движка осталось, да как хлопнет крышкой, что аж все миловидные домохозяйки за левую грудь разом схватятся.

По дороге
Мертвый Сантехник
наблюдает всплывшую
у берега и вмерзшую
в лед подводную лодку.
«Странно», – думает.
Хотя чего тут странного?
Мертвый Сантехник ведь
тоже как эта лодка – вроде
должен быть под водой,
а всплыл.

6

Весной, все лето и до самой поздней осени во дворе, прямо за коробкой (которая летом пополюснее – то футбольное поле, то баскетбольная площадка, а зимой наоборот – каток) Жильцы шумно-весело жарят шашлыки. Выпивают. Песни поют. В самый разгар веселья чуть поодаль появляется Мертвый Сантехник. Стоит, наблюдает. Его не сразу замечают. А когда заметят, чуть приумолкнут. Хозяйка стола нальет в пластмассовый стаканчик водки, положит на пластмассовую тарелку парутройку кусочков сочного мяса, зелени, приправ. Тарелку и стакан передадут самому юному участнику торжества – чаще всего девочке. Девочка спешит, чуть не падает – несет дяде гостинцы. (Среди Жильцов есть поверье – если Мертвый Сантехник выпьет, крикнет, зажмурится, проглотит кусок мяса, а следом улыбнется и потреплет девочку по голове, то у такой девочки все в жизни сложится хорошо.)

7

В магазине «Все для дома» работает Зоя. Разбирается в ассортименте получше некоторых. Некоторые из-за этого ее даже побаиваются. В особенности когда приходят купить какую-нибудь нужную деталь, а точного названия не знают. «Зоя, дай-ка

вот эту штучку», – говорят и пальцем показывают. Зоя немедленно таких пристыжает. «Ну что ты такое говоришь? Какая это тебе штучка? – отвечает. – Штучка у тебя в штанах, а это – штуцер!»

8

Мертвый Сантехник приходит в магазин «Все для дома» покупать герметик. Долго вертит его в руках. Но рассматривает не столько герметик, сколько продавца. Исподлобья бросает взгляды. Та тоже на него поглядывает. Наконец Мертвый Сантехник решается. Подходит к кассе, протягивает герметик, говорит: «Вот». Коллеги по магазину смотрят на Зою, удивляются – такая непробиваемая, а погляди-ка – покраснела. «Вам в пакетик положить?» – вежливо спрашивает. Тут Мертвый Сантехник неожиданно выдает – как пятиклассник плохо заученный стишок: «Вы – горячая штучка! Что верх, что низ – не обожгись!» Зоя еще гуще краснеет и отпускает товар, хотя в карманах у Мертвого Сантехника вместо купюр – палая листва, взамен мелочи – каштаны.

9

Зимой, когда замерзнет Водохранилище, Мертвый Сантехник ходит по льду на ту сторону. Там живут живые сантехники. У них там что-то вроде слободы. Никого чужого они близко не подпускают. Поэтому живут без газа и света. Зато с отоплением. По дороге Мертвый Сантехник наблюдает всплывшую у берега и вмерзшую в лед подводную лодку. «Странно», – думает. Хотя чего тут странного? Мертвый Сантехник ведь тоже как эта лодка – вроде должен быть под водой, а всплыл.

10

«Ты кто?» – спрашивает Мертвого Сантехника патруль сантехников живых. «Я – Идаинет Идаинетов – Мертвый Сантехник». Патруль отходит в сторону. Совещается. Потом снова подходит и говорит: «Иди-ка ты туда и туда, Мертвый Сантехник Идаинет Идаинетов!» А тот как будто не слышит. Или слышит, но не понимает. Ломится куда-то вперед, пытается пробить живую стену из живых сантехников. Но те его не пускают. И потихонечку начинают бить. Мертвому Сантехнику, казалось бы, что с того? Он ведь и так уже мертвый. Но все равно неприятно. Поэтому он разворачивается и идет обратно. «Ничего, – успокаивает себя, – зато еще раз на лодку погляжу».

|||||

Летом, все там же, на Водохранилище, Мертвый Сантехник вовсю резвится. Зайдет в воду там, где никого нет, и по дну топают в сторону пляжа. На дне чего только ему не попадает. Но сейчас не об этом. Подойдет к пляжу и где-нибудь у берега, в самой гуще купальщиков, возьмет да всплывет вверх брюхом. «Утопленник! Утопленник!» – орут со всех сторон. Через минуту – пляж пуст. Мертвый Сантехник выходит из воды, садится на пустую скамейку, сохнет. Солнце на воде бликует. Пляж совершенно пуст. Мертвый Сантехник улыбается – своей шуткой очень доволен.

|||||

По выходным Мертвый Сантехник ходит в центральную районную библиотеку имени Ломоносова. Иногда там случаются кинопоказы, и Мертвый Сантехник с удовольствием смотрит «Зеркало». Но больше любит читать. Садится в самом дальнем уголке читального зала и читает: «Илиаду», «Золотого Осла», «Метаморфозы». Ему очень нравится. Именно в такие моменты, именно здесь, в читальном зале, Мертвому Сантехнику страшно хочется отпустить бороду, которая в силу профессии у него просто-напросто не растет. Длинную, густую бороду. Он носил бы, на худой конец, и какую-нибудь эспаньолку, хотя это, конечно, стыд и срам, а не борода. Но у Мертвого Сантехника и такой нет – и не будет. Потому что он пусть и мертвый, а сантехник, а у этих испокон веков – как подкова на счастье – висят под носом усы-карпаты.

БОГИНЯ ЛИПОВОЙ РОЩИ И АБИССИНСКИХ КОТОВ

I

Она шла по липовой роще, запрокинула голову и упала навзничь. Трава была мягкой, как перина, – удерживала ее на весу. «Земля все слышит», – сказала она и опустила руку в кротовую нору. Так она думала закрыть Земле уши. «Небо, – сказала она, – хочешь, я рожу тебе дочь?» По небу пролетел самолет. Или птица. Только все это напрасно. Земле совсем необязательно затыкать уши. Она ведь не любит слушать. Куда больше любит поговорить сама.

II

Если судить строго, она была никудышным учителем. Начнет рассказывать тему урока – абиогенез – как откуда ни возьмись класс заполонят абиссинские кошки. Может, в образовательном плане это, конечно, и никуда не годится, зато дети спокойны, глядят котов и, обращаясь к учительнице на «ты», говорят, показывая на изогнутые спины котов: «Геля! Геля! Смотри! Верблужата!»

III

«Не стереги свой возраст, – говорила бабушка Геле. – Пусть идет куда хочет. И спать его в дом не зови. Он тебе не друг и не враг. Не бойся, не пропа-

дет», – говорила бабушка. Никто не знал, сколько Геле лет. А если кто и знал, ей этого не говорил. Та все равно бы не поверила. Засмеялась бы – и не поверила.

IV

Все знают одно наверняка – Геле нельзя дарить цветы. Никакие. Ни сладко-пахучие, ни грациозно-кудрявые, ни даже простоволосые. Зато можно – мокрых лягушек, стук в дверь и ноту ми. Но если хотите ее по-настоящему обрадовать, не дарите вообще ничего. Тем более в самый большой для нее праздник – третью среду третьего месяца. Случается такое нечасто. Вот и не дарите ей ничего! То-то она обрадуется!

V

Роща – одно название. На самом деле это два ряда деревьев. По шесть-семь в каждом ряду. Так что это скорее не роща, а так – аллея. Но Геле не нравится это слово. Как и имя Алла. Как и красный цвет. Поэтому место это называется рощей. И еще – рядом с рощей – пруд. Даже не пруд, а так – лужа. Посреди пруда – остров. (Скажете тоже – остров! Кочка жалкая – вот и весь остров!) За прудом – Станция юного натуралиста. Самая настоящая. Ни станций,

ни прудов с островами рядом с аллеями не бывает. «Вот поэтому, – повторяет Геля уже с легким над-
рывом, – никакая это вам не аллея, а самая настоя-
щая роща!»

VI

Муж Гели – железнодорожный проводник. При-
чем самый главный. Он как бы Проводник всех дру-
гих проводников. Дома почти не бывает. То один
поезд проводит, то другой. А если случится, что
рейса нет, то муж Гели – зовут его Ильей – все
равно остается ночевать в вагоне. Геля гостила
у него пару раз. Ей очень понравилось. Муж, ко-
торый очень гордится своей работой, все время
вскакивал и рассказывал об особенностях своего
ремесла: «А вот еще... Представь, пассажир просит
чая, и не один стакан, а сразу три! Что будем де-
лать? А вот что!» И Илья проворно набирает три
стакана кипятка и, держа их в одной руке и чуть
пошатываясь (чтобы было наглядней – ведь это
только сейчас состав стоит, а так он, разумеется,
движется – да еще, скорее всего, с огромной ско-
ростью, ведь поезд Ильи не просто поезд, а ско-
ростной), идет в конец вагона. Вернувшись, де-
монстрирует, как в походных условиях правильнее
всего стелить постель. Поужинав, супруги ложат-
ся спать в разные койки. Они ведь одноместные –
спать в них вдвоем категорически возбраняется.
В подтверждение проводник Ильи показывает на
правила, вывешенные у печки, где кипятится вода
для чая. Правила в аккуратной рамке, в них – сто
одиннадцать пунктов. Илья знает их наизусть, по-
тому что сам их придумал. Перед сном он зачиты-
вает их Геле. Она засыпает на тридцать шестом,
в котором говорится, что в вагоне запрещается
провоз животных, в особенности абиссинских ко-
тов, за исключением тех случаев, когда пассажир
и абиссинский кот – одно лицо. Или точнее – мор-
да, говорится в сноске к своду правил, вывешен-
ных в аккуратной рамке в вагоне номер Таком-то
Таких-то Железных дорог.

VII

Геля приходит в Липовую Рошу отдаваться Небу.
Ложится на Землю, закрывает Земле уши, а сама –
закрывает глаза. Чувствует – кто-то нежно касает-
ся ее там – под платьем. Она думает, это Небо, но
ошибается. Это молодой Ветер. Он еще подросток,
до смерти пуглив и до смерти любопытен. Целует
Геля в шею. Она улыбается и помогает – расстегива-

ет верхние пуговицы платья. Но не Небо кладет
ладони на ее грудь. И даже не молодой Ветер. Спуг-
нув юнца, в Рошу приходит Солнце – настоящий лю-
бовник Гели. (Только она об этом не знает и думает,
что это Небо.) Солнце долго ее любит, а когда ухо-
дит, приходит Дождь. У них с Гелей сложные отно-
шения. Делая вид, что не замечает его, Геля встает,
застегивает платье, выходит из Роши и видит – на
той стороне испещренного дождинками Мраморно-
го пруда скачет под дождем жеребенок – мокрый
и очень счастливый.

VIII

«Когда долго живешь в одном городе, не город
становится твоим, а ты – его. Проходишь каждый
день по одному и тому же маршруту, мимо все тех
же зданий и не обращаешь на них внимания, ни-
чегошеньки не запоминаешь. А город хорошо тебя
знает и помнит: твой первый выпавший молочный
зуб, первую любовь, которую носишь всегда с со-
бой, смешно прижимая к груди и думая, что никто
не видит. Именно город первым заметит твои пер-
вые седина-морщины. Он на все обращает внимание.
И обижается, что ты такой невнимательный. И мстит
как умеет», – рассказывает Геля детям.

IX

Архитекторы и строители – очень сильные маги.
Работают они так: задумают какое-нибудь здание,
приедут все в то место, где хотят его видеть, стоят
и долго сосредоточенно смотрят. Через какое-то
время – не сразу – на том месте появляется новый
дом. Но на Гелю чары архитекторов и строителей не
действуют. Иногда она даже проходит сквозь все их
так называемые постройки, просто потому, что для
нее их не существует. Чем очень пугает прохожих.
Геле не слишком нравится в каменном городе. Она
мечтает переехать в Рошу и жить там с Небом, Ве-
тром, Землей и Солнцем. Ну и Илью к себе позовут,
конечно. Будет приезжать и пахнуть креозотом. Це-
лыми днями будут сидеть все вместе, есть белый
виноград и закусывать красным.

X

«Геля, Геля, а как город мстит?» – спрашивает
Гелина ученица. Геля сразу мрачнеет, хотя толь-
ко что всю улыбалась, проводя наглядный экс-
перимент: одним взмахом руки превращала кота
в миниатюрного дельфина. «Как, как? – недовольно

говорит она. Хмурится. – Вот идет человек, останавливается – дорогу перейти собрался. Да так и остается стоять. Сам-то он думает, что и минуты еще не прошло, а люди ходят мимо, на него уже с десяток лет как смотрят, ориентируются по нему, когда им дорогу переходить. Потому что не человек он давно, а светофор». Дети улыбаются, не понимают всей серьезности городской мести. Тогда Геля опирается руками о свой стол, подается вперед и тихо говорит своим низким голосом: «Вот и парта твоя вовсе не парта, а бывший школьный завуч Екатерина Михайловна Политрук».

XI

Илья делал вид, что внимательно слушает Гелю. Даже иногда соглашался с ней вслух. Но про себя считал вздором всю эту затею с переездом в Рошу. Во-первых, там нет дорог. И он, естественно, имеет в виду не асфальтированные дороги – зачем они ему? – а свои родные – железные. Можно, конечно, худо-бедно привыкнуть и по лесным тропам научиться ходить, но ведь ненадежные они, неожиданные – тропы эти. Чуть траву ветром пригнет к земле – и уже кажется, что кто-то ходил тут недавно. Доверись, пойдешь след в след, да в какой-нибудь обрыв упрешься. С рельсами же совсем другое дело: встал на них и вперед – по прямой, не сворачивая. Доберешься куда надо – железно! Только смотри, с рельс – ни на шаг, а то пропадешь, сгинешь в полосе этой – недаром ведь прозвали ее мудрые люди полосой отчуждения, ибо чуждо там все человеку, загадочно и непонятно.

XII

Город, конечно, пытался отомстить Геле за ее не любовь, хотел превратить в фонарный столб или железный забор-сетку. Только город не знал, что это невозможно, потому что Геля с недавних пор – Липа. Первыми это заметили ученики. Как-то Геля, посмотрев в окно, замерла на полуслове, а ее вытянутая рука, державшая кусочек мела, оперилась душистыми цветками. Причем они распускались прямо на глазах – как утреннее солнце. Это произошло в третью среду третьего месяца. И сразу же – за окном наступила весна. Следом ученики обнаружили, что сидят не за партами, а в ветвях деревьев, которые повырастали вдруг в классе в два ряда. Вот и получилось, что пока Геля решалась переехать в Рошу, Роша сама собралась и переехала к ней.

XIII

Илья уехал на симпозиум работников железных дорог в Кракове. Приехал в своем вагоне и по возможности надолго из него не отлучался. Выходил только на заседания. Темой симпозиума была «Задача планомерного опоясывания земного шара одним непрерывным железным полотном». Помимо железнодорожников, были приглашены и самые видные архитекторы и строители – сидели насупившись, молча смотрели перед собой – явно замыслили что-то. Помимо профессионального интереса, были у Ильи и интересы личные. Близилась годовщина их свадьбы, и он хотел преподнести Геле сюрприз. Он уже дарил ей кольцо – два, если быть точным. Одно в честь помолвки – серебряное, с солнечным камнем, а второе обручальное – золотое. Теперь же, когда железная дорога опояшет шар, Илья подарит ей символическое третье кольцо – повезет на кругосветном поезде в кругосветное путешествие. Раньше ведь были только кругосветные корабли и самолеты, а летать и плавать Илье не к лицу. Пока же строительные работы еще не только не завершены, но даже не начаты, Илья везет Геле гостинцы попроще – краковскую колбасу.

ФОТОГРАФИЯ

НОНСТАНТИН КОРОЛЕВ

Родился в Москве в 1981 году. Окончил факультет культурологии Государственной академии славянской культуры. Работал на телевидении видеоинженером, видеооператором, режиссером монтажа. В качестве видеооператора и переводчика работал

с группой альпинистов «Восточный Гиндукуш» в Афганистане, Пакистане, Таджикистане, Нигизии. Участвовал в медицинских гуманитарных операциях как видеоинженер. В настоящее время — режиссер монтажа на одном из образовательных каналов.

Перед наступающими сумерками, к урюковому саду, где я гнезился со своей радиостанцией, подвалила толпа ишканимской молодежи.

«Пойдем почайкуем!» — сказал старший из парней в нахлобученной на голову пограничной панамке, полы которой были порезаны и причудливо закручены в узелки, как дреды у африканца.

Я глянул на свой «Гаррис», устремивший антенну вверх, на хозяина дома по имени Бек, на его жену, которая шла с ведром воды с арыка, и отказался. Обычно молодые люди либо вежливо пытаются напоить гостя, либо рассчитывают на экспедиционный этанол. В этот вечер я опять трапезничал у Бека, пил горячий ширчай с маслом, ел лепешку, а потом, отвалившись на цветастую курпачушку, смотрел в бездонное небо, которое в Азии кажется гораздо ниже, чем в привычной нам средней полосе.

На время акклиматизационного выхода группы мне предстояло сидеть на связи, для чего уважаемый Хан отдал нам ключи от своей квартиры, напротив ишканимского базара. Однако первые дни мне не спалось под крышей, и, собрав минимум вещей и радиостанцию, я побрел куда глаза глядят. По пути мне попался землероб с ишаком, который на прекрасном русском языке осведомился, откуда я приехал. Я назвался, после чего он, заметив, что при Союзе было жить куда комфортнее, пригласил выпить чая к себе в дом.

Дом представлял собой типичное памирское жилище — с окном в крыше, пятью столпами и портретом Ага-хана, обрамленным искусственными цветами. Больше всего поразила меня библиотека, где можно было встретить такие редкости, как дневники Бисмарка в двух томах, издания тридцатых годов, много дореволюционной литературы и огромное количество медицинских книг. Оказывается, один из родственников Бека был врачом, учился и практиковал в Питере и оставил такое наследство.

Жить я перебрался в сад, чтобы не тревожить хозяев дома. Они долго упрашивали перебраться под навес, но увидев, с каким комфортом я обитаю в палатке, и прослушав байки о ночных бдениях у радиостанции, оставили все как есть. Утром я бегал два километра в качестве зарядки и только успевал здороваться с местными жителями на ходу. Потом мы завтракали и отчаливали на поле.

Один раз я потратил полчаса на то, чтобы спуститься к Пянджу по камням, заваленным бытовым мусором. Поглядел на ту сторону реки, куда предстояло отправиться через две недели. Ничего особенного. По склонам афганской стороны спешили копытные, пастухи. По дорогам пылили машины, как правило, внедорожники. Пару раз я спрашивал у местных про мумию. Говорили, что в данный момент мумия нету, а на афганбазаре покупать не стоит — похоже на подделку.

К пятнице мы сконнектились с Валеркой, который ехал присоединиться к нашей группе из Бишкека. По пути он намеревался навестить в Хорог, в афганское консульство, где ему должны были шлепнуть печать в его загранпаспорт и отдать на руки наши паспорта. К вечеру я уже ждал его напротив входа на притихший базар, около колонки с водой. Местные дети вертелись с ведрами тут же, норовя угостить урюком или просто сказать что-нибудь по-русски в знак уважения к гостю.

После восхождения и акклиматизации в Киргизии организм Валерия требовал пожрать, и поэтому мы отложили поход к Беку на лепешки, наведались в ближайшую лавку, прикупили макарон, чаю и пару дынь и пошли пировать в квартиру Мурадбека. Отметить, так сказать, торжественную смычку. Оставшееся время пребывания в пограничном Ишкашине, перед переходом в афганский Султан-Ишкашим, мы дефилировали между рынком, квартирой и Бековыми апартаментами, заходя в урюковый павильон ко времени регламентного выхода на связь.

К моменту возвращения группы связь пропала совсем. Мы с Валерием стояли на дороге и оживленно спорили. По всему выходило, что нам надо собираться и ехать искать пропавших по приблизительной нитке маршрута. С жаром жестикулируя, решали, когда выдвигаться и что брать с собой.

Там нас и засняли вернувшиеся на день раньше остальных Андрей Громов и Ренат Шафиков.

Фотографию эту я храню до сих пор. На обороте Ренат каллиграфически вывел: «Валера и Костя спорят о времени выхода на поиски нашей группы».

ПОД БЕЗЫМЯННЫМ ПИКОМ

Стоянка на «блюде» была тягостной. Корона безымянных пиков, окружавших плато, скрывала от нас солнце. Днем мы часто наблюдали, как под аккомпанемент грома скатываются вниз лавины в шлейфе белых брызг.

Мороз крепчал: на нашем термометре ртуть ушла за отметку минус сорок.

Попытка Чижика и Тунгуса «запрыгнуть» на вершину в хорошую погоду не увенчалась успехом. Мы вынужденно сидели на одном месте и ждали окна.

Каждое действие стало превращаться в ритуал. Через день стояния биваком на плато уже никто не обращал внимания на мороз. Было очень холодно, но воспринимался этот холод как данность. Палаток на биваке стояло три штуки – шафиковская сверхлегкая из мембранного материала, Тунгусова классическая и моя летняя, купленная в Киргизии.

В палатке у Тунгуса спал Чижик, у Шафика гнездилися Валерон, а я гордо кочумал один в летней полусфере с двумя тамбурами. Утро начиналось у нас с того, что просыпался Чижик и будил всех остальных. Я лично просыпался от жуткого холода, долго ворочался и наконец решительным движением расстегивал молнию спальной системы, выпуская остатки тепла в нутро палатки. Потом требовалось аккуратно одеться, чтобы не получить под слой одежды дозу конденсата, который подстерегал жертву, до поры находясь на внутренней секции па-

латки. Фонарик перед сном я перевешивал с головы на запястье. Если, не дай бог, случится страшное – осадки свалят наши палатки или сойдет лавина, со светом шансов побороться за жизнь немного больше. Однако спать с фонарем на голове было не здорово – утром болели волосы. Я тщательно проверял несколько раз, переложил ли я фонарик во внутренний карман флиски. Фонарь на биваке должен быть всегда с собой.

Обычно утренний подъем сопровождался дикими криками. Так каждый из участников ободрял себя и товарищей. Застегнув молнию и скатав «биви-бэг», я тщательно застегивал отсек своей палатки и тамбур. Умывались мы снегом, зубы утром прополаскивали жидким освежающим средством, а более основательно – щеткой – чистили перед сном. В качестве разминки я лепил из снега стенку вокруг своей палатки каждое утро. Потом искал место, где снег почище, и скатывал большой снежный ком – добавлять в джетбойл, чтобы получить потом кипяток для приготовления еды и чая. С комом в руках шел к палатке Тунгуса, где в тамбуре готовили еду, и приваливался туда. Готовка еды на морозе занимала много времени. Обычно кочегарили сразу три джетбойла, держа их в руках, – один держит, второй добавляет в джеты снег. Примерно через час нужное количество воды закипало, и в автоклав заливали воду из двух джетов, а в один джетбойл кидали за-

варку. Автоклав стоял на полу палатки, питаюсь от мультитопливной горелки. С ним работал, как правило, Дима Чижик. В середине дня мы брали Валеркин штурмовой ранец (клапан от экспедиционного рюкзака с удобными плечевыми лямками) и валили на рекогносцировку.

Темнело на плато рано. Вечером алгоритм готовки повторялся, и начинался алхимический процесс разведения этанола водой. Перед тем как залечь спать, я долго отряхивал шапку и куртку, потом снимал в тамбуре гетры и ботинки, отряхивал обувь и бережно клал себе в ноги. Потом разворачивал американский армейский «бивибэг» и садился в недра холодного спальника, стягивал штаны, потом, наконец, пуховку, раскладывая ее на груди. Аккуратно застегивал спальную систему изнутри и натягивал пуховик на лицо. Подушкой мне служил гермомешок с запасной одеждой. Задача была простая – уснуть, пока алхимическая субстанция, находящаяся в крови, давала ощущение эйфории. Тогда сон был легок и тело отдыхало.

Ближе к вечеру в дом Пира Шо пришел бородатый брат и сообщил, что Санглич захвачен и всем надо валить в Султан-Ишкашим, а нам, скорее всего, переваливать через Пяндж в РТ. Но для этого сначала нужно было добраться до Султан-Ишкашима.

Пришлось, лежа в спальниках и извиваясь червяками, подклеивать к имеющейся «пятисотке» листы с Ишкашимами. Потом увеличившуюся портянку карты закатали в скотч с обеих сторон – «заламинировали». Подъем мы произвели на пределе душевных и физических сил. Собрались сами, собрали рюкзаки. Оставили Шо Лянгари бакшиш – 50 м веревки, палатку Тунгуса, вышедшие из строя трековые палки. Шафиков собрал нас на курултай и сказал: «Пора удирать!» Мы поднялись вверх по узкой улочке между заборами домов и стали грузиться в один из джипов. Приехала еще одна машина. Тоже внедорожник. Мимо нас, по направлению на Ишкашим, тянулись вереницы различного транспорта, битком груженные людьми с оружием и без него, ишаки, лошади, люди с тюками.

Связи у афганцев между тремя машинами не было, поэтому мы распределились по три человека на три машины, достали свои радиостанции, проверили связь и тронулись в путь. В такой ситуации любимого певца пировых домохозяев – Ахмада Зоира пришлось в машине выключить. Водитель произвел ритуал прикладывания руки к губам и к портрету Ага-хана, прогрел движок, и машины тронулись по дороге, подпрыгивая на ухабах. А по краям дороги – камни, указатели с гамматическими эмблемами

и люди, люди, люди, бегущие от войны вниз к Пянджу, поближе к границе. Поймал себя на мысли, что не хотел бы повторения всех наших полигонных тренировок в реальной жизни. Просто я не был уверен, что водители при попадании в засаду будут вести себя рационально, а объяснять, что делать, было уже поздно. Еще меньше мне хотелось засесть посередине дороги из-за того, что Чичероне опять заправился только в обрез на полдороги. Вот теперь бензином с нами делиться вряд ли кто-то будет. Себе дорожке... Технические санитарные остановки каждые три часа делали по очереди. Сначала вторая машина (по одному, прямо на колесо), через двести метров вторая, потом так же третья. От кого-то из достойных людей я слышал, как нескольких специалистов в этих местах пленили тогда, когда они всей гурьбой спешили и отошли к обочине, покидав беспечно оружие в машинах.

Из Лянгара доносились редкие хлопки выстрелов. Словно нагнетая обстановку, небо потемнело и посыпался снег.

Тактика у бандитов была весьма примитивная, но эффективная.

Перво-наперво сбивалась вышка сотовой связи. Одновременно весьма искусно штурмовались КПП полиции. Где-то штурмовались, а в иных уездах и покупались. Поэтому сидеть на позициях у пограничников было рискованно – ляжешь спать при одних хозяевах, а проснешься в зиндане, поскольку ночью тихо пришли другие. Уж лучше попробовать добраться до границы...

Джип родственника Пира Шо Лянгари представлял собой поистине произведение искусства. Конечно, до пакистанских «барбухаек» ему было далеко, но ведь и весовые категории разные. Цвет он имел вишневый. На верхней части лобового стекла, равно как и на обтекателях зеркал заднего вида, имелись какие-то арабские символы желтого цвета. Капот машины был затянут крупноячеистой черной сеткой, а радиатор завешен серой тканью. Кузов прикрывался черным тентом. Родственник сидел за рулем в маске. Выглядел он грозно. По дороге наш караван еще раз тормозил, и водитель производил манипуляции с зеленой пропановой горелкой, пока мы осматривали свои сектора. Через десять минут прогрева тронулись в путь, миновали людей с ишаками и одноэтажные домики, между которыми на камне, лицом строго на Кыблу, молился местный пограничник в китайском «каменном» камуфляже и с чешским АК. Проехали погранцов, выехали на мосток. Окна были открыты почти до упора, в салоне было холодно.

Вдалеке раздались еле слышные хлопки. Водитель остановил машину.

Шафиков пихал водителя в загривок и орал «Го-ни-и-и!!!», так что с шофера слетел паколь. Я синхронно дублировал Ренатовскую команду: «Драйвер гоу форвард!!!»

Через пятнадцать минут интенсивного движения всем стало жарковато.

Водила натянул на голову маску. На дороге показались модули белого цвета с синими окнами, на этот раз уже с кондиционерами. Насыпные американские габионы по периметру. Во дворе торчал гантрак белого цвета с зеленой полосой. Надпись на зеленом я не разобрал. На стуле перед шлагбаумом сидел человек в синей длиннополой одежде и непонятного вида шапке с ушами. Он разговаривал по сотовому телефону. По повадкам – вроде начальник. Чичероне пошел к родственникам – обещал принести пожрать. Предстояла долгая дорога по темноте. Рядом с кампусом пограничников оставаться было нельзя. Во-первых, их могли атаковать, во-вторых, они сами могли искать возможности сдаться противнику. Лучший вариант был продолжать движение, авось повезет.

Как писал Киплинг:

*Там слева скала, там справа скала,
Терновник и груды песка.
Услышишь, как щелкнет затвор ружья,
Но нигде не увидишь стрелка...*

В Султан-Ишкашим мы въехали в местный выходной. Промчались мимо стоящих нос к носу разобранных до нуля остовов зеленых БМП с белыми номерами 201 и 205. Перед КПП у моста через Речку столпились груженные КамАЗы, внедорожники и куча людей с тюками. Соцветия одежд были самые причудливые. От традиционных долгополых кафтанов до тужурок различных армий. От советских «эксперименталок» до австрийских парок с эмблемой остеррейха, попавших сюда, очевидно, с гуманитарной помощью.

Водила сдернул у себя с головы паколь и подарил его Еноту. Мы тепло попрощались, и он умчался восвояси. Аборигены предложили нам блюдо с рисом, мы не отказались – поели руками, скатывая рисовый шарик и запивая его чаем из термоса. Пока ждали офицера-пограничника, расселись на рюкзаках, неподалеку от бытовок, где гнезвился личный состав. Около шлагбаума сидел на ветхом табурете пограничник с автоматом в китайской форме. Наконец приехал на мотороллере офицер.

Мы обменялись с сопровождающими сувенирами на память.

Нас пригласили внутрь. Начался процесс торга. Офицер просил бакшиш за беспокойство. Чиж всучил ему внушительную стопку афгани, прикрытых сверху долларовой купюрой. Тот заграбастал стопку и не глядя положил в карман.

Началась процедура проштамповывания наших загранпаспортов. Шлеп! И на красивую афганскую визу, выданную в Хороге, ложится треугольная печать КПП Ишкашима с датой. В бытовке у погранцов висела карта Афганистана, фото какого-то почтеннейшего старца с джезаилом на сошках из рогов.

Офицер стал делать вид, что ищет ключ.

Мы перемигнулись с часовым, стоявшим у ворот, и просто-напросто перелезли через боковую ограду, предварительно перекинув рюкзаки.

ПОКИДАЯ «ПОРТ ЛЯНГАР»

Второй день шел снег. Поздняя осень Лянгара сменилась белой зимой. Кристальный горный воздух обжигал легкие. Стало еще холоднее. Режим был такой: сорок минут идем, двадцать минут отдыхаем. На несколько часов из-за дальних хребтов показалось солнце, стало еще холоднее, но психологически идти стало легче. Рабочий аккумулятор для камеры остался один. Очередной бивак мы сделали на закате ходового дня у замерзшего и припорошенного снегом горного озера. Чиж с ледорубом и каном спускался к озеру, прорубал лунку и начерпывал оттуда воды два или три раза. Остальные ставили лагерь.

Стали делать набор. Сначала идти было тяжело. На двух тысячах организм отвык от нагрузок. Часто останавливались, снимали с себя лишнее,правляли рюкзаки, переупаковывались. Когда я был помладше и только собирался идти со старшими товарищами в горы, мне постоянно говорили одну прописную истину: главное не физическая выносливость, а то, что у тебя в голове. Если человек сломался внутренне, если он «выгорел», то никто его наверх не затащит. Это в лучшем случае. В худшем случае человек перестанет бороться за свое здоровье и получит травму. И травмой ничего не закончится – начнутся долгие и болезненные для всех спасработы.

Когда показалось солнце, каждый из нас ободрился и удвоил свою черепашую скорость. Ровная

тропа закончилась, начались камни. Камни песочных, шаровых, красных цветов с прожилками и вкраплениями пятен различного цвета. По ним приходилось ломиться вверх, балансируя на нагромождениях. Иногда наконечник палки попадал между камнями и заклинивался, приходилось на ходу выдергивать его, лишая себя дополнительной точки опоры. На склонах, расположенных достаточно высоко над рекой, палки приходилось сдвигать, чтобы не съехать вниз и не убиться. Выше четырех тысяч, чтобы поставить бивак на пронизывающем ветру, при сильном, почти за сорок градусов, минусе, требовалось напилить лавинной лопаткой кубиков снега, оттащить их к палаткам и обложить их по периметру. Получалась своего рода стена из кирпичей снега, которая не давала ветру продувать палатки.

Готовка еды была отдельным ритуалом. В тамбуре нашей с Тунгусом палатки сидел я, окруженный джетбойлами, и добавлял из кучи снега под ногами снежные круглые куличики в воду. По очереди во все три джетбойла. Еще и еще. В течение часа все три закипели, в два я засыпал заварку, а содержимое одного добавил в автоклав Чижа. Чиж топил снег в «клаве», пользуясь мультитопливной горелкой, которая питалась местным бензином весьма невысокого качества. Сидел он во второй палатке, расставив ноги, между ногами помещались горелка,

баллон с насосом и пакованы с провиантом. Под самым пиком мы вышли к плато. Встали в центре этого блюдца, окруженного со всех сторон вершинами, с которых каждые полчаса скатывались с грохотом лавины, клубясь белыми облаками и постепенно сходя на нет. Попытка восхождения на вершину прошла неудачно. Времени было в обрез, нам надо было возвращаться. Стоянка на «блюдце» была тягостной, поскольку пики скрывали от нас солнце. Мороз крепчал: на нашем термометре бордовая ртуть ушла за отметку минус сорок.

Сыпал редкий январский снег. Мы удалялись от Ишкашима в сторону столицы на двух Умедовских внедорожниках.

По дороге от границы нас пронял голод после пережитых волнений, и мы частенько в сопровождении Умеда заруливали в ошхоны. Скидывали обувь, садились или ложились на курпачушки и сметали со стола все, что подавали. И шашлык, и шурпо, и яичницы, и кабоб, и много литров зеленого и черного чая из пузатых чайников с привязанной к ручке крышкой.

За пару дней доехали до столицы и расположились на базе на бывшей улице Чехова. Мы с Чижиком сгоняли на Зеленый базар в поисках любой обуви для Чижа, поскольку в «кофлачах» много не навоюешь, бегать по ровному затруднительно. Запах у базара был изумительный – настоящий восточный базар с пряностями, кофе, мукой, коврами, местным фастфудом, дешевой китайской одеждой. Требовалось всего ничего – сохраняя лицо, торговаться до упора, чтобы и покупатель, и продавец получали удовольствие от покупок.

Город жил своей жизнью. Вечная стройка, дети, трудяги, толпящиеся у «биржи труда» при входе на базар. Вдвоем мы быстро нашли то, что нам было нужно, купили Димке американские ботинки деревенского цвета, и он тут же их напялил. Попытались продать его «кофлачи», обработав их купленным тут же дезодорантом и сменив драные шнурки на новые. Но через полчаса плюнули на это дело и сдали ботинки в павильон, где торговали комплектами с натовских складов. Сказали, что нашли эту обувь в Ишкашима на афганбазаре. Прикупили до кучи и орехов в сладкой глазури. Запаслись одноразовыми салфетками, дешевой газировкой (это уже в супермаркете), зашли в аптеку, взяли перевязочный материал и много пузырьков этанола. Пополнили запас сникерсов – вещь ценная, когда перекусить нечем, а двигаться надо. Вечером, когда переливали этанол в пластиковую тару, немного попало и внутрь под хорошую закуску. Утром Миша с сол-

датами отвалил, и пришлось опять тащиться на КПП к воротам с рюкзаками.

Решили так: если придется эвакуироваться, альпинистское железо и веревки оставляем на станции и валим налегке. Себе оставляем коврики, спальники, медицину, пеммикан с заваркой и штурмовую палатку. Рюкзаки брали с собой для того, чтобы можно было быстро свалить в сторону здания, где находился кабинет дяди Коли. Это было единственное одноэтажное крепкое строение, и в случае внезапной атаки можно было в нем укрыться. На кран с водой мы натянули резиновый шланг, которым пользовались для полива, и пробросили его как можно ближе к входу в здание, набрав перед этим воды во все фляги и баклажки, которые можно было найти. Запасов воды должно быть много. Так прожили три дня. Туалет на станции стоял на отшибе, почти у входа. Из такого туалета легко могли человека похитить, никто бы даже и не спохватился. Поэтому туда приходилось ходить парами. Шел снежок, присыпая грязный асфальт. По городу движения не поубавилось. Вездесущие микроавтобусы «тангемки», гражданский транспорт, белые джипы иностранных специалистов. Выделялись белые внедорожники деминеров с красными треугольниками на бортах. В центре города все деревья-исполины, когда-то создававшие уют, были спилены.

Купить билеты в турагентстве проблемы не составляло. Турагентств и аптек было вокруг Зеленого базара предостаточно. Самолеты летали исправно. А вот прорваться в аэропорт по пробищам, которые возникали тут и там, было гораздо сложнее. Последний километр до аэропорта шли пешком в сопровождении милиционеров и группы Умеда.

Перед входом в аэропорт, у места, где обычно толкуются тангемщики и таксеры, стояла толпа молодежи. Наши аккуратненько вошли клином в толпу и протащили нас к воротам. До первого поста нас сопровождала полиция, как почетных гостей. Обнимались с остающимися мы уже внутри.

Пару раз пограничники внимательно осматривали наши загранпаспорта и тыкали пальцами в афганские визы и султан-ишкашимские треугольники, однако в итоге всех завели на загрузку. Переверса ни у кого не было, сувениров обратно не везли. Сели в самолет спокойно, поменялись местами, чтобы сидеть блоком, с позволения стюардесс. Самолет взлетел. Сидящие с обоих бортов приникли к иллюминаторам. В городе, похожем сверху на блюдце, в обрамлении гор, что-то горело, шел столбом черный дым.

Мы летели домой.

РАБЫНЯ ПУЗАТОВА

АСТРАХАНСКАЯ ГОТИКА

ЮЛИЯ ЛЫСОВА
Родилась в 1980 году
в г. Лысново (Нижегородская
обл.), окончила Нижегород-
ский институт, режиссерскую
лабораторию «Нульбюро»,
сценарные курсы Геннадия
Островского, работала шеф-
редактором на телеканале
«Ю». Студентка магистратуры
ВШЭ «Литературное мастер-

ство». Сценарист коротко-
метражных и полнометражных
художественных фильмов,
«пилотов» ТВ и веб-сериалов.

Переводчик в прозе – раб.

В. А. Жуковский

*Раб, сознающий свое рабское положение
и борющийся против него, есть револю-
ционер.*

В. И. Ленин

Не пей на ночь – в Астрахань поплывешь.

Моя бабушка

1. Миф о Пузатом

Кажется, это Лев Толстой вспоминал, как его, грудного младенца, пеленают взрослые? Мой первый отпечаток в памяти относится к возрасту четырех лет. 1984 год. Я в деревянном доме, сижу за столом напротив деда. Нас разделяет шахматная доска с фигурами. Дед объясняет мне, что такое ферзь. Ферзь, как и все остальные черно-белые обитатели поля, ходит без ног и ест безо рта. Бабушка суетится, ставит на стол кастрюлю, укутанную в несколько полотенец, велит деду убирать свою ерундистику (шахматы) и доставать тарелки – обедать пора. Дед вздыхает, собирает шахматы и кладет их на полку, где в окружении книг тянет обглоданную до железной кости ножку бледная гипсовая балерина.

Бабушка лезет в погреб, возвращается с банкой квашеной капусты, не может открыть плотно вцепившуюся в горло банки крышку, отдает деду. Дед как силач на арене демонстрирует мощь. Вздутая крышка пищит, но покоряется. Деревянной ложкой дед извлекает хрустящую капусту, раскладывает по тарелкам, куда перед этим из раздетой кастрюли уже доставлено дымящееся картофельное пюре. Бабушка режет буханку свежего хлеба и, обнаружив, что кто-то выгрыз мякиш изнутри, со знанием дела сообщает: «Христос ночевал!» Я уже в курсе, что Христос – это Бог в молодости. Но впервые слышу, что он был маленький, как пластиковая дюймовочка в железном цветке – игрушке, которую вчера купила мне мама.

Мы принимаемся за еду. Пюре нежное, уютно пахнет молоком, но мне хочется диких ощущений, поэтому я налегаю на капусту вырвиглаз. Бабушка говорит, что надо поесть и картошки, иначе в животе заведутся лягушки – как в пруду у их дома. Так мы сидим и просто едим. И ничего не происходит до тех пор, пока за окном откуда-то изда-лека не доносится загадочная подневольная музыка. Сначала звуки едва слышны, но постепенно становятся громче. Изможденная мелодия, едва переставляя ноги, которых у нее (как и у шахматных фигур) нет, прихрамывая, приближается, становится громче и зловещее. Мы втроем зами-

«Пузатого понесли!» —
со знанием дела говорит
мудрая бабушка, встает
и, держась за свой
радикулит, идет к окну.
Сквозь кружевную
занавеску мне почти
ничего не видно.
Вижу только медленно
проплывающую мимо
нашего дома толпу людей.

Однажды мне в руки попала брошюра «Рабыня Изаура» 1992 года издания. Я, разумеется, первым делом подумала, что «роман» этот был написан на основе знаменитой мыльной оперы, а значит, заслуживает презрения. Как же я удивилась, прочтя в аннотации, что, оказывается, «Рабыня Изаура» — это произведение классика бразильской литературы Бернардо Гимараенса. Опубликовано в 1875 году, еще до отмены рабства, оно стало настоящей сенсацией в Бразилии — никто до Гимараенса не дерзнул написать правду об ужасном положении рабов. Вроде как роман этот стоит в одном ряду с «Хижинкой дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. А знаменитое «унга зунга унгэ», транслируемое с телеэкранов в начале девяностых, имеет такое же отношение к литературному первоисточнику, как сегодняшняя Анастасия Волочкова — к классическому балету. Ну, коль так — надо прочесть. Я открыла брошюру и... обомлела.

«Могучие быки, лоснящиеся упитанные тельцы возлежали на траве, которой они только что накушались и нащипались, осуществляя сейчас торжественный животный процесс пережевывания злаков под сенью высокоствольных деревьев» — так начинался текст. «Какой кудрявый слог!» — подумала я. И, закрыв глаза на то, что травой, в общем-то, нельзя «нащипаться», решила, что, видимо, это особенно-сти традиционной для Бразилии XIX века манеры «слезы сердца».

«Это платье, как голубое облако вокруг ее ног, талия струится из этого облака, как Венера Ми-

лосская или какая другая Венера, рождаемая из морской пены», — говорилось в продолжении. Струющаяся талия, наконец, меня насторожила. Самиздат, что ли, какой? Нет. Издатель — информационное агентство «ЭКС-пресс», Нижний Новгород. Тираж сто тысяч экземпляров. Согласно выходным данным, перевел роман астраханский литератор и полиглот В. Л. Пузатов.

«А сензала ведь остается сензалой!» — кричали страницы. Что еще за сензала? Полезла в словарь. Нет такого слова в русском языке. Португальско-русский словарь сообщил, что *senzala* — это жилище негров-рабов. Ладно, буду знать. Но дальше — больше.

«Мизерабельность бесправия не прикроешь фиговым листом внешнего декора!» Что за черт? На мгновение усомнившись в рассудке Бернардо Гимараенса, я ринулась искать другой перевод «Рабыни Изауры» и — спасибо переводчику К. Комкову — выдохнула: бразильский классик про животный процесс пережевывания и струящихся Венер — не писал. А пассаж про сензалу и мизерабельность бесправия означает следующее: «Из-за этого лачуга не перестанет быть тем, что она есть на самом деле».

Дальше привожу параллельные переводы (сохраняя авторскую пунктуацию).

В. Пузатов: «Неустанно топтал, попрыгунчик дамский и вертопрах, своими наваксенными штиблетами не только собственную супружескую верность, но и беззащитное сердце жены».

К. Комков: «...ежедневно терзал сердце своей несчастной супруги распутством и безнравственностью».

В. Пузатов: «Медовый месяц, как и резинка на штанах, не тянется до бесконечности».

К. Комков: «...неужели ты думаешь, что медовый месяц длится вечно?»

В. Пузатов: «...мысли Леонсио роились вокруг Изауры как мухи, садясь ей то на лицо, то на шею, то на плечо, то еще куда-нибудь, не стесняясь».

К. Комков: «...воображение его было занято исключительно Изаурой».

В. Пузатов: «...и симпатичный помидор ее лица покрылся спелой краснотой. Из прекрасных очей посыпались молнии под аккомпанемент нежного грома ее голоса».

К. Комков: «...щеки ее стали пунцовыми, глаза метали гневные молнии».

Среди прочих инициатив В. Пузатова — «Как баобаб, поваленный тифуном — более не осмеливался уж он поднимать свои коряжистые руки на предмет своей африканской страсти». Астраханский

переводчик и полиглот делает сноску, сообщая читателю, что тифун – это форма слова «тайфун», характерная для русской прозы XIX века. При чем тут русская проза XIX века – загадка, но ход изысканный.

Далее В. Пузатов снабжает прозаический текст ремарками, преобразуя его в пьесу: «Изаура! Ох! Постой, послушай же, ну не будь такой капризулей, лапочка! (Изаура убегает, он преграждает ей путь)». Следом в «пьесе» появляются элементы поэзии: «Пронзен, пронзен стрелой Амур! Такой... (сбиваясь на рифму), такой... такой богине не должно быть рабыней!»

Тем не менее, при всей энергичности В. Пузатова, с середины романа он начинает выдыхаться. Переводчик пропускает сначала абзацы, затем – целые страницы оригинального текста, но, возможно, чтобы не потерять объем произведения, добавляет свои философские рассуждения. Например, о том, что «судьба проистекает не по “разумным” законам взрослых, а по детским и капризным законам». В сцене, когда сеньору Леонсио приносят выкуп за Изауру, которая принадлежит его умирающему отцу, Леонсио отказывает просителю, объясняя это тем, что вправе распоряжаться имуществом предка только после его смерти. В. Пузатов раздражается речью от автора, которой нет в оригинале: «...Только после его смерти... Смерти... Смерти... Эти последние слова Леонсио передразнило эхо насмешливого и неумолимого рока. Рок, сиречь судьба, любит смеяться над чванливой самовлюбленностью некоторых уж очень самонадеянных и уж очень уверенных в своих правах и правоте смертных. Может, для того лишь и позволяя им немного покичиться этой своей самой лучшей верой и достоинствами этой своей самой драгоценной персоны, чтобы потом с тем большим удовольствием звонко шелкнуть их по носу и оглушающе треснуть по голове толстой и пыльной книгой судеб, в коей им никогда не увидеть и прочесть ни слова и ни полслова. И слава Богу».

И смех и грех. К слову, о грехе. Взяв за руководство эссе Набокова, можно легко приговорить В. Пузатова к средневековым пыткам. Однако любой подсудимый имеет право на речь-сиречь в свое оправдание. Поэтому я решила отыскать В. Пузатова и спросить его напрямую, что это было.

К сожалению, в интернете не нашлось никакой информации об астраханском литераторе и полиглоте, кроме упоминания о том, что он имеет отношение к изданию Библии на разных языках мира (страшно представить, что не тянулось до беско-

нечности, как резинка на штанах, в Священном Писании). Если верить статье общественно-политической газеты «Волга», хранятся труды В.Л. Пузатова в Астраханской областной научной библиотеке, куда я немедленно написала электронное письмо с просьбой поделиться любыми сведениями об Иерониме Стридонском наших дней. Кроме прочего, окончательно помешавшись, я отправила запросы во все крупные СМИ Астрахани, в астраханское Управление культуры и местное отделение Союза писателей. Пока ждала ответов, решила отыскать «конкурента» В. Пузатова – Константина Комкова, который делал перевод с португальского и для озвучки бразильского сериала.

Про В. Пузатова Комков никогда не слышал, но согласился прочесть и прокомментировать его творчество: «Честно говоря, не совсем понимаю, с какого языка он переводил “Рабыню Изауру”. Возьмем хотя бы следующий пример.

Б. Гимапаенс: *Alguns bons e generosos instintos, de que o dotara a natureza, haviam-se apagado em seu coração ao roçar de péssimas doutrinas confirmadas por exemplos ainda piores.*

Подстрочник от Google: «Некоторые добрые и щедрые инстинкты, которыми его наделила природа, исчезли в его сердце, когда он впитал в себя плохие учения, подтвержденные еще худшими примерами».

К. Комков: «Те немногие хорошие качества, которыми наделила его природа, погибли, срезанные под корень отвратительными теориями, подкрепленными еще худшей практикой».

В. Пузатов: «Благородные порывы и устремления... медленно и беспощадно душились волосатыми руками грубой и вульгарной окружающей реальности, в грязных когтях черного змия вселенского цинизма и непролазной пошлости уже погибала, испуская последний писк, его теперь уже не бессмертная, грешная душа».

На вопрос, чем, по его мнению, является перевод В. Пузатова – недобросовестной работой или, может быть, хулиганским арт-перформансом, Комков ответил так: «Конечно, по отдельным фразам судить обо всем арт-перформансе, как вы здорово определили этот жанр, было бы неправильно, но у меня складывается впечатление, что это было продиктовано непреодолимым желанием заработать в те лихие годы, причем не важно как».

Тем временем никто из адресатов не отвечал на мои запросы. В Сети я обнаружила сайт с базой телефонных номеров и адресов жителей Астрахани. Среди них был только один В.Л. Пузатов. Я вбила

его адрес в гугл-карты, и космический спутник показал мне предполагаемый дом астраханского переводчика и полиглота и его окрестности. Особенно впечатлил серый железный гараж с нарисованной пентаграммой и надписью «Лорд». Но ровно в тот момент, когда я подняла трубку, чтобы позвонить автору трэш-версии «Рабыни Изауры», на мою электронную почту пришел ответ из астраханского отделения Союза писателей. Мне сообщили, что В. Пузатов никогда в этом объединении не состоял, уже в 90-е был глубоким инвалидом и еле передвигался. Так что они не в курсе, жив ли этот человек вообще. Это все, до свидания.

Я была в центре Махачкалы, когда там взорвали автомобиль министра Гусаева, и после увиденного спокойно отправилась в горы – брать интервью у другого дагестанского чиновника, на которого к тому моменту было совершено пять покушений. Но узнав об инвалидности В. Пузатова, заточенного в конце девяностых в панельной пятиэтажке с видом на газовые трубы, с единственной возможностью исполнить страстный словесный гопак на костях мученика Бернардо Гимараенса, – я так и не смогла набрать телефонный номер.

Человек – слаб.

3. Отзывы

«Поздравляю, твоя статья стала вирусной!» – сообщает мне в мессенджере приятель (он маркетолог). «В смысле?» – «Двенадцать тысяч просмотров, сотни репостов в соцсетях, куча комментов. Накидать ссылок?» – «Давай».

Сайт Livelib.ru

SonRazuma (врач, кандидат медицинских наук, молекулярный биолог, Мастер Наук и Лицензиат Философии, живописец-акварелист, пианист и кларнетист, литературовед, эссеист, пушкинист, гоголевед): «Ну и напрасно Юлия Лысова не позвонила. Можно было бы очень уважительно построить беседу, задать наводящие вопросы. Очень не понравилось в статье, что качество одного перевода сравнивается с другим переводом, а не с оригиналом. За такое Юлию Лысову следовало бы подвергнуть тем самым пыткам, которые она напроорочила переводчику Пузову».

mikvera: «А я не почувствовала в статье глубокой антипатии к астраханскому переводчику. Скорее даже, наоборот. Вот только, и вправду жаль, что Юлия не позвонила. Было бы ужасно интересно узнать, что сейчас думает автор перевода о своем том, далеком творении».

YuliyaSilich: «Поначалу веселилась от души, а после навалилась безысходная тоска. Поистине, от смешного до грустного – один шаг».

SonRazuma: «Да, там наверняка целая драма в одном флаконе – смешное и грустное вместе. Тяжелобольной человек в лихие 90-е искал, чем бы занять свои мозги на закате дней, как отвлечься от печальных мыслей. Предложил свои услуги разным издательствам. Ответила одна захудалая и нищая редакция, что хотят печатать Изауру, но денег за перевод не заплатят. Хочет переводить – пусть переводит, перевод желательно сделать красивше, чтобы дамам за сорок понравилось. Ну вот он и устроил прощальный фейерверк, поиздевался над коммерсантами и дамами, падкими на вычурный стиль. Оторвался от души. Сначала дописывал от автора, чего там нет, потом подустал, начал пропускать куски текста. Чтобы было понятно тем, кто понимает в литературе, первый абзац вставил от себя как подсказку умному читателю. Я его совсем не осуждаю, может, поступил бы так же. А тут его глупые люди пытками страшают».

Сайт Bookmix.ru

Наталка: «А я не согласна с Пузатовым! Я считаю, что тифун – это человек, больной тифом! Надо бы тоже почитать книгу-то... что-то мне сразу детство вспомнилось и как наши все поголовно обзавелись фазендами вместо скучных огородов)))».

Sibirjachka: «Пузатов шикарный хоходатель!»

Kamila2: «В 90-е юмор был просто необходим, жаль, что Пузатов тогда мне не попался».

Эйне: «А еще новеллизации и “вбковелы” клепали на коленках, причем используя периодически куски из других книг, например, ваяя многочисленные продолжения “Унесенных ветром”, использовали даже Ремарка)))».

Facebook

Сообщество «Книжный клуб им. Юрия Лозы»

Elena Freidz: «Вот это и есть настоящий литературный перевод! (хотя и несколько вольный)».

Victoria Lubashenko: «Читала, что был какой-то дореволюционный переводчик “Пиквикского клуба”, у которого был совершенно искрометный перевод, но при этом он не стеснялся кроить и перекраивать исходный текст».

Личные аккаунты

Савицкий Андрей: «Просто переводчик был художник – он так видел».

Яна Ультра: «По-моему, я только что пополнила словарный запас...»

Юлия Старцева: «Заработал бедный старичок, еще и постебался вволю».

Svetlana Sitnikova: «Ну начинал же Эко свой роман “Тщеславлюсь униженностью...” Тут тоже похоже на попытку закосить под витиеватый слог. А получилось самостоятельное произведение искусства :)».

Ольга Лысенко: «Ну так Эко специально наворотил барочных финтифлюшек, сам же над ними пожал, еще и мануал для переводчиков накатал, как эти финтифлюшки сохранить».

Svetlana Sitnikova: «Мне кажется, тут тоже не случайно».

Olga Darfy: «Растащить на мемасики».

Валентин Руденко: «Думаю, это он потом сделал Гоблину перевод “Властелина колец”».

Ольга Лысенко: «А вообще как перформанс – это да, это же чертовски прекрасно».

Егор Степанов: «Сам Набоков в плане переводов тоже такой молодец, что во время чтения только пот утирать».

Roman Kutuzov: «Ему можно, он гений!»

Александр Демидов: «Капец какой-то, а не Пузатов, на кол его!»

Елена Шанаева: «Этот Пузатов просто чертов гений! Минимум на пять лет опередил гугл-переводчик. Это явно был такой триумф, что его взяли потом в международную компанию алиэксpress переводить».

Анна Волкова-Куценко: «Перевод Пузатова куда интереснее и живописнее. Комков просто сухарь!»

Елена Шанаева: «Человек с душой работал».

Анна Волкова-Куценко: «Во-во! Я за Астраханскую рабыню!»

Мария Скворцова: «Зато как живенько!!! Не то что правильно выстроенные сухие описания)))».

Елена Шанаева: «У нас уже фан-клуб “помидора ее лица”».

Яна Твардовская: «Это так трэшево, что почти гениально».

Оксана Тарасенко: «Стильно, даа)))».

Минна Ямпольская: «Это надо читать. Непременно!)) Оттянулся дедушка, молодца!)))».

Lubov Caplan: «У меня двойственное впечатление. Первая реакция – как и у всех. А потом дочитала до конца... человек (немолодой инвалид) видел газовые трубы из своего окна, а воображение уносило его туда, где фазенды и бычки сочную траву щипают. Правду говорят, что жизнь – героичнее литературы по части сюжетов».

Минна Ямпольская: «Это с одной стороны. А с другой, никто не должен входить в положение, даже не очень приятное, переводчика – от него ждут совсем другого».

Екатерина Федорчук: «Как я рыдала, когда Тобиаса убили! До сих пор больно вспоминать!».

Галина Илларионова: «А мне весело было читать Пузатова, казалось, что слова рождены не в нашей равнинной умеренной полосе, а где-то за морями, где солнце, ярко, резко, эклектика и что-то невозможное, неправильное. Конечно, нелепо оно все звучит, но будоражит и вызывает эмоции, фантазии... А тот второй адаптированный перевод, где все правильно усреднено, и не запоминаешь ничего, как плохие учебники (всегда страдала, читая наши учебники истории, почему так уныло и нудно описаны мощные, взрывающие мозг, события, детям можно все интереснее преподносить. Эх...)».

Eghzarw d'Eghzarw: «Не знаю, не знаю, сравните, насколько ярче первый образ! Вообще, судя по цитатам в статье (от которой остается несколько неприятное впечатление), первый переводчик просто решил стилизовать перевод романа 19-го века под роман 19-го века, эдакий Крестовский, а то и Вельтман».

Мария Бахарева: «Да в те времена что только не печатали! Также наивно предполагать, что В. Пузатов непременно должен существовать гтг».

Eghzarw d'Eghzarw: «Автор, наверное, молодая, и романов вроде “Последняя любовь Скарлетт” и газету “Скандалы” не читала в восьмом классе под партой!»

Мария Бахарева: «Они бы еще популярного автора детективов Марину Серову поискали!»

Nathalie Raybman: «Эх, счастливый запах 90-х. Время, когда казалось, что можно все».

Anastasia Zavozova: «Я в целом удивлена тем, как серьезно разбирают перевод из 90-х. Да тогда была целая традиция, клепали книги по латиноамериканским сериалам и дописывали их как хотели. У меня бабушка их все читала и все ее знакомые бабки :) Художественный перевод к этому не имел никакого отношения. Опять же, никто не учитывает, что несчастный Пузатов мог быть автором подстрочника, который потом расписали и улучшили в издательстве, что тогда случалось сплошь и рядом. Или тем самым редактором, который за три копейки просто пересказывает примерный, наскоро сделанный подстрочник. И что книга 1992 года могла быть напечатана где угодно и кем угодно и Пузатов об этом мог даже не знать».

Eghzarw d'Eghzarw: «И что звали его, возможно, вовсе не Пузатов!»

Elena Lemeneva: «Прекрасный же перевод, такой же экзотический, как вся история плантаторов и их рабов!»

Андрей Калининченко: «Женщины! Кто помнит этот первый яркий и сладкий сериал в голодный и серый период нашей истории? Мужчины! Кто ненавидел эти противные бакенбарды главного героя и фальшивую улыбку героини? Прочитайте до конца. Тут все про нашу жизнь, смешную и грустную».

Гульнара Чиклина: «Я помню эпизод из жизни... грустный... был ноябрьский вечер, страну колбасит не по-детски (я еще не знала, что так будет очень долго, до сих пор...), мы с мамой идем от остановки в сторону дома, она: “Давай быстрее пойдем, там сейчас кино начнется “Изаура”. Я хоть так отдохну от всего, что вокруг творится”... вот запомнила это и все... Уже и мамочки нет со мной, и страну колбасит, и убегаем мы все от реалий вокруг, и фильм этот дурацкий напомнил это... уф... ((».

Андрей Калиниченко: «Музыка заставки к сериалу сидит в подкорке)))»

Иосеб Khachidze: «Гугла не было, человек помучился, учитывая его состояние, думаю, можно все простить. Готовый сценарий для завлекательного фильма. Сначала детектив, а потом драма со следами...

Galina Palaguta: «Точно, история для кино. Только мне кажется, он с переводом не мучился. Он творил! И, наверное, отдыхал душой, забывая про свои напасти. Так что, конечно, простительно. Тем более что есть и профессиональный перевод этой книги».

Стелла Придун: «А вообще, такой бешеный интерес позднесоветских людей к проблемам рабовладельческой Бразилии сам по себе настраивает на абсурд как норму. Пузатов этот запрос реализовал».

VK

Яшар: «По-моему, это был крутой перформанс, мужик рулит. Как бы “мизерабельность бесправия не прикроешь фиговым листом внешнего декора!” Это про Россию, друзья».

«Короче, народ хочет продолжения. Может, все-таки позвонишь Пузатову? Может, он жив?» – продолжает приятель. «Блин», – отвечаю я. – «Ну, как знаешь».

И все-таки движение «ямыпузатов» в комментариях к статье заставляет меня призадуматься. Я по-прежнему не считаю дело рук Пузатова пародией. Мне не кажется, что переводчик этот ставил целью высмеять дамский роман или чрезмерно художественный слог. Но согласна: есть в его переводе какое-то необъяснимое очарование. Человек старелся и, возможно, перестарался, но он действительно так видит. Я отвлекаюсь на другие дела, но тут снова пищит телефон.

Сообщение в «Фейсбуке» от пользователя не из списка друзей: «Здравствуйте, Юлия! А вам еще никто про настоящее фио астраханского самородка не написал? Так-то с ним немало людей были и у нас здесь в Москве знакомы. И историю этого своего перевода он иногда пресмешно рассказывал за стаканчиком». — «Здравствуйте! Нет, никто ничего не писал. И как его зовут на самом деле?» Незнакомый собеседник присылает мне ссылку на фейсбучную страницу одного из самых известных журналистов Москвы и добавляет: «Если б не умер, посмеялся бы. Он был такой — весельчак и бонвиван».

4. Конец восьмидесятых

Я хорошо помню 1988 год. Мне было восемь лет. Меня только что приняли в октябрюта и тайком покрестили в Казанской церкви. Прицепили октябрютскую звездочку и надели нательный крестик.

Папа вернулся из Амдермы. Он надеялся, что армейская дисциплина в условиях сурового арктического климата поможет ему навсегда разорвать порочную связь с бутылкой. «Набивались мне тут с предложением отведать браги два земляка, – писал он маме с края Земли, – мы с ними в Карском море искупнулись. Командир, когда увидел, махнул рукой и сказал, что это горьковские раздолбаи. Мол, оттуда все такие – лихие. Так вот после этого земляки предложили мне выпить, но, естественно, получили от ворот поворот. одному из них тридцать, другому – прапорщику – двадцать четыре года. Которому двадцать четыре года, сказал, что надо быть мужиком, так вот я этому “мужик” рассказал, как готовить и употреблять из клея БФ “эликсир жизни”. Он вытаращил глаза и спросил: “А ничего от этой смеси не склеится?” Я ответил, что несколько дней у него внутри будет то же самое, что и у крокодила Тототши, который наелся калаш. Ну он заткнулся и больше меня на слабо не брал. Ушли те времена, когда между нами с тобой сеяла семена раздора проклятая водка. Теперь ты, Наташа, – жена военнослужащего Заполярья, а не какому-нибудь “каскадера”, пьяни, ханыги. Верь в меня, милая Натка, я не свихнусь и не сойду с трезвого пути, будь спокойна насчет своего белобрысика (это меня то ли в садике, то ли в первом классе так звали – Лысик-белобрысик)».

Увы. Бортинженером и полярником отец пробыл всего год. Он снова запил. Целыми днями либо сидел дома, обнимая сумку, в которой хранились каштановые волосы его покойной матери, и слушая

Выбив из отца адрес цыган, мама помчалась к ним и, будучи вне себя от ярости, пригрозила, что если ей не отдадут ее добро, она наведет порчу на весь их табор. Милая мама ростом метр пятьдесят пять в гневе действительно страшна, так что я понимаю цыган, которые ей поверили.

запись голоса покойного отца на бобинах, либо мотался в поисках очередной дозы. Работы не было, денег в доме – тоже. Мама ругалась на папу и обижалась на своих родителей. Когда мы приходили к ним в гости, вместо того, чтобы спросить, как у нас дела, бабушка начинала рассказывать, как дела у рабыни Изауры (она переживала, что донья Эстер никак не подпишет Изауре вольную), а дед сообщал о его успехах в шахматах по переписке.

Наконец отцу повезло. Его взяли электромехаником на радиостанцию при областном радиотелевизионном передающем центре. Радиостанция располагалась на выезде из города, между трассой Москва – Казань и валавскими лесами. И хотя это был довольно секретный объект, мне разрешали иногда приходить туда в гости. Это было мое место силы. Меня завораживали все эти непонятные передатчики с множеством загадочных кнопок и рычагов. Однажды, пока папа не видел, я взяла телеграфный ключ и пропикала на нем мелодию из «Рабыни Изауры». Надеюсь, это ни на что не повлияло, самолеты не упали, паровозы не сошли с рельс.

В здании радиостанции стоял замечательный запах – смесь курева, крепкого черного чая и канифоли. На втором этаже располагалась комната со столом для настольного тенниса, где можно было погонять легкий мячик. На территории антенного поля мы собирали грибы и землянику (самый вкус-

ный чай на земле – это чай с земляничными листьями). Однажды у какой-то заброшенной землянки я нашла медную монету екатерининских времен. Папа сказал, что давным-давно там жила какая-то старушка, возможно, отшельница. А вот в будке у радиостанции жил пес по кличке Вентилятор – его так называли, потому что он забавно крутил хвостом. Папа всегда приносил ему из дома косточки. Правда, пару раз перепутал пакеты, отдал псу свою жареную рыбу, а сам сидел потом как дурак, обглаживая мослы. Вентилятор постоянно лаял на Чертика (так звали местного темно-серого кота) и гонял его по территории радиостанции. Однажды мужики с папиной работы поймали кота и дали ему водки. Чертик опьянел, осмелел, набросился на Вентилятора и изодрал ему когтями всю морду. Вентилятор сильно удивился и потом пару дней, пока Чертик страдал с похмелья, выглядел из-за угла с опаской.

Через два месяца после трудоустройства на радиостанцию папа снова загудел. Он был не из тех пьяниц, что могут каждый день быть навеселе, но при этом выполнять социально-семейные функции. Примерно на пятый день запоя отец превращался в зомби – по большей части лежачее, но иногда и ходячее тело. Как правило, запой продолжался три недели, и в течение этого времени отец был не в состоянии работать. Следующие – трезвые три недели мы жили более или менее спокойно, но в тягостном ожидании следующих «месячных» папы (определение мамы). Я не знаю, почему отца не выгоняли с работы. Может быть, потому, что он действительно был отличным спецом. Трезвый, он и отцом был отличным.

У нас был фотоаппарат «Смена», и мы, бывало, снимали и печатали фотографии. А однажды папа купил какую-то специальную пленку и сказал, что мы будем делать диафильм. Мы отправились на набережную – в те места, где когда-то стоял родной дом отца и где прошли мои первые годы. Дом этот находился в зоне затопления. Из-за строительства Чебоксарского водохранилища нас переселили в хрущевку на улице Чернышевского. А потом проект накрылся, территорию не затопили, в дом заселились какие-то приبلудные цыгане и через месяц его сожгли.

По возвращении с «родного пепелища» мы с папой идем в ванную, чтобы сделать проявитель. Отец отмеряет на весах какие-то порошки, смешивает их, я ему ассистирую, подготавливая воду – она должна быть определенной температуры. Я измеряю ее особенным градусником, он тоньше, чем тот,

что суешь под мышку. Залив проявитель в бачок, отец доверяет мне ответственное дело – вращать катушку с пленкой. Я вращаю и повторяю про себя: «Чтобы от пьянки отворотился, чтобы к разуму возвратился, чтобы от пьянки отворотился, чтобы к разуму возвратился...» Я нашла эти слова в маминой записной книжке. Там было написано: «Заговор от пьянки. Приди на кладбище на девятый день на чужую могилу. С собой принеси горстку пшена, насыпь крест-накрест на холм, потом вынь вино и вылей рюмку туда же. Заговор читать три раза: принесу на землю покойной душе, образумь моего мужа запойного, чтобы от пьянки отворотился, чтобы к разуму возвратился. Аминь». Через десять минут сливаем проявитель, заливаем воду, сливаем воду, заливаем закрепитель. И еще двадцать минут я кручу свою шарманку, закрепляя желание, повторяя все те же слова: «Чтобы от пьянки отворотился, чтобы к разуму возвратился, чтобы от пьянки отворотился, чтобы к разуму возвратился, чтобы от... Аминь».

На премьеру нашего диафильма собираются соседи из квартиры напротив, со второго и пятого этажа. Полумрак. Включается фильмоскоп. Луч света ложится на белую дверь спальни. Комната наполняется запахом нагретой пленки. Мама ставит пластинку с музыкой оркестра Поля Мориа. Играют скрипки. На экране появляется первый кадр нашего черно-белого шедевра: единственный в мире сухопутный порт, унылый и одинокий, никому не нужный, с пустыми глазницами, холостой. У входа – черные железные якоря, цепляющие воздух, ничто, пустоту. Папа крутит ручку проектора. Следующий кадр. Причальная стенка – как грань египетской пирамиды. Гигантская гробница несбывшегося. Следующий кадр. Перила причала – могильная ограда. Следующий кадр. Белый паром, перевернутый вверх ногами. Стоит, как гигантская юла на небе. В трюме парома темно, ничего не разглядеть, даже спасательного круга. Потом – свет. Макарьевский монастырь.

Мама выключает пластинку. Гости аплодируют. Все счастливы.

На следующий день отец пропадает. Значит, заговор не подействовал.

Уже полночь. Мы с мамой легли спать на разложенном диване в зале. Вдруг слышим долгое ковыряние ключом в двери. Наконец, удача. Отец заходит. Сопя, разувается в прихожей. «Надоел, как зараза!» – шипит мама. «Не обращай внимания», – говорю я. Вдруг в комнате вспыхивает свет. Мама накрывается подушкой. Я зажмуриваюсь. Через шелки

глаз вижу еле стоящего на ногах отца. «Ой, – говорю, – мам! Свет сам зажегся! Замыкание!» Встаю, прохожу мимо отца, якобы его не замечая. Выключаю свет. Ложусь. Отец сопит в темноте. Снова врубает свет. Я опять вскакиваю: «Ой! Опять!» Бегу выключать. Отец, растерянный, стоит, вылупив глаза: «Это я включил!» Выключаю свет, ложусь. Отец опять включает. «Да что ж такое-то!» – ругаюсь я. Отец хватается с кресла спящего кота Кузю и трясет им в воздухе. «Мам, смотри! Кузя полетел!» – говорю я. Отец трясет кота сильнее: «Это я, я его поднял!» «Полтергейст!» – говорю я, не сводя глаз с кота. Отец трезвеет с перепугу, бросает Кузю, встает передо мной на колени, бьет себя в грудь: «Девчонки, да вы чего? Это я! Я! Живой, вот он я, – хватается меня за ногу, за руку, – вот, пощупайте, я живой! Живой!» «Так, ну все, хватит, Юлия!» – говорит мама (когда она называет меня полным именем – Юлия – я знаю, она сердита). «Заканчивай этот цирк! Григорий, иди спать!» «Ага!» – кивает радостный Григорий. И, щупая себя за руки, за щеки, встает с карачек, удаляется и бормочет: «Жи-ив, жи-ив!» Спустя полчаса из спальни доносится: «Минутная готовность! Ключ на старт! Идут наддувы, отошла кабель-мачта, все нормально. Дается зажигание. Три, два, один. Пуск!»

Наутро мы уходим жить в деревянный дом к деде Вале и бабе Лене.

Через пару недель в один из дней мама после работы зашла в квартиру на Чернышевского, чтобы что-то забрать, и увидела, что отец валяется в отключке, отошавший Кузя ест из блюда на полу маринованные свиной шейки, а с иконостаса в углу пропала Святая София. Мама разбудила отца и начала допрашивать его, куда он, зараза, дел икону. Отец сначала всячески изворачивался, говорил, что к нам залезли вору, но в итоге все-таки сознался в том, что загнал икону цыганам за бутылку. Выбив из отца адрес цыган, мама помчалась к ним и, будучи вне себя от ярости, пригрозила, что если ей не отдадут ее добро, она наведет порчу на весь их табор. Милая мама ростом метр пятьдесят пять в гневе действительно страшна, так что я понимаю цыган, которые ей поверили. Прижав к сердцу возвращенную святыню, мама принесла ее домой. Отец встал на колени перед образами, заплакал, назвал себя хриstopродавцем и поклялся завязать с вином. Через несколько дней он поехал в Горький, где красивый черноглазый врач-гипнотизер по фамилии Зелексон закодировал его от пьянства на пять лет. Повтор сериала «Рабыня Изаура» в 1990-м мы встречали с новым – хронически трезвым папой.

|||||

По словам человека не из списка друзей в «Фб», астраханским переводчиком романа «Рабья Иззур» был ныне покойный заместитель главного редактора журнала «Русский репортер» Владимир Шпак.

В 1988 году Шпак работал журналистом в Астрахани. Когда сериал «Рабыня Изаура», успевший завоевать сумасшедшую любовь советских зрителей, был прерван на самом интересном месте, Шпака осенила гениальная идея: надо раздобыть упоминаемый в заставке сериала роман Бернардо Гимараенса, перевести его на русский язык и издать до того, как выйдет вторая часть мыльной оперы. Людям не терпелось узнать, что будет дальше, и на этом можно было хорошо заработать.

Какой-то знакомый студент привез Шпаку из-за границы сочинение Гимараенса на португальском языке. Шпак, не зная португальского, перевел текст со словарем. В итоге, видимо, и вышло то, что вышло. Хотя Шпак не стеснялся этого своего произведения и с удовольствием рассказывал о том, как на выручку от продажи переведенной им «Рабыни Изауры» он купил две квартиры в Астрахани, а потом их продал и открыл рыбный бизнес.

«То есть вы думаете, что никакого В. Пузатова не существовало? Что это псевдоним Шпака?» – уточняю я при встрече с информатором. «Моя память могла исказить какие-то вещи, я боюсь наврать в мелочах, но мне кажется, что даже стилистически это похоже на Шпака. У него было невероятное чувство юмора, и он вполне мог постебаться над, будем честны, довольно слабым бразильским романом». Информатор советует поговорить с главным редактором «Русрепа» Виталием Лейбиным – возможно, он знает больше. Я благодарю анонимный источник информации, по его просьбе обещаю не открывать его имя в случае, если надумаю писать продолжение этой истории, и на этом мы прощаемся.

Моим первым запросом в гугл после встречи становится «шпак рабыня изаура». Выпадает единственная ссылка – на православный журнал «Фома». В материале «Миллион на двоих не делится, или Почему богатому трудно войти в Царствие Небесное», представленном как «исповедь прогоревшего бизнесмена эпохи первоначального накопления капитала», Шпак действительно рассказывает о том, как занимался торговлей газетами и книгами и издавал «Рабыню Изауру». Но, помимо студента, доставившего из Латинской Америки «первоисточник», в интервью Шпак упоминает

ет и переводчика, до этого имевшего дело только с морскими коносаменами и накладными: «Ну и результат, конечно, был соответствующий. Там была фраза, которая, как я понимаю, должна была звучать как “шелкнул клювом” – у нас она была переведена: “лязгнул зубами”. А поскольку переводчик, как водится, затянул, типография уже стояла под парами, и, кроме того, наш креатив неожиданно нашел отклик – люди, у которых мы до этого покупали книги, заинтересовались нашей “Рабыней” и уже прислали машину, пришлось издавать ее, даже не показав корректору. “Зубастый петух” – это еще цветочки. Литературный критик Андрей Немзер в газете “Сегодня” потом разразился разгромной статьей по поводу нашей “Рабыни”, назвав ее самым чудовищным изданием за всю историю русской словесности».

Пишу Немзеру письмо, не особо рассчитывая на ответ. Немзер отвечает. У него рецензии на перевод «Рабыни Изауры» не было – он даже не читал этого перевода. Однако слух, дошедший до меня, не совсем пустой: «В пору, когда “Сегодня” уже прихлопнули, был у меня “похожий” разговор с Владимиром Шпаком. Оба мы служили тогда во “Времени МН” (или уже “Времени новостей”, газета меняла названия), он – заместителем главного редактора, я обозревателем (изящной словесности). И как-то В.Ш. сказал мне, что я когда-то наезжал на издание “Рабыни...”, к которому он был причастен (деньги так зарабатывал). Я ответил, что такого не было, В.Ш., наверно, решил, что я деликатничаю, не хочу ворошить старое. Разговор (вполне приятельский) свернулся – вспомнил его сейчас не сразу по прочтении Вашего письма и “смутно”. Видимо, В.Ш. (или кто-то еще, причастный к “коммерческому сюжету”) тоже помнит историю с бранным откликом “не точно”. Допускаю, что в “Сегодня” наезд был, но точно не мой и, скорее всего, не целенаправленный, а совершенный “по ходу дела”».

Пишу обозревателю «Сегодня» Максиму Андрееву, он, в свою очередь, наводит справки у заведомом искусства «Сегодня» Бориса Кузьминского. Через Кузьминского проходили абсолютно все тексты, связанные с литературой, и он дает неутешительный ответ: «Не выходила такая рецензия, 150 процентов».

Раз не было никакой рецензии, может, и В. Пузатова – тоже? Может, прав информатор, и В. Пузатов – это Шпак?

«Псевдоэпиграфия не была слабой стороной Володи, – говорит главный редактор “Русского репортера” Виталий Лейбин, согласившийся на не-

большое интервью. – Мы с ним даже для “Русского репортера” придумали несуществующего автора. Он подписывает своим именем заметки, которые настоящие авторы по каким-то причинам не хотят подписывать. Иногда очень хорошие, кстати». Лейбин допускает, что Шпак мог заказать перевод «Рабыни» нескольким переводчикам с португальского, а затем сделать литературную обработку под псевдонимом. Шпак гордился этим проектом в первую очередь как успешной финансовой операцией, но и содержанием – тоже. Он и в своей журналистской работе придерживался правила давать людям то, что им интересно.

Перед интервью с Лейбиным я прочла воспоминания коллег о Шпаке. Его сравнивали с сержантом Бойлом из «Однажды в Ирландии», товарищем Суховым из «Белого солнца пустыни» и называли дядюшкой Delete за требовательность к текстам.

«Когда мы начали делать «Русский репортер» и в числе других кандидатов на должность ответ-сека встретились с Володей, я сразу понял, что нам сложно с ним будет. Потому что мы во всем вообще были с ним различны. Если я был такой – не служивший в армии пацан, у которого все получалось всегда и не было больших жизненных сложностей, то Володя был мужик с жизненным опытом, с неполиткорректной речью. Если я симпатизировал высокодуховным устремлениям наших либеральных братьев, то Володя – наоборот – требовал секса и насилия, чтобы были тиражи. Он выступал в нашей редакции на стороне простого народа. На стороне простого читателя. Он ввел такой формат новостной трансляции, при котором то, что думает уборщица или слесарь дядя Вася, нужно ставить рядышком в новостях с тем, что думает губернатор или крупный бизнесмен, – рассказывает Лейбин. – Он был склонен идеализировать 90-е, в смысле наличия свободы и драйва. Он не любил никаких ограничений. Например, когда нас уже выгоняли и штрафовали, он до последнего отказывался подчиняться запрету на курение в помещении». Лейбин добавляет, что у Шпака, помимо «Рабыни Изауры», была куча не менее увлекательных историй, например, как чеченцы его убивать водили, но о них лучше спросить бывшую жену Шпака Марину Борисову. Она к тому же руководила службой литературного редактирования в «Русском репортере», а значит, как профессионал может дать и оценку переводу В. Пузатова.

Нахожу контакты Борисовой, пишу ей письмо. Снова захожу на фейсбук Шпака. На меня с аватарки смотрит седовласый усатый джентльмен с мальчи-

шесктой улыбай. Время в аккаунтах соцсетей движется в обратную сторону. Сначала посты из разряда «любим, помним, скорбим». Затем сообщения о скоропостижной смерти от инсульта в 2014-м. Далее поздравления с днем рождения, пожелания процветания любимому журналу и счастья в семейной жизни. А вот уже сам Шпак – живой – пишет: «К истории о девятилетней девочке, высаженной из маршрутки на мороз злобным водителем. Пункт первый – девочка мне нравится, она молчит как партизан. Пункт второй – мне было восемь лет, и я ездил на автобусе в музыкальную школу. Ааа! Я ее ненавидел! И однажды я не пошел туда. Но надо было что-то сказать родителям. И я рассказал, как будто бы меня выгнал кондуктор. Ну, типа, я забыл заплатить за билет, и за это меня высадили. И когда эта история появилась у меня в голове, я сразу понял, что у меня куча времени, которую я провел с толком – играя во дворе в войнушку. И там я еще порвал штаны. И от этого история приобрела дополнительные краски – кондуктор не просто высадил меня, а вытолкнул, а я упал и порвал штаны. Хорошо, что в годы моей юности не было ни Астахова, ни ювенальной юстиции. Да и родители были люди вменяемые. Им моя история очень понравилась»).

В посте со списком книг для обязательного чтения – «Пена дней» Бориса Виана, Новый и Ветхий Завет, Борхес, на котором, по мнению Шпака, выстроена логика его поколения, Пушкин и Гоголь, Камю, Хармс и Платонов – «Котлован» и «Чевенгур» – «потому что иначе не понять общего абсурда жизни и потому что тот, кто это не читал, не понимает русского языка».

А вот дочь Шпака пишет о нем: «Адресат уже недоступен, но все равно начинаешь размахивать руками и кричать в пустоту. Пугаешь людей. Надо купить самой дорогой выпивки, на какую хватит денег. Пить и рассказывать о нем небылицы. О его удивительных корнях, о его волшебной судьбе, о безмерном таланте и невообразимой удаче. Как его обожали женщины и как ловко он бросал их, пока они не успели его разлюбить. Он всегда удивительно точно знал, как надо уйти. Любил оставлять следы в чужих сердцах. Последний уход был самым трагичным и красивым в его жизни. <...> Спи, папа. Сладких снов».

6. Издательство «Опасность»

В 1990-м, после того как отец закодировался, у нас началась новая жизнь. Зарплаты родителям задерживали по три-четыре месяца, хотя часто

вместо денег давали масло и сыр, так что в каком-то смысле мы как сыр в масле катались даже в те неблагополучные годы. Папу выбрали председателем домашнего комитета, в чьи обязанности входило распределение по квартирам талонов на еду. С помощью каких-то махинаций ему удавалось получать несколько лишних талонов на сахар, что позволило организовать противозаконное производство самогона на дому. На продажу, естественно, — отец больше не брал ни капли в рот.

Вся наша «двушка» с проходными комнатами провоняла сивушным запахом. Ванную, где раньше совершались алхимические таинства по проявке фотографий и диафильмов, теперь захватили пузатые алюминиевые фляги, похожие на недоделанных роботов. Входя в спальню, я каждый раз натякалась на приветствия раздутых резиновых перчаток, надетых на трехлитровые банки с бражкой. На кухне стоял самогонный аппарат, соединенный с водяным краном резиновым шлангом. Теперь я точно знала, как выглядит Зеленый Змий — он был тощим и черным. Время от времени в квартире появлялись подозрительные личности, уносящие за пазухой чистоган — отец работал на совесть, клиенты были довольны. Мне все это дело не нравилось до тех пор, пока на выручку от продажи самогона отец не купил мне электронную игру «Ну, погоди!». Как сейчас помню: она стоила двадцать пять рублей, и это были какие-то бешеные деньги. Я как все наивные советские дети верила, что если набрать в игре тысячу очков, на экране появится мультфильм. Не стану описывать свои чувства, когда после 999 очков счет просто обнулится и игра началась заново.

Тем временем на жилищно-коммунальное хозяйство, где мама работала секретарем-машинисткой, выдали одну подписку на двенадцатитомник Лескова, и мама с большим скандалом присвоила себе эту подписку. Ряд книг с изумрудными корешками, украшенными позолоченной резьбой, оживил скромный интерьер нашей квартиры: вместо стенки (как у порядочных людей) — составленные платяной и книжный шкафы, вместо паласа на полу — домотканые половики, вместо пылесоса — веник с совком и повсюду — заросли маминых цветов: алоэ, аспарагус, бегония, каланхоэ, герань.

Папа откладывал самогонные деньги на покупку кнопочного цветного телевизора. Пока же приходилось переключать каналы, вращая барабан, как в новой передаче Первой программы ЦТ «Поле чудес», которую вел Владислав Листьев. На нижегородском телевидении началась передача «Поне-

дельник». Ее вели местные журналисты Александр Блудышев (усат как Листьев) и Илья Ластов (отдаленно напоминает Ричарда Гира из «Красотки»). Именно благодаря им мы увидели и «Красотку», и другие американские фильмы. В основном это были боевики: «Робокоп», «Вспомнить все», «Крепкий орешек».

В 1991 году в СССР произошел путч. Все накопления деда на сберкнижке сгорели. В день его рождения, 6 октября, во время концерта в Москве погиб любимый певец мамы Игорь Тальков. Я написала оду на его смерть, которая, к счастью, не сохранилась.

По каналу «Останкино» начался показ мексиканского сериала «Богатые тоже плачут». Главная героиня по имени Марианна казалась мне ужасно приторной и фальшивой. Гораздо больше симпатий вызывал ее умирающий от алкоголизма отец и Луис Альберто — он был тоже не дурак выпить. Подбирать на фортепиано мелодию из заставки «Богатых», в отличие от «Рабыни Изауры», мне не хотелось.

В 1991 году у меня появился персональный компьютер. Правда, он был бумажный. Это был разворот книжки «Энциклопедия профессора Фортрана» с изображением компьютерного экрана и клавиатуры. Действие красочного научно-популярного комикса происходило в городке Симплексе, где жил лысеющий блондин профессор Фортран и его друзья-ученики — кот Икс, Гусеница и Воробей. Интеллектуально сверхразвитая живность писала алгоритмы для роботов и компьютерные программы, объясняла читателям, что такое гибкий магнитный диск, телефонный модем, и сообщала, что слово «фея» на машинном языке записывается как 1100110 1100101 1110001. Но главное было не это. Зная, как я люблю передачу Блудышева и Ластова, отец, прямо как купец в сказке «Аленький цветочек», привез мне из заморской страны, а точнее, из Горького — он теперь стал называться Нижним Новгородом, — автографы всех нижегородских телезвезд, включая Блудышева и Ластова. Каким-то образом проникнув в телецентр, он попросил их написать мне пожелания в «Энциклопедии профессора Фортрана». «Юленька! Любя папу и маму, не забывай про кино. И оно тебе поможет», — написал Блудышев. «Дорогая Юлия! Книга — не единственный источник знаний, но и не последний», — написал Ластов. Я чувствовала себя Избранной.

Советский Союз распался, президентом новой страны стал Борис Ельцин, но вместо него в новогоднюю ночь россиян поздравил с праздником са-

тирик Михаил Задорнов. А уже 2 января 1992 года по второму каналу начали показывать «Санта-Барбару». Для меня самым поразительным в этом сериале было то, что там все время меняли актеров, исполняющих одну и ту же роль. Поначалу казалось странным, что Си Си Кэпвелл впал в кому одним человеком, а вышел из нее – другим. Но потом это настолько вошло в обмен веществ, что, обознавшись, приняв на улице одного человека за другого, я автоматически думала: «Актера заменили!»

Мама увлеклась гороскопами, в какой-то газете прочла, как на основе даты рождения рассчитать психоматрицу, или так называемый квадрат Пифагора, и составила такой гороскоп всем членам семьи. Моя психоматрица оказалась самой непримечательной. Почти по всем пунктам я набрала всего по одной цифре, за исключением двух восьмерок, означающих сильно развитое чувство долга. У мамы обнаружили три девятки, свидетельствующие о наличии дара ясновидения. В психоматрице бабушки наблюдалось чрезвычайно редкое явление – шесть (!) единиц. Если верить толкованию, в душе бабушка была деспотом, но изо всех сил эту свою черту подавляла. В примечании говорилось, что в двадцатом веке была всего одна дата, дающая в психоматрице шесть единиц. Очевидно, это был день рождения бабушки – 19 января 1917 года. Кроме того, у бабушки был выявлен «Знак Пророка» (четыре девятки). В секторе, отвечающем за силу биополя, у деда обнаружили четыре двойки, что означало сильную энергетику и возможность заниматься целительством. У отца двоек было еще больше – целых пять. В пояснении опять говорилось, что такой переизбыток биоэнергии встречается очень редко и что энергию эту обязательно нужно тратить, иначе она окажется губительной для носителя.

Приняв к сведению эту рекомендацию, папа немедленно записался на заочные курсы гипнотизеров и начал лечить свои биополем головную боль у коллег, друзей и родственников, о чем свидетельствует записка деда, также ставшего пациентом Г.М. Лысова: «Гриша сказал, что сегодня он видел над моей головой тонкий слой голубого свечения (ауры). Именно – тонкий. Он делает мне, наверное, восьмой или десятый сеанс. И в первых сеансах однажды было очень заметное сильное свечение толщиной с палец, по его словам, но потом он его снял до тонкого в несколько миллиметров».

Я верила, что какие-то паранормальные способности у отца были. Помню, например, как вскоре после возвращения из Амдермы он проснулся утром

в ужасе и сказал, что сегодня сообщат о какой-то страшной катастрофе в стране: он что-то видел во сне. И днем из теленовостей мы узнали о Спитакском землетрясении. В другой раз, очнувшись в поту, он сказал, что сегодня ночью погиб какой-то близкий человек, нам не родной, но очень хорошо знакомый. И в тот же день мы узнали, что нашу хорошую знакомую в ночную смену на заводе задавило электрокаром.

Однако когда я заболела гайморитом, никакие лечебные пассы руками в исполнении папы мне не помогли. Меня положили в больницу на три недели, и это был огромный стресс, потому что прежде ни в каких казенных домах я так надолго не задерживалась. Мама навещала меня каждый день, дед не приходил, но передавал мне с мамой книжки и письма. Как то:

«Здравствуй, Юля!

Посылаю тебе книгу «Творчество: загадки, иллюзии, правда».

Чтобы знать правду жизни, многие писатели прошлого даже специально жили «на дне». В трущобах, как, например, писатель Владимир Гиляровский, создавший серию рассказов «Трущобные люди». А великому Ф.М. Достоевскому жизнь преподнесла «подарочек» – он несколько лет был на каторге и описал ее в подробностях: какие люди, характеры, нравы, и почему такие, как жили, что он сам пережил и как думал. В книге «Записки из мертвого дома» (я и ее читал).

У А.П. Чехова есть рассказ «Палата №6» – о больнице, где содержали душевнобольных. Он ведь был врач по образованию. И написал ярчайшую историю, где мягкий с иллюзиями человек, врач этой больницы, не понимая правды жизни, сам попал в беду (будучи здоровым) – в эту же палату №6.

Жизнь надо увидеть во всем ее многообразии и воспринимать ее, как она есть, не теша себя иллюзиями. Иллюзии опасны, люди не ангелы. Но их надо понимать. Поэтому относиться ко всему спокойно (по возможности), «сократически», то есть как древний философ Сократ (помнишь, мы читали его рассуждения о справедливости с Евфидимом, который полагал, что и воровать, и грабить, и обманывать – справедливо, если эти люди – враги, то есть из «несправедливого города», по его определению).

Поэтому ты, пожалуйста, сильно не расстраивайся, что пришлось попасть в некомфортную обстановку, и спокойно без нервозности лечись необходимым срок, чтобы потом не допускать ошибки пренебрежения к здоровью, а укреплять его (это –

главная мудрость, здоровье – главная ценность). А пока наблюдай и размышляй по изречению Священного Писания: “Во дни благополучия пользуйся благом, а в дни несчастья размышляй. То и другое сделал Бог” (Екклесиаст, глава 7-я, стих 14).

Наблюдай, размышляй и... готовь наброски будущего твоего рассказа, как у А.П. Чехова “Детская палата №6”. Для себя делай черновые наброски. И никому их не показывай. В этом рассказе ты передашь и свое душевное состояние, и пугающую темноту коридоров, и обитателей палаты (мало чем интересующихся, по твоим словам), и скудную пищу, и как хотелось домой – это произведет на тебя впечатление при глубоком осмыслении.

Это будет твоя школа жизни для твоего блага. Спокойно лечись, поправляйся, не скучай, а занимайся делом: тоже по Священному Писанию 22: “Итак, увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими, потому что это – доля его” (Екклесиаст, глава 3, стих 22).

P.S. А блокнотик для записей я тебе высылаю – клади его подальше, под подушку или попросту не бросай для любопытных.

Твой дед Валя – реалист по Сократу (но... с опозданием, не с юных лет вразумленный мудрыми словами)».

Мой дед – Романов Валентин Михайлович, 1925 года рождения, окончил физкультурный техникум, получил диплом тренера по тяжелой атлетике, начал делать спортивную карьеру, но поссорился с какими-то чиновниками, психанул и ушел работать слесарем на электротехнический завод. На службу он всегда ходил в парадном костюме, при шляпе и с чемоданом, где непременно лежал томик какого-нибудь Канта. Дед много читал, еще больше писал, причем что именно – никому из домашних не было интересно. К его бесконечной писанине (именно и только этим словом ее называли в семье) относились снисходительно-равнодушно.

После того как мама стала секретарем-машинисткой, дед купил ей печатную машинку «Любава» в надежде, что в свободное от работы время она перепечатает созданные им за годы публицистические и научные статьи. Мама пообещала заняться, хотя все никак не могла найти время – она часто задерживалась допоздна в конторе. Когда же, наконец, в один из выходных дней она добралась до бумаг деда, обнаружилось, что печатная лента в машинке истерзана до дыр. Никто не знал, что в нашей квартире расположилось подпольное издательство «Опасность». Оно уже успело выпустить в свет несколько незаконченных произведений всемирно из-

вестной писательницы Джулии Мэднесс, состоящих из обложки и единственной главы (а иногда и одного абзаца).

В романе «Нетронутые» двадцатилетняя Дженис, чьи родственники умерли от малярии и холеры, живет в родовом поместье на пустыре в ста милях от Лондона и не решается подняться на второй этаж дома, где обитает сумасшедшая старуха, исполняющая по ночам псалмы. «Была темная холодная ночь. Дженис сидела у камина и раздвигала угли стальной кочергой. А в это время за окном в смятении и бешенстве по городу металась метель. Дженис грелась у огня, но в то же время потихоньку угасала от одиночества и тоски... в огромном пустынном доме, где пахло смертью», – говорилось в начале произведения.

В детективе «Тайна цвета ночи» с тщательно спланированным преступлением, богатый мужчина с ужасной внешностью (жидкие волосы, тонкие губы, крючковатый нос и лицо, усыпанное болячками) по имени Альберт Сэднесс нанимает детектива Маколея, чтобы тот расследовал покушение на жизнь его дочери Джейн несколько дней назад. Отец Альберта не любил своих детей: «Он не оставил нам ни цента после своей смерти и вышвырнул из дома как щенков, хотя я нигде и никогда не видел, чтобы существо с “куриными мозгами”, именуемое “курицей”, умеющей только носиться от каждого шороха, гордо и смело расправлялось с парой будущих собак”. Этот человек с “размягченными мозгами” оставил три миллиарда и две усадьбы внучке – то есть Джейн, с условием, что в случае ее смерти все это имущество перейдет ее кузену Дику, который родился глухим».

Роман «Любовь сильнее зла» почти весь состоял из диалогов.

«– Хэнк, – сказал Орсон, – к тебе пришла какая-то девушка. Я впустил ее в дом. Она ждет тебя.

– Какого черта, Орсон? Ты же знаешь, как мне надоело все эти девки! Они то и дело приходят и просят, чтобы я вернулся к ним! У меня голова идет кругом от дел, а тут еще какая-то шлюха пожаловала!

– Но это не одна из твоих подружек, я никогда не видел ее прежде!

– Как ты можешь быть уверен? Я и сам уже запутался в них. Их было слишком много, чтобы вспомнить хотя бы половину».

В романе «Стремящаяся в даль» двенадцатилетняя Анастасия мечтает уехать в Америку, когда вырастет, а пока не выросла, вместе с сестрами-близнецами лезет на заброшенный чердак старинного

дома, где находит пару калош с надписью «Д.Х.» и пытается разгадать загадку этих инициалов.

Однажды издательство «Опасность» решило расширить круг авторов и выпускаемых жанров и отправилось на поиск рукописей. Довольно быстро поиски увенчались успехом: в дипломате поэта Григория Лысова под игральными картами с изображением порочных женщин была обнаружена рукопись со стихами. Издательство «Опасность» немедленно выпустило сборник «Края мои родные», который открывали следующие стихи:

Вдали от дома...

Среди жестокой, грубой тьмы
Лучом сияешь нежно-нежно.
Хочу я видеть те же сны,
С тобой всегда быть неизбежно.
Я не умею говорить
Слова обмана, пудрить уши.
Тебя надолго полюбить,
Чтоб рядом были наши души...

Звезда

Я все думаю, вижу, чувствую,
В мраке дней лишь одну звезду.
Ту далекую, яркую, близкую,
От которой я глаз не сведу!
Может быть, не звезда это – прана,
Чей-то светлый образ летит.
Закрывать глаза еще рано,
Нежность рядом гуляет, не спит.

Что еще нам пожелать?!

Я не знаю, но ведь может
Разное и в жизни быть.
Чувства время вместе сложит,
А душа зовет любить.
Может, не любить, а просто
Рядом быть, глядеть, страдать...

То ли издательство «Опасность» устало и уснуло, то ли отвлеклось на еду, то ли пошло погулять... Но вернулось к книгопечатанию оно только через неделю и обнаружило, что стихотворение «Что еще нам пожелать?!» было закончено. Дописано. Узнаваемым круглым почерком мамы:

*Рядом быть, глядеть, страдать...
А итог – серпом по яйцам
От любимой получать.
Было время молодое –
То с похмелья, то в запой.*

Где уж звезды видеть с праной,
Денег нет и дома – вой.
И жена – мегера злая,
Нет ни сердца, ни ума.
Надоела как зараза.
Хлеще! Словно Сатана!
Старая жена Наташа –
Черной корочки кусок.
Потянуло на батончик.
Что стесняться? Баба – сок!

-2-

Среди жестокой, грубой тьмы
Лучом она не засияла...
И не умея говорить
И ей запудрить даже уши,
С большим скандалом разбрелись
Обосранные наши души.

До меня дошло, что стихи были посвящены не маме, что своими необдуманными действиями я сдала отца со всеми потрохами и, возможно, развалила семью. Я ликвидировала издательство «Опасность» и дала зарок: если родители помирятся, я никогда в жизни больше не издам никакой книги. Родители помирились. Папа сгонял в Нижний, откуда привез пепси-колу и жвачек «Турбо» – мне и книжных новинок – маме. Среди последних была и «Рабинья Изаура», которую мама, не открывая, отнесла почитать бабе Лене.

7. Шпак

- В. Пузатов и В. Шпак – это два разных человека, ничего общего не имеющие! – говорит Марина Борисова, с которой мы встречаемся для интервью в кафе.
- То есть Шпак не переводил «Рабинью»?
- Володя никогда в жизни ничего не переводил, поскольку не знал ни одного иностранного языка, что, впрочем, не мешало ему общаться с людьми со всего мира. Однажды он потряс меня в Таиланде. Там на Новый год в отеле был банкет. Потом Володя пошел в бар, а на следующее утро рассказал мне, как замечательно провел остаток ночи, пока я дрыхла в номере. Что подружился с совершенно потрясающим ирландцем, рассказал мне историю жизни этого ирландца, с которым они ночью доставали каких-то наших новых русских, пытаюсь вовлечь их во всеобщее веселье и заставить танцевать джигу. Я спросила, а на каком языке они общались? Володя сказал:

«А я не знаю!» Я подумала, что это очередные его байки. Мы спустились в бар и встретили там того самого ирландца. И тот заявил, что Володя – его близкий друг, что они уже почти братья-близнецы.

- И литературную обработку пузатовского перевода Шпак не делал?
- Нет. Я думаю, он прочитал перевод по диагонали и весь ужас положения понимал. Но это изначально была авантюра, да и заказчики торопили... Хотя при наличии заинтересованного редактора из того, что напереводил этот Пузатов, можно было бы сделать шедевр. Но в тот момент это было никому не нужно – ни ему, ни тем, кто заказывал у него перевод. И тем и другим нужно было заработать денег. Это было время Остапов Бендеров, время, когда одних правил уже не было, а других еще не придумали, жизнь стремительно превращалась в фантасмагорию. Почему была возможна эта «Рабыня Изаура»? Почему это безумие выдержало три или четыре переиздания, почему его буквально рвали из рук? Да потому, что для этого ни с кем не надо было связываться, не нужно было получать согласия от владельцев авторских прав, не нужно было никаких юридических документов. Вот привезли им покетбук, они сказали: «О! А почему бы нам это не издать?» И издали. И деньги получили. И никто им по башке не надавал, потому что все вокруг разваливалось на глазах.
- А что было до «Рабыни»? Шпак родился в Астрахани?
- Нет, он родился в Шахтах. У родителей корни донские, казацкие. По образованию они геологи. После института работали на Колыме. Потом долго жили в Оренбурге. Володя там в шесть лет пошел в школу, экстерном закончил десятилетку, поступил в институт. Потом отца в конце 70-х перевели в Астрахань, Володя перевелся в Институт рыбного хозяйства – не потому, что хотел заниматься рыбным хозяйством, просто выбор был: либо Пед, либо Рыбный. Он тогда все время что-то писал – сценарии институтских капустников, репризы для команды КВН, и у него неплохо получалось. А в 1982 году на пятом курсе вместо того, чтобы заниматься дипломом, он отправил свои первые литературные опусы на конкурс – тогда в Доме творчества «Малеевка» в первый раз решили собрать всесоюзный семинар молодых писателей-фантастов. Володя конкурс прошел, его вызвали в Москву, он поехал, воодушевился, вернулся и сказал, что не будет

этот дурацкий Рыбный заканчивать. Решил стать писателем.

- Работа, с которой он ездил на конкурс, не сохранилась?
- Нет, к сожалению. Но он всем говорил, что поедет в Москву поступать во ВГИК на сценарный. Но во ВГИК он пролетел, а семью кормить было надо – он тогда уже женился, у него родился ребенок (Марина Борисова – третья жена Владимира Шпака. – *Прим. авт.*). Со своим неоконченным высшим он работал то там, то тут, пока наконец не оказался в редакции газеты «Комсомолец Каспия». И пазл сложился: он начал писать заметки, отправлял их в Москву, в газету «Советская Россия», потом, оставаясь корреспондентом «Комсомольца Каспия», стал еще и спецкором «Советской России» в Астрахани. Это было круто. К нему даже стажеров из Москвы присылали.
- А с чего начался его рыбный бизнес?
- Как корреспондент он постоянно мотался по области, писал какие-то репортажи о передовиках производства в астраханских рыбсовхозах. И когда начала рушиться госсистема, которая забирала на реализацию их улов, они остались без денег – свободного рынка еще не было, да и не умели они торговать. Что делать с рыбой – непонятно, она же портится. Что называется, идея витала в воздухе. Еще никто не сообразил, как разрабатывать эту золотую жилу. У Володи было время, когда они с партнером снабжали икрой и осетриной почти все московские рестораны. Но эйфория длилась недолго. Володя собрался построить рыбоперерабатывающий завод, взял кредит, закупил импортное оборудование, а потом не сошелся характером с большим человеком, и начались «временные трудности». Настал момент, когда он был должен буквально всем: у него были кредиторы в Москве, в Астрахани, была масса знакомых, которым он был должен. Каждый раз, когда у него требовали деньги, Володя предлагал взять у него в счет долга оборудование, но оно никому не было нужно. В понедельник приходили одни бандиты и уносили из офиса все компьютеры, потом долго шли какие-то терки с другими бандитами – они приходили к концу недели и заносили все обратно – потому что должен же как-то человек заработать, чтобы было что отдать. Эта белиберда длилась так долго и так надоела своей бессмысленностью, что в какой-то момент Шпак сказал: «Так, вот это вот все – только с понедельника по пятницу. Суббота и воскресенье – святое: семья и дети».

Самое смешное, что бандиты отнеслись к этому с пониманием.

- История про то, как Шпака чеченцы водили убивать – того же периода?
- Да. Кто-то из кредиторов напустил на него чеченцев. Они пришли и говорят: «Собирайся, поехали». Привезли в лесополосу, где была вырыта яма. И опять начались терки: «Будешь платить? – Денег нет. Забирайте оборудование! – Зачем нам оборудование?» И так по кругу. На каком-то витке этого бессмысленного разговора ему говорят: «Ложись тогда вот тут, мы тебя сейчас закопаем». А дальше Володя рассказывал так: «И тогда я ложусь и умом понимаю, что они со мной ничего не сделают, потому что если бы хотели убить, уже убили бы. А раз меня даже не били, значит, их задача – заставить меня заплатить. Умом я это понимал, но когда лежишь в могиле, это как-то мало утешает. А потом оказалось, что рядом с этой ямой был муравейник. И когда у меня по лицу поползли муравьи и мне стало щекотно, главное было не засмеяться, потому что, какая бы задача у них ни стояла, может случиться эксцесс исполнителя: когда у тебя человек лежит в могиле и ржет, кто-то может ведь и пальнуть на нервной почве. В общем, полежал я там, потом велели вылезать, затем состоялся еще один раунд терок, после чего меня отвезли домой». Закончилась эта эпопея тем, что, закрыв основные долги, Володя остался должен еще пятьдесят тысяч долларов. В первой половине 90-х это была большая сумма, убивали и за меньшее. Но ему простили.
- А что с мечтой стать писателем? Переехав в Москву и вернувшись в журналистику, он не пытался писать художественную прозу?
- Он писал, причем очень хорошо, но только в простое или в состоянии какой-то депрессии. Он был фантастически талантливым человеком, которому повезло, – это было абсолютно его время. Но вот если бы он родился чуть пораньше, то мог бы состояться, как состоялся в конце концов Довлатов. У Довлатова собственная жизнь была полем литературной деятельности, и он долгие годы пытался сделать из своих сублимаций что-то такое, что опубликовали бы советские журналы. А у Шпака такой задачи не было. Да, у него было много литературных зарисовок, даже готовых новелл, над стилем и композицией которых он очень много работал. Но все это преспокойно лежало на рабочем столе в компьютере, в папке под названием «Книга». Но не судьба...

– Не продолжайте. Все исчезло?

- Да, все исчезло. Мы переезжали с квартиры на квартиру, компьютер был старенький, решили оставить сыну нашей хозяйки – играть, работать на нем все равно уже было нельзя. А когда сообщили, что файл остался там, я просила: «Сходи, может, еще не поздно скопировать». Но он не пошел. Хотя там было несколько лет его жизни. И в этом весь Володя Шпак. Его литературным произведением был он сам. И дело даже не в том, что у него была серия устных рассказов, за достоверность которых, кстати, отвечать нельзя, – там очень много историй, заимствованных из чужой жизни.
- Ну это же нормально для писателя.
- Для писателя да. Но Володя не был писателем. А вот в журналистике он стал со временем суперпрофи. И этот профессионализм идеально реализовался в журнале «Русский репортер». Я глубоко убеждена, что в том виде, в каком «Русреп» состоялся и всем полюбился, он был возможен только в тандеме Лейбин – Шпак. Две яркие личности с разными взглядами не только на какие-то профессиональные вопросы, но и на многое вокруг, включая литературу и философию. Вдвоем они составляли два полюса, вокруг которых создавалось электрическое поле. А первые годы оно там искрило. Спорить и ругаться о смыслах в редакции было нормально. Похоже, это был последний оазис, где это было возможно. Со Шпаком постоянно все ругались, но почти никто никогда не ссорился. Ругались, потому что Володя любил играть в дежурного скептика, рубил много идей и текстов, которые не дотягивали до уровня «Русрепа». А не ссорились, потому что он никогда не переходил на личности, к чужой точке зрения всегда относился всерьез. Но главное, если уж Шпак похвалил текст – это даже круче, чем какая-нибудь журналистская премия. И конечно, никто не ожидал, что Володя умрет, не дожив месяц до своего 55-летия. Его дочь от первого брака как-то сказала мне: «Папа очень вовремя умер. Его время закончилось». Володя был человеком хаоса. Каждый из нас чувствует порой притягательность хаоса, который может сломать, взорвать, разрушить что-то, чтобы дать другую жизнь. Бывают времена, когда целые народы чувствуют: под пленкой безопасности, в хрупких рамках видимого порядка жив этот хаос, полный возможностей, которые не желают быть обузданными, плененными, организованными. Володя Шпак и система – любая, хорошая,

используя приемы бурлеска и сатиры. Эти стихи не имели смысла, но были превосходны с точки зрения ритма. В одном из сонетов того цикла Гимараенс рассказывает о том, как лирического героя окружил некий крылатый гигант, и когда лирический герой, размахивая лучом грома, спросил гиганта силлогистическим голосом, кто он, гигант ответил, что он – анахронизм, похоронивший в темноте солецизм. Вот вам и мизерабельность бесправия! Но и это еще не все.

Большинство стихов Гимараенса того периода не были опубликованы из-за того, что их сочли... порнографическими. Стихи эти были утеряны, но сохранились два поэтических произведения другого периода, опубликованные в 1875 году, то есть одновременно с «Рабыней Изаурой». Первое называется O Elixir do rajé, или «Эликсир шамана». В предисловии к анализу этой поэмы литературовед Рафаэль Веспасиано Феррейра де Лима пишет, что привык к мелодраматическим романам Гимараенса, был сыт по горло сладкой и чрезмерно идеалистической «Рабыней Изаурой», поэтому очень удивился, столкнувшись с эротико-пантагрюэльской, иронической, комической и сатирической поэзией Гимараенса. Поэма «Эликсир шамана» является пародией на индейский идеализм поэм Гонсалвеса Диаса, в которых действует типичный безупречный герой-индеец, пробуждающий добрые чувства у буржуазного читателя. Де Лима пишет о том, что Гимараенс бесстрашно эксплуатирует эротику и всевозможные непристойности, его поэма демонстрирует нам иной взгляд на бразильскую поэзию, отличающийся от школьного канона. Поэма эта посвящена волшебному снадобью, которое помогает немолодому индейцу привести в боевую готовность «заплесневелую колбасу», «гнилой банан», «фонарь без огня», ну, короче, вы поняли.

*Приходите, шлюхи и девицы,
Откройте ноги моему огромному марзато,
Этот чудесный эликсир,
Самое большое удовольствие на земле,
В одной капле пятнадцать дней похоти.*

Так переводит гугл самый скромный отрывок из поэмы, в которой лихо используется бразильская obscene лексика.

Второе стихотворение из той же серии называется A Origem do mênstruo, или «Происхождение менструального цикла». Судя по предисловию, сообщаемому, что текст взят «из беспрецедентной басни Овидия, найденной при раскопках в Помпеях», это тоже пародия. Сочинение о благочестивом

Энее, который «хорошо побрил задницу, но бритва имела тупой край», есть в Сети, так что вы можете сами его отыскать и убедиться, что пузатовские «вонючие оргазмы» – это вполне себе в духе Бернардо Гимараенса, который, похоже, вселился в бедного Пузатова и его руками написал пародию на собственное произведение. Несмотря на весь абсурд, Пузатов смог уловить ту грань бразильского автора, которую не разглядел никто другой. Пузатов не графоман. Он – графомаг. Явление уникальное и пока наукой не изученное.

Как-то так (смайлик).

9. Щербаков

Я звоню по найденному номеру В.Л. Пузатова. Звоню несколько дней подряд. Длинные гудки, никто не отвечает. Я думаю о том, куда еще можно обратиться, как найти тех, кто его знал. Паблики в «Фейсбуке» и «ВК» не помогли. Возможно, целевая аудитория гнездится не там. Придется регистрироваться в «Одноклассниках». Регистрируюсь. Добавляюсь в группы «Астрахань в курсе», «Астрахань – столица контрастов», «Позитивная Астрахань», «Астрахань без прикрас», «Астрахань в моем сердце» и так далее. Публикую объявление о поиске Пузатова. Люди считают мое объявление классным, и больше ничего.

Вдруг меня осеняет, что я читала нижегородское переиздание пузатовского перевода. Может, в подлиннике вообще все было по-другому? Ищу в каталоге Ленинки. Есть. Астраханское издание 1990 года, выпущенное редакцией газеты «Труд и время». Мне нравится черно-белая обложка брошюры, похожая на скан линогравюры. На переднем плане – темноволосая девушка, не имеющая ничего общего с Луселией Сантос, с грустной полуулыбкой задумчиво смотрит в никуда. На фоне – ночь, в ночи – темные силуэты рабынь и плантатора с ружьем. Пропустив предисловие, я приступаю к чтению романа. Увы: текст один в один повторяет то, что я уже читала ранее. Остается утешиться хотя бы вступительной статьей, хотя что там может быть интересного?

«Астраханцу Владимиру Пузатову – тридцать с небольшим лет», – говорится в предисловии. Значит, Пузатов был молодой, когда взялся за перевод.

«Он знает (а точнее, умеет писать, читать и разговаривать) более десяти языков. А на португальском, как шутит сам переводчик, он научился и думать. Так вот – наш земляк перевел «Рабыню Изауру» первым в Советском Союзе!

Если о качестве первоисточника красноречиво говорит зрительский интерес к сериалу, то о качестве перевода необходимо, видимо, сказать особо. Как мне представляется, большая заслуга Владимира Пузатова в том, что он не стал искусственно осовременивать язык произведения, созданного в середине XIX века. <...> Кстати, если почитатели телевизионной версии романа не найдут в самом произведении некоторых сюжетных ходов, то к переводчику пусть претензий не предъявляют, ибо накручены они были создателями фильма. Впрочем, судите сами... Юрий Щербаков, член Союза писателей СССР».

Юрий Щербаков указан в выходных данных в качестве редактора. Где-то я уже слышала это имя. Вот что сообщает о нем Интернет: «Юрий Николаевич Щербаков родился в 1956 году. Коренной астраханец. Председатель Астраханского отделения Союза писателей России».

Точно! Это он отвечал мне на запрос о Пузатове в Союз писателей.

«Автор более сорока книг публицистики, прозы, стихотворений, переводов, выпущенных в различных издательствах. Публиковался во многих всесоюзных и всероссийских журналах, газетах и альманахах. Его произведения переведены на ряд языков народов России. Собственный корреспондент «Литературной газеты» по Астраханской области и Республике Калмыкии. Член Коммунистической партии Российской Федерации. Лауреат Всероссийских литературных премий «России верные сыны» имени Александра Невского, «Традиция», «Имперская культура», имени Василия Тредиаковского, международной премии Курмангазы Сагырбаева, Московской литературной премии в номинации «Литературный перевод». За вклад в развитие культуры Астраханской области он был удостоен знака отличия «Честь и слава» II степени».

С формулировкой «вся надежда только на Вас» отправляю Щербакову новое письмо с просьбой рассказать о В. Пузатове. «Владимира Пузатова я видел дважды в 1990 году, – отвечает Щербаков, – пространных бесед мы не вели. По его словам, он – инвалид детства, что, впрочем, было видно и без документальных подтверждений. О его дальнейшей судьбе мне ничего не известно. Знаком ли с ним был Владимир Шпак – не знаю. Но то, что В. Пузатов и В. Шпак – разные люди, знаю точно. Кроме того, сообщаю, что Владимир Шпак к изданию «Рабыни Изауры» в Астрахани не имел никакого отношения. Зато к ее реализации – самое прямое. Поскольку в то время занимался торговлей газетами и книга-

ми. О своем участии в издании могу сказать вполне определенно: мне до сих пор стыдно и за предисловие, и за «редактирование», которого практически и не было. В результате получилось то, что вы справедливо подвергли обструкции в статье «Переводчик, который любил «Рабыню Изауру». Ушлые коммерсанты получили тогда на этом издании колоссальные доходы, причем не только в Астрахани, потому что «астраханский» вариант тиражировался тогда во многих городах».

Кроме того, Щербаков сообщил, что «Рабыню Изауру» Владимир Пузатов перевел еще в 1985 году с лиссабонского издания (он показывал Щербакову эту книгу), то есть задолго до показа телесериала. Так что никакой студент из Латинской Америки ее Шпаку не привозил: «Рукопись своего перевода Пузатов принес мне. Я работал тогда заведующим бюро пропаганды художественной литературы при Астраханской писательской организации. Принес, как и многие авторы, просто показать. Так что лежала эта рукопись в ящике моего стола года четыре, пока государство не отпустило книгоиздательские вожжи. Тут у знакомых кооператоров возникла мысль издать что-то доходное. В это время только что по ТВ победно прошла «Рабыня Изаура». Так что, к сожалению, идея ее издания принадлежит мне. Что подлаешь, из песни слова не выкинешь. Тем более что тот самый литератор-кооператор Борис Свердлов, который тогда был издателем, сегодня – мой заместитель в Астраханском отделении Союза писателей России. Что касается покойного Володи Шпака, с грустью вспоминаю, что в восьмидесятых он был подающим большие надежды писателем-фантастом. Как видно из его интервью, фантазировать он действительно умел. Потому что к изданию «Изауры» Шпак имел только прикладное, торговое отношение. <...> Кстати говоря, за «Рабыню Изауру» досталось мне тогда изрядно и от читателей, и от прессы. И поделом! В одном Шпак прав – что нужно было книгу издавать срочно, и редактировать ее у меня времени не было абсолютно! Вот и получилось то, что получилось».

Если перевод был действительно сделан в 1985 году, то это не страсть к наживе, а чистая, беспримесная любовь к искусству! Что же за уникал этот Пузатов? Как сложилась его жизнь дальше?

Мне приходит один жалкий комментарий в «Одноклассниках»: «Обратитесь в Астраханское отделение Союза писателей». «Обращалась», – отвечаю я. «Ну, если они ничего не знают, значит, не знает никто». Остается последний вариант – я нанимаю стрингера и озвучиваю ему задание: съездить по

Отец Владимир сообщил нам о трех самых главных пороках. Девочкам он запретил краситься, мальчикам – курить, тем и другим – смотреть телевизор. Особенно клипы Майкла Джексона, ведь американский певец, по словам отца Владимира, был бесом.

найденному мной в интернете адресу и выяснить, кто там живет. Если В.Л. Пузатов жив, то узнать, как можно с ним связаться для удаленного интервью. Если умер, то опросить соседей.

10. Лысовское телевидение

24 ноября 1993 года должен был наступить конец света. Об этом предупреждала Мария Дэви Христос, чьи фотографии были развешаны по всему Лысково. Мне казалось, что эта женщина в белом служит злу. Взять хотя бы ее «отчество» – Дэви. Добавьте букву «л» в конце, и все очевиднее некуда. Кроме того, лично у меня эта Мария вызывала стойкие ассоциации с персонажем по имени Дэмьен из самого страшного фильма за все века под названием «Омен».

Пока приспешники этой квазибогини расклеивали ее портреты на облезлых автобусных остановках, в нашей школе появился отряд казаков, призванных следить за порядком. Помню, как один усатый блюститель дисциплины в казачьей форме во время перемены поймал за ухо Витю Бочагина и сказал ему: «Еще раз услышу, что ты материшься, епт, я тебя выпорю, епт! Понял?» Витя ответил: «Понял, епт» и словил подзатыльник.

Мое вхождение в сознательную жизнь было очень запутанным. В десять лет меня приняли в пионеры, и я торжественно поклялась «жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия». В одиннадцать лет мне

приказали снять пионерский галстук, а в тринадцать – обязали посещать новый предмет «Закон Божий», который вел высокий иссохший старик по имени отец Владимир. Отец Владимир сообщил нам о трех самых главных пороках. Девочкам он запретил краситься, мальчикам – курить, тем и другим – смотреть телевизор. Особенно клипы Майкла Джексона, ведь американский певец, по словам отца Владимира, был бесом.

Получалось, что я была бесноватой. Я смотрела все музыкальные телепередачи, где могли показать клипы Майкла Джексона, собирала постеры, журнальные вырезки, календарики. Но вещь, которой я дорожила больше всего, был полиэтиленовый пакет с лицом поп-короля. Его по недоразумению в единственном экземпляре привезли на лысковский рынок. О, я молилась за этот пакет! Чтобы полиэтиленовая икона прослужила дольше, я использовала прием «пакет в пакет», вкладывая внутрь Майкла Джексона легендарную Марианну. Порванные места запаивала утюгом. И только когда левый глаз был нечаянно проткнут циркулем, губы посинели от протекшей синей пасты и образ уже не подлежал реставрации, я решила убрать святыню под стекло письменного стола.

Родители постелили в квартире линолеум, на котором было удобно тренировать лунную походку. Я оттачивала движения, пока мама и папа были на работе. Как-то раз днем мне помешал звонок в дверь. Я неслышно подкралась к двери и заглянула в глазок: на площадке стоял дед – как всегда в шляпе и с чемоданчиком. Он пришел, чтобы объяснить очередную шахматную партию, а мне так не хотелось! Мне хотелось танцевать, поэтому я не открыла дверь. Дед помялся и ушел. Я подбежала к окну и, спрятавшись за занавеской, смотрела ему в спину. Вот он идет по дороге, становится все меньше и меньше и исчезает. Навсегда.

Когда сообщили, что дед умер, я рассмеялась и брякнула: «Интересно, кому он завещал свой ваучер?» Я не знаю, как, почему, зачем я тогда это сказала. Я любила деда. Он был мне вторым, если не первым отцом.

Когда я увидела гроб, меня затолщило от ужаса: дед превратился в застывшую шахматную фигуру цвета слоновой кости. Приехавший на похороны из деревни Надеждино старший брат деда плюнул и сказал, что если бы он знал, каким образом умер Валентин, он вообще бы никуда не поехал. Дед повесился.

На следующий день в школе на перемене ко мне подошла одноклассница, наклонилась и прошепи-

ла: «Твой дед был шизофреником». Я разозлилась, толкнула девочку в грудь и закричала: «Он был нормальный!» – «Нет! Мне тетя сказала! Она психиатром работает! Ей видней!»

После уроков я побежала к бабушке, залезла в дедов ящик, где лежала его многочисленная писанина, схватила первый попавшийся блокнот и прочла опись его снов за последние полгода жизни: «Где-то воевал, получил новую автоматическую винтовку, устройство которой неизвестно, но уже выбрана цель.

В какой-то артистической цирковой труппе в каком-то бараке барахтался беспомощный, полупарализованный. N/b Лена говорит, что я спал с открытым ртом.

Скандалный производственный сон – как халтурно у нас изготавливались станки, кругом масло. Объяснение с мастером.

Сон, что у нас крутят многосерийный фильм про колхозы, – как при Макаре Нагульнове и т. д. и т. п. Дичь! И у всех – отвращение к фильму и к реальной действительности. И мой мозг во сне работает на полную катушку, представляя, как все кругом коржится, ломается, приходит в запустение, покрывается ржавчиной, паутиной. Он привык, приучен.

Политический кошмар про Китай и СССР.

Дремал в полузабытьи и в этом полусне вдруг увидел страшное лицо Виктора Анпилова на митинге, где он орал: «Вешать!»

Меня привезли в дом сумасшедших, но ночью я сумел сбежать, оставив там свою балалайку и шапку. Не знаю, где очутился, надеясь, что найду жилой дом, чтобы переночевать, но кругом темнота, и я не знаю, куда идти».

Тогда, в тринадцать лет, я ничего не поняла. Меня поглотила лавина непонятных, пугающих чувств, аж живот заболел. Я положила блокнот обратно в ящик и вернулась к бумагам только спустя десятилетия. Но это уже другая история.

В сентябре 1993-го Майкл Джексон приехал в Москву, чтобы дать единственный концерт. Я не знала, что такое Москва. Для меня Москва была такой же далекой и недосыгаемой, как Америка. Я призналась отцу, что хотела бы побывать на выступлении Майкла Джексона, папа ответил, что это невозможно, но у него для меня есть кое-что получше: со дня на день я смогу смотреть клипы Михаэля Яксона (так на немецкий манер называл его папа) и других зарубежных певцов в неограниченном количестве. Оказывается, мой отец открывает в Лыскове телевидение, по которому

круглосуточно будут крутить MTV. Это было что-то невероятное!

Лысковский журналист Е. Фигин посвятит этому событию целую статью, опубликованную в местной газете. Называлась она «Из когорты неугомонных»: «Первый разговор о местном телевидении зашел несколько лет назад, когда на всех уровнях власти города обсуждался самый больной вопрос – как улучшить качество телевизионных программ, которые стали “забивать” наши соседи из Чувашии, потому что Лысково находится в зоне неуверенного приема телепрограмм. <...> Г.М. Лысов через посредников нашел каналы и вышел на производителей и разработчиков необходимой аппаратуры. И конечно же, убедил мэра города в необходимости приобретения ее. <...> И теперь лысковчане могут смотреть музыкальные клипы, новости из разных точек земного шара по телеканалу МТВ. <...> В выходной день, 23 сентября 1993 года, был показан первый репортаж с осенней сельскохозяйственной выставки. Плюс праздничный концерт, что прошел в ДК ЛЭТЗ. <...> В рабочем портфеле телестудии будут и другие новинки. К примеру, появится новый вид услуг, когда каждый желающий (за умеренную плату) сможет с телеэкрана поздравить юбиляров, виновников семейных торжеств, молодоженов. И еще. Лысковчане смогут увидеть пять серий увлекательной мелодрамы “Реванш” (Венесуэла), другие фильмы и передачи. В добрый путь, уважаемые коллеги!»

Я сейчас не очень понимаю, как спутниковая тарелка для приема MTV могла улучшить сигнал центральных каналов. Зато помню пачки писем от разъяренных телезрителей, которые жаловались на то, что теперь на картинку Останкино накладывается картинка поющих негров, и требовали прекратить это безобразие. Особенно рьяные поборники морали и нравственности возмущались фильмами для взрослых, которые папа крутил по ночам. Лысковское телевидение прозвали лысковским.

Когда папа принес домой тяжелую серую видеокамеру, я чуть не чокнулась от восторга. Я научилась пользоваться аппаратом и сначала сняла на кассету пятиминутный кукольный хоррор с участием резинового Юрия Куклачева, плюшевого медведя и поддельной куклы Барби. Потом я позвала двух подруг, и мы сняли первую серию мексиканского сериала «Хрестя» – о бедной девушке, попавшей на службу в богатую семью. Прообразом главной героини стала горбатая старушка по имени Хрестя – она жила по соседству с бабушкой и владела такой же старенькой, как она сама, козой. Я в этом сериале играла садовника по имени Дон Родольфо. Его

отличала необыкновенная тупость, поэтому когда остальные герои сериала хотели кого-то оскорбить, они говорили: «Ну, он прям как Дон Родольфо!» Или, желая оправдаться: «Я тебе что, Дон Родольфо, что ли?»

24 ноября 1993 года конец света не наступил. Вместо него по Останкино начали показывать загадочный сериал «Твин Пикс», где Лора Палмер говорила голосом Рабыни Изауры (то есть Надежды Румянцевой).

Я записала на видеокассету документальный фильм про Майкла Джексона, который показывали по MTV, и вознамерилась перевести его на русский язык для лысковских зрителей. Поняв процентов пять из английской речи, я решила импровизировать – в конце концов, я немало знала про своего кумира. Я написала текст, озвучила его в студии на микрофон и попросила монтажера вставить мой голос в фильм. Получилось замечательно.

А потом я спросила папу: можно ли мне сделать свою передачу? Папа сказал: «Естественно!» Я собрала небольшую команду, и мы стали выпускать часовую программу под названием «Вечером в четверг». Это было очень странное шоу. В одном из выпусков я доказывала, что сюжет клипа Babe американской группы Take That один в один повторяет сюжет советского фильма «Дело было в Пенькове». В другом – мы сделали переозвучку сериала «Просто Мария». В нашей версии злодейка Лорена Дель Вильяр хотела убить Марию из-за того, что та отжала последнюю пачку маргарина в магазине накануне новогодних праздников. Мне так понравилось дублировать, что я записала по телевизору интервью с Викторией Руффо, которая как раз приезжала в Москву, сочинила рекламный текст и переозвучила актрису. Теперь исполнительница главной роли в сериале «Просто Мария» говорила о том, как ей нравится косметика из лыковского магазина № 40. Ролик показали по лыковскому телевидению. Многие поверили, что Виктория Руффо, будучи в России, заезжала и в Лысково.

Самой длинной рубрикой в «Новостях» лыковского телевидения была «Криминальная хроника» с бесчисленным количеством неопознанных трупов. Некоторые из трупов впоследствии оказались владельцами ларьков и коммерческих магазинов. Иногда менты просили отца сделать оперативную съемку. Одну из таких записей я однажды случайно увидела. Задержанный указывал на озеро, откуда вытащили тело замученного парня. Перед утоплением его, привязанного к машине, таскали по полю. Это было страшнее, чем сто фильмов «Омен».

1 марта 1995 года убили Влада Листьева. 4 марта вся страна (включая нас с папой) смотрела похороны тележурналиста, а у мамы был день рождения, и ей было обидно, что в ее праздник все скорбят. Вскоре после этого из Санкт-Петербурга пришло сообщение о том, что скоропостижно скончался мой дядя, которого я ни разу в жизни не видела, – старший брат папы, ставший начальником отдела Главного управления внутренних дел по Санкт-Петербургу и области. Отец собирался на похороны, но сорвался и запил. Когда через три недели с помощью хлорных уколов его вывели из запоя, куда-либо ехать было уже поздно.

Отец снова вошел в свой режим три недели через три, и график этот никак не совмещался с трудовой деятельностью на посту директора лыковского телевидения. Тем не менее администрация города, в чьем ведении находился телеканал, отнеслась к проблеме терпимо. Мы все надеялись, что Григорий Михайлович Лысов снова сможет взять себя в руки – ведь не пил же пять лет! Тем более что после каждого запоя он обещал завязать.

В школе меня доставали рассказами о том, где валялся пьяный директор телевидения, кто его подбирал, как он мотался ночью по квартирам и просил налить. Мне было стыдно за отца, как до этого было стыдно за «шизофрению» деда. Я бросила вести передачу.

Воспитательные беседы с отцом проводили все – от мэра города до отца Владимира. Священник велел маме молиться и держать строгий сорокадневный пост на хлебе и воде. Мама – кремьень, сделала все, как было предписано. В сорок лет похудела до сорока килограммов и пережила так называемое бесовское нападение. Вот как она описывала случившееся: «Мне показалось, что в квартиру проникло что-то невидимое, и дверки в зале сами по себе отворились с грохотом. Меня что-то окружило, я ничего не видела, но это было везде: сверху, около меня. Я взяла молитвенник и ушла в другую комнату, и “нечто” опять меня окружило, мне слышались какие-то голоса, много голосов, но это был просто шум, набор непонятных слов. Мне стало жутко, было ощущение, что если бы я увидела то, что меня окружает, я бы умерла от ужаса. Я схватила молитвенник и стала читать все подряд, не обращая внимания ни на что, читала долго, не помню сколько, и вдруг я поняла, что наступила тишина».

Через два года, в 1997-м, терпение вышестоящих инстанций лопнуло, и отца перевели на должность технического директора лыковского телевидения. Папа понимал, что сам виноват, но

из Португалии. В те времена у нас в Астрахани ничего такого купить было невозможно, а если и возможно, то крайне затруднительно.

- А это правда, что вы знаете десять языков?
- Раньше знал, сейчас меньше. Сейчас я регулярно занимаюсь только английским и французским.
- А где вы учились?
- Я учился в Астраханском государственном педагогическом институте имени Кирова. В 1977-м поступил, в 1982-м окончил. Я окончил факультет иностранных языков, английский и немецкий.
- Расскажите о том, как вы переводили «Рабью Изауру».
- История очень простая. Я написал в газеты «Аванте!» и «Диариу» – это были португальские коммунистические газеты, вы знаете, тогда все можно было только через коммунистов сделать, через партии, дружественные КПСС, – с просьбой найти мне друзей по переписке, чтобы глубже изучить португальский язык. Откликнулось очень много людей. Человек пять-шесть. Не со всеми удалось поддерживать контакт, осталось два-три человека потом. И вот когда начался сериал «Рабья Изаура» по телевидению, вокруг него было много ажиотажа, мне пришла в голову мысль: а что если перевести роман, по которому был снят сериал? Добыть оригинал на португальском языке и сделать перевод. Я попросил одну из женщин, не помню, где она жила, вроде бы в Лиссабоне, прислать мне книгу «Рабья Изаура». Я ее перевел, потом связался с одним человеком, у которого были связи с издателями, и он помог мне издать эту книгу. Тогда, знаете, не было компьютеров, не было ничего такого, я ездил, искал человека, чтобы перепечатать текст рукописный. Нашел женщину-машинистку. Это было бескомпьютерное время.
- Вам хорошо заплатили за перевод?
- Я не помню, сколько денег я получил. Много времени прошло. Это было в начале 90-х. Полностью память отшибло на такие детали.
- А что было потом?
- Книгу опубликовали, была определенная известность, а потом все постепенно затихло. Я перестал переводить португальских авторов и начал изучать норвежский язык. Я написал на радио Норвегии письмо с просьбой найти мне друга по переписке со знанием норвежского языка. Они нашли добровольца, который счел, что у него есть время, чтобы этим заниматься. Им оказался завхоз, сейчас не могу найти более подходящего слова, одной газеты. Это была газета нор-

вежских патриотов, продвигавших свой родной норвежский язык. Там два варианта норвежского языка. Один официальный, похожий на датский, а другой более родной для них. Он ведет свои корни от исконно норвежского древнего языка. И вот эти патриоты родного норвежского языка, они там издают свои газеты, у них там свое общество есть. Они мне присылали книги, я одну книгу перевел кому-то, не знаю, издали этот перевод или нет. Потом я ездил в Норвегию, мой друг по переписке водил меня к себе в издательство и показывал, как работает компьютер. Я пытался научиться работать на компьютере, но у меня не получалось, и я бросил это дело, слишком трудно. Таким образом я не смог вовремя освоить компьютер. А вы сами знаете, в наше время без компьютера никуда. Без него невозможно с иностранными друзьями переписываться – все теперь делается по электронной почте, все через интернет. Да и переводчик без компьютера – это ничто. Это вот самая главная моя проблема, что у меня нет компьютера. Так сложилась моя судьба. Кажется, я ответил на все ваши вопросы?

- Да.
- Ну, посмотрим, что из этого выйдет. Если ничего не выйдет – ну и ничего.

По тону слышно, что Пузатов хочет закончить разговор. За окном стемнело, и он переживает, как журналистка будет по темноте домой добираться. «Маршрутки идут», – отвечает девушка. «Они молодые, им ничего не страшно!» – комментирует Лидия Алексеевна.

Стрингер присылает мне номер мобильного телефона Пузатова с пометкой: звонить только по пятницам во второй половине дня. «А почему, он не сказал?» – «Нет, я даже спрашивать не стала».

Всю чертову неделю я думаю о Пузатове. Рассматриваю его фотографию. Он похож на фермера с картины Гранта Вуда «Американская готика», только не такой суровый. Я думаю о том, что Шпак, Щербakov и Пузатов в истории с «Рабьей Изаурой» – как три брата из русских сказок – со всеми вытекающими.

Мне грустно. Мне нравится Пузатов. Мне жаль, что он бедствует и всеми забыт. Я вспоминаю своего дядю, младшего папиного брата, который бросил жену с детьми в Казахстане, приехал в Лысково, спился, пошел ночью зимой на могилу родителей, плакал там, плакал, упал, заснул, отморозил ноги. Ноги ампутировали, дядю поместили в дом инвалидов, где он вскоре и умер. Я ни разу к нему не пришла.

Имею ли я право теперь говорить, что мне жалко Пузатова?

Надо собрать ему денег на компьютер.

Я читаю отборные астраханские новости на сайте «Арбуз». Астраханцы слегка скучают по 90-м годам, но не сильно: этот город занял почетное 13-е место в списке скучающих по 90-м годам, составленных независимым исследовательским агентством Zoom Market. Ранее Астрахань заняла первое место в списке городов, которые предпочитают котиков всем остальным домашним животным.

Астраханские вандалы украли половину велосипеда у памятника счастливому детству. Индекс счастья жителей России опустился на минимальный уровень за все последнее время. В Астраханской области общественники предложили создать Министерство счастья.

Астраханец бесследно исчез из своей лодки посередине реки. Астраханку осудили на полгода за брошенный в человека кусок сала. Астраханским пенсионерам помогут стать блогерами на курсах «Все в Сеть».

Может, и не надо собирать Пузатову деньги на компьютер. Живет человек в неведении, и пусть себе живет. Новости фиг с ним, а вот соцсети могут его убить.

Я включаю фильм «Джокер» (2019). Дохожу до момента, когда Артур Флек обвиняет ведущего комедийного шоу в том, что тот пригласил его, чтобы пошутиться, и пускает ему пулю в лоб.

Пожалуй, я не буду звонить Пузатову.

Я ложусь спать, засыпаю, и мне снится отец.

Трясущимися руками отец шарит по шкафам в поисках бутылки. Останавливается. Мутные голубые глаза яснеют – догадался, куда я спрятала записку. Отец кидается к черному пианино, отмыкает нижнюю крышку и, достав свое сокровище из-под педальных цуг, шутит: «Спирт “Рояль”!» «Не смешно, – говорю я, – сядь!» Отец послушно садится на диван. Я продолжаю: «Ты умер в сорок восемь лет. А сколько хотел бы прожить?» Отец фыркает, мол, чего ерунду спрашиваю. Молчит, уставившись куда-то вбок, потом отвечает: «Еще столько же!» «Вот! – говорю. – Давай сядем и разработаем план, чем ты займешься в эти годы, какие у тебя цели, мечты. И что надо сделать, чтобы осуществить задуманное». Отец ставит бутылку на стол: «Первым делом – не пить!» – «Правильно!» Мы берем ватман и чертим какие-то графики. На этом коучинг для мертвых заканчивается.

В общем-то, сон не такой уж и странный, и я знаю, откуда он взялся. Кажется, это Лев Тол-

стой говорил, что «страх смерти есть не страх смерти, а ложной жизни?» На днях я смотрела ролик на «Ютубе» о танатофобии, где психолог советовал сделать такое упражнение. Подумать, в каком возрасте и с каким чувством вы хотите умереть, а затем поделить ту жизнь, которая вам осталась, на равные промежутки времени и расписать, чем вам нужно заниматься, каким надо быть на каждом этапе, чтобы прожить вашу истинную жизнь и в итоге скончаться с желаемой эмоцией. Это все понятно. Но почему я планирую жизнь мертвого? Почему я до сих пор верю, что Пузатого носят, чтобы расколдовать?

Наступает пятница. Я звоню Пузатову.

- Владимир Леонидович, здравствуйте!
- Здравствуйте!
- Меня зовут Юлия. К вам неделю назад приходила журналистка, она дала мне ваш телефон, сказала, что вам можно позвонить в пятницу после обеда. Я бы хотела задать вам еще несколько вопросов о вашем творчестве. Мы можем поговорить?
- А что нужно для этого? Организовать встречу?
- Нет, я не в Астрахани, я в Москве. Мы можем сейчас поговорить по телефону? Я подготовила несколько вопросов.
- Хорошо, я согласен.
- Спасибо. Дело в том, что я нашла ваш перевод «Рабыни Изауры» и написала об этом статью в интернете. После чего было очень много откликов. Людям понравился ваш перевод, некоторые просто восхищены им и хотели бы узнать о вас больше. Мой первый вопрос такой. Вы читали какие-то другие произведения Бернардо Гимараенса? Знакомы с его творчеством? Читали готическую новеллу «Пляска костей»?
- Я буду с вами откровенен. «Рабыня Изаура» – это было первое и последнее произведение, которое я у него прочел. Другое я у него не читал.
- А кто ваши любимые писатели?
- Даниил Андреев. У него есть такое произведение мистическое – «Роза мира». Самое любимое мое произведение о космогонии.
- А вы мечтали когда-нибудь стать писателем? Именно писателем, а не переводчиком?
- Да, я бы хотел писать на мистические темы. Это ближе мне к сердцу, к моей душе.
- Ваш перевод «Рабыни Изауры» очень авторский. Вы многое добавили от себя. Какую цель вы перед собой ставили? Какого художественного эффекта стремились достичь?

- Когда я читал роман Гимараенса, он показался мне серым. Я хотел сделать его ярче, чтобы увлечь читателя.
- Некоторые считают, что ваш перевод – это пародия, что вы специально решили поиздеваться над вычурным стилем. Что вы скажете по этому поводу?
- На вкус и цвет товарищей нет. Каждый человек видит и понимает по-своему.
- Другие читатели считают, что вы решили стилизовать современный перевод под перевод XIX века.
- Да, именно об этом я хотел сказать. Это стилизация.
- Многие благодарят вас за потрясающий юмор. Месяц, подобно резинке на штанах не тянувшийся до бесконечности, вообще всех покорило. Вы любите пошутить?
- Есть такое поверье в индийской философии, что Бог любит игру. Бог играет. Игра – это всегда шутка, веселье. Бог играет в своих воплощениях, и мы, подражая ему, играем в своих воплощениях. Это включает и шутку, и танец, и все такое. Веселье и юмор не исключаются для человека, который стремится к Богу.
- Как вы сами оцениваете свой перевод «Изауры»? Вы довольны результатом?
- Вначале мне казалось, что я сделал все ужасно, но теперь, когда вы говорите, что многие высоко оценили, я очень рад, значит, все хорошо получилось. От добра добра не ищут.
- Имя Юрия Щербакова вам о чем-то говорит?
- Да, это астраханский писатель.
- Это он помог вам издать «Рабыню Изауру»?
- Да, кажется, это он.
- Вы сказали, что сделали перевод, когда на экраны вышел сериал, то есть не раньше 1988 года, а Щербаков сказал, что вы принесли ему рукопись раньше, где-то в 1985-м.
- Честно говоря, я не помню, может быть, он и прав.
- А фамилия Шпак вам о чем-то говорит? С Владимиром Шпаком вы были знакомы?
- Нет. Не припомню.
- А это правда, что вы переводили Библию на разные языки мира? Я нашла в интернете информацию о том, что ваши переводы Библии хранятся в Астраханской областной библиотеке.
- Нет, я Библию не переводил. Я подарил библиотеке издания Библии на разных языках мира. Там что-то напутали.
- Вы сказали, что ваша главная беда сейчас – это то, что вы не смогли освоить компьютер. Почему для вас это так сложно?
- Я не смог научиться. Облом такой. Ничего не понял. И у меня появилась своего рода фобия. Не знаю, может, это какой-то рок, судьба. Я пока не знаю ничего. Дальше будет видно.
- А если сейчас у вас бы появился компьютер, вы бы смогли его освоить? Хотели бы научиться пользоваться интернетом?
- Само собой, я бы хотел. Весь вопрос в деньгах. При моей пенсии жалкой я не могу позволить себе ничего. Если бы появилась такая возможность, я бы не отказался. А пока все упирается в финансы.
- А как ваше здоровье?
- Я читал очень много литературы теософской и мистической, типа аюрведы и прочее. Я многое понял и научился управлять своим здоровьем, мне это как-то удается с помощью голодания и прочего. Так что я думаю, что у меня со здоровьем все не очень плохо, более или менее.
- Чем вы занимаетесь сейчас, помимо английского и французского языка?
- Я много медитирую, у меня есть диски красивые с космическим... Но это такие вещи мистические, вашим читателям было бы не очень удобно о них читать. Еще я смотрю мистические сериалы по телевизору и занимаюсь языками, которые существуют в космосе, но на Земле их нет. Языками, на которых говорят на других планетах. Я изучаю эту проблему.
- Это интересно. Расскажите?
- Мне бы не хотелось об этом говорить. Дело в том, что тема инопланетян в России, да и во всем мире, табуирована. И людей, говорящих об этом, их считают немного «ку-ку». Поэтому я немного опасаясь говорить на эту тему – про инопланетян. Есть много людей с предвзятым мнением.
- Я понимаю ваши опасения, поэтому не настаиваю. Ваша мама ходит в церковь, а вы ходите?
- Хожу, конечно. Это очень важное и для физического, и для душевного здоровья дело. Это крайне важно.
- Вы верите в Бога?
- Да, я верю. У меня своя вера. У каждого человека своя вера, каждый человек – это неповторимая индивидуальность, у каждого своя вера. У каждого свой духовный опыт. У Даниила Андреева свой духовный опыт, у других – свой. На основе этого духовного опыта каждый строит свою жизнь. Так и православные, например.
- Как вы думаете, есть ли жизнь после смерти?
- На мой взгляд, существует реинкарнация. Реинкарнация – это не только вера индусов, но и, насколько я знаю, уже научный факт. Жизнь

ДЕНЬ ПТИЦ

ГЕОРГИЙ ПАНКРАТОВ
Родился в Санкт-Петербурге в 1984 году. Вырос и учился в Севастополе. Окончил гуманитарный факультет СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. Автор трех книг прозы. Лауреат премии журнала «Урал» за лучшую публикацию 2016 года (проза), победитель

Германского международного конкурса русскоязычных авторов «Нига года» (2018). Проживает в Севастополе и Москве.

Рабочий день Семен начал с «Фейсбука». Так было всегда. Нет, перед этим он обыкновенно здоровался с коллегами, кипятил чайник, клал в чашку кубики сахара, пакетик, наливал воду, ставил чашку на стол. Но первым осмысленным действием за день было чтение ленты новостей.

«Ребят, никогда не делал репосты, но тут особый случай», – прочитал Семен и криво усмехнулся: практически каждое утро он встречал в своей ленте такое сообщение, а бывало, что и сразу несколько. «Фейсбук» вообще раздражал его вот этим своим «вчера встретил прекрасную @Анна Павлова», «недавно возник спор с @Максим Алтуфьев», но ведь не Яндекс.Новости же читать с утра?

«Такой трогательный пост...» – Семен пробежался глазами по строчкам: автор писал много и с упоением о том, как встретил прямо во дворе коммерческой организации птицу, которая сидела на дереве, привлекая внимание сотрудников разных отделов. В комментариях писали, что, конечно, странно встретить такую птицу в городе, что она редкая и непонятно, как там оказалась, а кто-то даже писал, что ее нужно срочно поймать и спасти. Тут же разговор пытались увести в политику: «Поймать, чтобы спасти – вполне в тренде нашей генеральной линии», но никто не поддержал. В основном, конечно, под записью отмечались, чтобы оставить всякое «ми-ми-ми».

Семен зашел на страницу автора поста и понял, что тот сам работает в фирме, во дворе которой случилось чудо. «Как все предсказуемо», – вздохнул он: наверняка только благодаря диковинной птице об этой фирмочке вообще узнают. По пятнадцать лайков в минуту – снилось ли им такое вообще? Семен ненавидел слово «лайки» и как подумал о нем, настроение сразу испортилось. Подбросила дровишек в топку тоски и уныния, которое охватило Семена, секретарь Маша. Она открыла дверь, не здороваясь, бросила: «Сеня, на совещалово» – и тут же захлопнула. Семен зевнул, встал из-за стола, глотнув чаю и пошел в переговорную.

– Все в сборе, только вас ждем, – поприветствовал его начальник – скромно одетый, худощавый человек небольшого роста, с лысиной и тонкими очками.

Он сидел за массивным столом, рядом на стульях разместились коллеги – Марьяна Филипповна, женщина лет сорока, заместитель главного и любительница животных, фотограф Афанасий с неизменной электронной сигаретой, и корректор Митя – раздолбай в вечно грязной одежде, косящий под Леннона. Семену нравилось думать, что он знает их как облупленных – весь коллектив пиар-отдела небольшого городского парка. Ведь он здесь без малого три года – а именно столько, как говорят знающие люди, живет любовь.

«Такой трогательный пост...» – Семен пробежался глазами по строчкам: автор писал много и с упоением о том, как встретил прямо во дворике коммерческой организации птицу, которая сидела на дереве, привлекая внимание сотрудников разных отделов.

- Извините, Вячеслав Андреич, – буркнул Семен и уселся в маленькое кресло.
- Что там у нас с каштанами? – сказал Вячеслав Андреевич.
- С какими каштанами? – тупо переспросил Семен.
- Вы письмо мое получали?
- А, да-да, конечно, – спохватился Семен, но все так же, без эмоций. – Мне показали всю обрезку. Она там, знаете, разная бывает: и формовая, и структурная, и санитарная. Обрезать дерево нужно не просто так, а представляя, что с ним будет года через три, суметь увидеть, как говорится, что будет лучше для дерева.
- Ну это мы знаем, семь раз отмерь – один обрежь, – ответил начальник. – А дальше, дальше-то что?
- Ну все, – вяло сказал Семен. – Осталось только написать.
- Ну так напишите, в чем проблема? – тихо, беззлобно сказал Вячеслав Андреевич. – Ребятунки, вы поймите. Нас в соцсетях обсуждают: чихвостят, что называется, в хвост и в гриву: была в @парк такой-то, – Семен поморщился, – видела: уроды издеваются над деревьями. И все сразу: да-да, как так можно, что они, козлы, себе позволяют? Нам нужно объяснить людям, они же не понимают, что это нужно для самих деревьев. Негатив нужно перекрывать сразу, пока эта дерьмовая волна не накрыла нас с головой.

- Понял, Вячеслав Андреич, – кивнул Семен.
- А что с первыми цветами? – продолжил начальник, удовлетворившись ответом. – Афанасий, вы все курите?
- Это называется парить, – медленно, с достоинством ответил фотограф. – Ну или вейпить. А с какими такими цветами?
- С первыми, Афанасий, с первыми. У меня такое ощущение, ребятунки, что вы мою почту все-таки не читаете.
- А, с первыми цветами! – вспомнил фотограф. – Так вчера снял, все готово. Но только цветочек всего один, и до него еще по клумбе фигачить – пока дойдешь, затопчешь все остальные цветы. Ну, будущие. В смысле, не вырастут.
- Вот так, я же говорила! – торжествуя вступила в разговор Марьяна Филипповна. – А мы всем рассылаем: приезжайте, снимайте, у нас раньше всех в Москве весенние цветы!
- И приедут, – начальник кивнул. – И снимут. А в чем проблема? Это позитивный повод? Позитивный повод.
- Ответив сам себе, он замолчал и посмотрел на свои руки.
- Коллегушки, вы поймите, – продолжил он. – Парк у нас маленький, ну, вы сами все знаете. Объяснять не надо.
- Ну, мы ж его больше не сделаем, – сказала Марьяна Филипповна.
- Но мы можем сделать другое... Мы можем сделать, чтобы о нем больше говорили. И говорили хорошего.
- Так чтоб о чем-то говорить, нужно, наверное, чтобы что-то происходило? – встрял корректор.
- А вот и нет, – покачал головой начальник. – Новости нужно выдумывать. Отсюда брать. – Он показал на голову. – А то кое-кому в городской администрации вообще непонятно, зачем нашему парку пиар-отдел. Финансы-то льются, а выхлопа – ноль.
- Куда они льются? – спросила Марьяна Филипповна.
- Неважно, – твердо ответил Вячеслав Андреевич. – Но льются.
- Что-то они мимо нас льются. – Это замечание вызвало в коллективе небольшое оживление. Все закивали головами: да, мол, так и есть. Фотограф затыкнулся вейпом. Но вскоре все опять успокоилось.
- Нам нужно что-то делать, – продолжил начальник.

- Ну так мы делаем, – сказал Афанасий. – Цветы вон фоткаем.
- Одних цветов мало, – задумчиво произнес начальник. – Нужны птицы.
- Птицы? – удивился коллектив.
- Да. Птицы.
- Что за птицы?
- Птицы прилетели, – твердо сказал Вячеслав Андреевич.
- Ну это мы знаем, – сказала Марьяна Филипповна. – Но что, мы всерьез будем об этом писать?
- И не только писать!
- Ну да, фотографировать...
- На самом деле есть повод... У нас один человек, Владимир, делает скворечники. Такие простые, креативные. Фигурные там, разные... И продает их за три тысячи рублей каждый.
- Кому продает? Парку?
- Как ни странно, да. – Начальник слегка улыбнулся. – Администрация нашего парка решила с ним сотрудничать. Она покупает у Владимира сами скворечники, а посетители смогут купить их у нас. Предварительно пройдя мастер-класс по раскрашиванию... ну, не будем так говорить, дизайну скворечников. Таким образом, каждый сможет оставить в парке свой персональный скворечник. Подписав несмываемым маркером.
- А забрать его домой он что, не может? – удивилась Марьяна Филипповна.
- Зачем вам дома скворечник? Для ваших попугаев? – вставил корректор, и женщина смерила его недоуменным взглядом.
- Очень смешно, – фыркнула она.
- А этот Владимир – он бородатый, наверное, и в роговых очках? – спросил Афанасий.
- Да, и курит вейпы, – сказал начальник. – Ребята, давайте серьезно.
- Курит вейпы, – расхохотался фотограф. – Ну разве это серьезно?
- На самом деле, – Марьяна Филипповна всегда начинала так фразу, если хотела сказать что-то важное, – про скворечники вашего Владимира говорили даже по телевизору. Сейчас не вспомню программу, но суть там была такой: его скворечники то ли по размеру не подходят, то ли по материалу, но, в общем, птицам это неудобно. Скворцам не нравится.
- Вячеслав Андреевич картинно схватился за голову.
- Коллегушки, да поймите вы: главное – чтобы нравилось московской администрации. А что там нравится или не нравится скворцам... Ну найдите вы орнитологов, которые скажут, что это лучшие скворечники в мире.
- Так орнитологи этого не скажут!
- Значит, обойдемся без орнитологов. Поговорим с довольными посетителями парка, которые будут рады увековечить свои имена... Придумайте что-нибудь. Не мне же вас учить.
- Послушайте, – вставил корректор. – А если кто-то просто захочет принести свой скворечник? Из банки кефира там сделать, насыпать хлеба? Это что – нельзя?
- Нет, вы меня удивляете, – сказал начальник, снова понизив голос. – Где наш парк – и где пакет кефира! Мы что, мэру Москвы пакет из кефира будем показывать?
- Но не мэру же оттуда клевать! – воскликнула Марьяна Филипповна. – Если он не подходит для птиц...
- Надо найти птицу, для которой все подходит, – твердо сказал Вячеслав Андреевич. – На «Авито» можно купить.
- Вы сейчас серьезно? – изумилась женщина.
- Более чем, Марьяна Филипповна, более чем! Нужно найти ответственного, кто нам купит птицу. Семен, вы что, опять спите? Вы все время какой-то сонный... Семен кашлянул.
- Я просто умею быть незаметным, – спокойно ответил он.
- Семен, коллегушки. Нам нужно найти птицу. Как это сделать – дело десятое. Но вопрос с птичкой надо решить.
- Ну, допустим, мы ее купим, – сказал Семен. – А как заставим залететь в скворечник?
- Так мы и не будем. Залепим скотчем дупло. Ну, то есть дырку. Хотя тоже не очень звучит? На сей раз усмехнулся только один корректор.
- Но мы же не посадим туда попугая, – сказал Семен, – или канарейку.
- Канарейку нельзя, – почти закричала Марьяна Филипповна. – Купить канарейку для таких целей – значит обречь на смерть.
- А кого тогда? Ну, жаворонка можно.
- Да жаворонка вы и не купите, – встрял Афанасий. – Жаворонки знаете какие дорогие!
- Афанасий, – обратился к нему начальник. – А чего это вы нас на «вы»? Вообще-то вы – это тоже мы.
- Коллеги, а вам не кажется, что мы тут с ума сойдим? – спросила Марьяна Филипповна.
- Так весна же, – оживился начальник. – Да, у нас, кстати, есть инфоповод. Вполне себе хороший: первое апреля – Международный день птиц.

- Первое апреля – день дурака, – напомнил корректор.
- Ну вот сразу все и отпразднуем!
- На фиг, это не мой праздник, – рассмеялся корректор, но его опять никто не поддержал. – А у меня, знаете, дома кот есть. Я могу кота принести, не надо?

Вячеслав Андреевич некоторое время смотрел на него, а потом спросил:

- Митенька, признайтесь честно, вы что-то курите?
- Неа, – беззаботно ответил тот. – Сами сказали: весна же.
- В общем, ладно. – Начальник поднялся из-за стола. – Будем закругляться, работы у нас полно. Первого зовем журналистов, говорим: становиться сюда, снимать здесь, сейчас птичка вылетит. Отлепляем это... дупло, бог с ним, и все довольны и счастливы.
- Птичку жалко, – сказала Марьяна Филипповна. – Куда она потом?
- Ребятушки, – сказал начальник. – Птицы всегда найдут, как прокормить себя в этом мире. А вот мы с вами – вряд ли, если к нам сюда придут и всех повыгоняют. Так что поняли задание? Вот и отлично, завтра вернемся, обсудим, что называется, ход работы.

На сей раз возражений не оказалось. Семен вышел на улицу. Возле крыльца все курили, но Семен не курил, ему нравилось просто постоять, пощуриться на солнце. Но настроиться на позитивный лад, как он планировал, не получилось: в кармане противно завибрировал телефон, Семен нехотя достал его и глянул на экран.

Звонил Борис Синельников, давний знакомый. Когда-то, в напрочь уже забытые времена, они вместе работали журналистами в крупной газете с большим тиражом. А потом, когда все вокруг начало закрываться, сворачиваться и схлопываться, оба оказались на улице. С работой было сложно, и Борис устроился в большой московский парк, в пиар-отдел. «Ничего, – говорил, – нормально: тридцать миллионов посетителей, выставки, концерты. В общем, жизнь». Последовал его примеру и Семен. Правда, парк нашел маленький, скромный, но ведь больших парков в Москве немного, на всех безработных журналистов все равно не хватит.

- Как дела? – ответил Семен, зевая.
- Нормально, дружище. В пятницу встретимся, перетрем. А я вот что звоню: у нас тут засада. Хочу спросить, но ты не удивляйся, хорошо? Я потом все объясню.

- Ну хорошо.
- Слушай, такое дело. А у тебя – или твоих знакомых там, коллег – нет птицы? Только не очень большой. На пару часов надо. Поспрашиваешь, ладно?
- Ладно, – сказал Семен и посмотрел в небо. – Вот с тебя и начну.

ПОСЛЕ БОЯ

ГЕРМАН САДУЛАЕВ

Родился в 1973 году в селе Шали Чечено-Ингушской АССР. Учился в Грозном, затем на юридическом факультете в Ленинграде. Автор книг «Одна ласточка еще не делает весны», «Таблетка», «Я — чеченец!», «Шалинский рейд» и многих других. Финалист премии «Русский Бунер».

В начале августа 1942 года мы отступали сначала в донских, а потом в прикубанских степях. Жара стояла сухая и ломкая. Грозы все отгремели в июле. Тогда шли ливни, грязи было по колено, а мы лежали на оборонительном рубеже у Ростова. Теперь Ростов взяли немцы, мы катились и катились на юго-восток. Но прикрывая организованный отход частей Южного и Северо-Кавказского фронтов, то и дело контратаковали. Те же самые позиции контратаковали, которые еще вчера были нашими, подготовленными для обороны, и на которых остатки беспорядочно текущих в тылы разбитых воинских подразделений не смогли удержаться. Вот так и на Маныче была линия обороны 102-й стрелковой дивизии 37-й армии генерал-майора Козлова, была, да вся вышла. Как и 102-я дивизия. О эта магия слов! Дивизия! А раз дивизия, то получай по пехотному уставу десять километров фронта. А в дивизии триста штыков. Две роты – вот и вся твоя дивизия. Немытые, неутые, беспатронные. Да их сбить хватило бы и одного румынского батальона. А на них катится танковая дивизия СС «Викинг». Дивизия на дивизию. Все по-честному.

У немцев тоже такое бывало. Под Москвой, зимой 1941-го, когда в ротах оставалось по пять человек. Мы взяли в плен гауптмана, он командовал полком. Ему приказали силами своего полка контратаковать наш танковый полк, занявший разъезд. А у гауптма-

на в полку сорок семь полумертвых обмороженных гренадеров. Вот и весь полк. Однако приказали, он исполнил приказ. До танкового полка он, правда, добраться не смог. Мы в боевом охранении стояли. Тридцать пять убили. Двенадцать взяли в плен. Своих вообще никого не потеряли. На войне все очень странно происходит. И есть две войны, я это давно понял: одна война та, в которой большие начальники в штабах рисуют на картах стрелки. У них полки, батальоны, дивизии, бригады. А другая война та, в которой на земле убивают друг друга люди. Одни называются батальоном, а другие корпусом, но не всякий корпус сильнее батальона. Они там, в штабах, вроде бы и знают, сколько живых штыков. Знают, но не очень об этом думают. Дивизия, говорят.

Видели мы эту дивизию. 102-ю стрелковую.

На рассвете под прикрытием утреннего тумана мы, вместе с казаками из 17-го кавалерийского корпуса, вместе с остатками 102-й дивизии, контратаковали позиции немцев у Маныча и достигли тактического успеха, выбив немцев из траншей. На самом деле мы понимали, что нас встретило всего лишь боевое охранение, а дивизия ушла куда-то на Сальск. Если они развернутся или пришлют самолеты или другая часть пойдет, то мы не удержимся. А удержимся – так попадем в окружение. Потому что дым боев, как черные стяги ада, реяли уже далеко за нашими спинами.

Спрыгнул в траншею и увидел сержанта Литвинова из своей разведроты. Сержант своим намоленным трофейным ножом вскрыл банку тушенки и с того же ножа ел. Я вспомнил, как полчаса назад в двух шагах от меня Литвинов заколол худого немца в очках. Немец замешкался, меня обойму. Сержант прыгнул к нему, сильным ударом правой руки вогнал лезвие между ребрами, сделал широкое вращательное движение рукояткой, расширив рану, и вынул нож. Кровь хлынула, Литвинов оттолкнул немца ногой и побежал дальше.

Я посмотрел на нож. Меня передернуло. Литвинов заметил судорогу моих плеч. Сказал:

– Да что такого? Я же обтер.

Протянул мне банку.

– На, поешь.

Я покачал головой. Присел на деревянный ящик из-под гранат. Приставил рядом с собой к стене траншеи винтовку. Достал папиросы и закурил.

– Не могу понять, как ты, Литвинов, вот так спокойно жрешь. С того же ножа, которым только что убил человека. Ты, Литвинов, наверняка садист. Хорошо, что сейчас война. А в мирной жизни кем бы ты был? Преступником?

Литвинов поднял указательный палец левой руки и сказал:

– Но-но, сержант Хасуев! Во-первых, не человека. А немецко-фашистского врага. Во-вторых, человека прирезать ничуть не сложнее, чем кабана. Иногда кабана сложнее. Вот ты, Хасуев, резал свиней?

– Я мусульманин. Нам свиней нельзя.

Литвинов рассмеялся.

– Какой же ты мусульманин? Когда ты коммунист. Я вздохнул.

– У нас все так. И коммунисты. И мусульмане.

– Что, и молятся?

Я ответил уклончиво.

– Кто как. По-разному. Но свинину никто не ест.

– Это зря. Свиное мясо самое вкусное. Нежное. И, если подумать, сало. Где же еще взять сало, если не от свиньи? А без сала какая жизнь? Но вопрос не в том. Ты же вроде не городской. Если не свиней, то коров, наверное, резал. Баранов?

Я вспомнил дядю Ахмеда, к которому наша семья всегда стыдливо приводила скот на забой. У нас никто, включая моего отца, не мог даже курицу зарезать. Ничего не ответил.

Литвинов доел тушенку, обтер нож о промасленные и забрызганные кровью форменные штаны, спрятал в ножны, подвешенные к ремню. Выпил чего-то из фляжки. Судя по всему, не воды. Уселся поудоб-

нее. Видимо, сержанта тянуло поговорить.

– У меня был хряк. Звали его Тимофей. С именем у хряка произошла поучительная история. Сначала я назвал его Навуходоносор. Хотел похвастаться, что я умный, грамотный, книги читаю и знаю много слов. Ну, значит, откармливаю я кабанчика. Но не станешь же всякий раз кликать животное Навуходоносором? Я сокращенно, Оська. Он стал понимать имя, отзываться. А мне потом жена сказала, что Ося – это уменьшительное имя от Иосифа. Ну и, сам понимаешь. Я чуть не умер от страха. Вовремя сказала. Можно сказать, спасла меня. Пришлось срочно переименовывать. Как можно непохожее. Назвал Тимофеем. Кабанчик сначала удивлялся. А потом и к новому имени привык. Вообще, я думаю, что слов они не понимают. Но откликаются на звук твоего голоса и на разные настроения. И потому понимают человеческую речь. Не дословно, но общий смысл вполне. Сделали мы ему, Тимофею, операцию, колхозный специалист делал. В общем, отрезали причиндалы. Стал он мягкий, ласковый. Меня очень любил. Вырос с теленка, а бегал за мной по станице, как пес. С руки ел. Хрюкал. А как радовался, как радовался, как только меня увидит! Я его и не запираю даже, он на крыльце спал, чтобы, значит, как только я выйду на баз, первым меня увидеть. Но пришло время. Я мог бы отдать его мяснику живым. Но это было бы нечестно. Так я бы его предал. В чужие руки. Как Иуда Христа. Я почувал, что должен сам это сделать. А свиньи, они очень умные. Мне кажется, он загодя все понял. Когда я разложил инструменты. Он подошел ко мне, приласкался. И смотрит, глаза в глаза. И я читаю, в глазах: давай, Петр. Если такая моя судьба. Только сделай это сам. И... постарайся... чтобы... чтобы не очень больно...

Литвинов заплакал. Две чистые, прозрачные слезинки текли по его грязным, в пыли и копоти, щекам, прокладывая дорожки, оставляя петляющие следы.

– Я все время, пока его убивал, смотрел ему в глаза. И обнимал голову. А он так... доверчиво. А потом, чувствую, умер. Слили кровь на кровяную колбасу. А дальше я разделять не стал. Так, тушей продал. Налоги заплатил. И кровь продал. Не смог бы я ни крошки из Тимофея съесть.

Литвинов плеснул из фляги спиртом на свои ладони, протер ладони, вытер лицо. Продезинфицировался. Успокоился. И ровным тоном продолжил:

– Вот ты, Хасуев, говоришь, человек. Иного человека проще убить, чем хряка. Мне Тимофей был

Не могу понять, как ты, Литвинов, вот так спокойно жрешь. С того же ножа, которым только что убил человека. Ты, Литвинов, наверняка садист. Хорошо, что сейчас война. А в мирной жизни кем бы ты был?

как друг. Как брат. Родной как. Хоть и свинья. А этот немец, он мне кто? Да я его в первый раз вижу. Никто он мне. Если бы надо было сожрать его сердце, я бы вынул и сожрал. А что такое? Сожрал бы. Если бы была от этого какая-то польза. Тимофея не смог. А этого запросто. Жил он там где-то в своей Баварии. Не брат мне, не сват, не кум, я о нем ни сном ни духом. Теперь лежит, как мешок дерьма. И мне не жалко. А тебе что, жалко?

- Не жалко. Мне противно, что ты с того же ножа ешь.
- Ну извиняйте. Приборов столового серебра не подавали.
- Ладно. Просто... помой.
- Ладно. Помой.

Я выкурил уже две папиросы. В голове слегка шумело, то ли от табака, то ли от недосыпа, то ли от недавнего боя. Литвинов спросил:

- А вот ты сегодня сколько убил?
- Семнадцать.

Литвинов захохотал.

- И кто из нас двоих прирожденный убийца?
- Ты не путай. Тут совсем другое дело. Я большей частью убиваю как: смотрю в прицел. Там какое-то шевеление. Определяю, где, например, голова. Щелк – в голове дырка. Я вообще не уверен, что это живые люди. Может, это какие-то куклы. Может, у них вместо головы арбуз. Стреляешь – и летит во все стороны красная мякоть. Мы в детстве так делали. У меня была мелкашка, я бахчу охранял. От птиц, животных, от лихих людей тоже. Арбузы на терских песках растут, но

маленькие арбузы, не такие, как астраханские, а размером с голову ребенка. Так что я постоянно стрелял. Там и навык нарабатался. Но я даже в атаке, как сегодня, стреляю.

- А в рукопашную что, душка не хватает?
- Пару раз бился. Если очень надо, могу. Но мне не нравится. Сегодня я на нейтралке за сто метров до траншеи прилег. Туман быстро рассеялся. Немцы выскакивали, как зайцы. Я шелк, шелк, шелк. Так семнадцать и нащелкал. Литвинов вздохнул озабоченно.
- Я всего трех.
- На двоих мы с тобой ухайдакали два десятка. Если бы все так воевали, войны бы на три дня не хватило!
- Ох, не торопись хвастаться, Хасуев. В другой день мы с тобой можем лечь в списке безвозвратных потерь, совершенно никого с собой на тот свет не прихватив. Например, от артиллерийского обстрела или под бомбежкой.

И словно накаркал. В небе появились немецкие самолеты. Сначала зависла «рама». А потом четырнадцать, кажется, «юнкерсов». Я в самолетах не очень разбирался. Но самолеты пролетели дальше. Видно, штурмовать переправы.

Мы не понимали, где в наших позициях фронт, а где тыл. Смотрели в обе стороны. Через пару часов появились три танка и пять бронетранспортеров с пехотой. Мы открыли ружейно-пулеметный огонь, пули цвиркали по бортам немецких машин. Немцы атаковать наши позиции не стали, развернулись и ушли на юго-восток. Оборона наша не имела никакого значения, противник навел переправы через Маныч севернее, шли через переправы танки и мотопехота, устремлялись в глубокий прорыв, преследуя наши войска до самой Кубани.

Дождавшись ночи, мы и сами ушли. В суматохе и беспорядке проскользнули мимо наступающих немцев и к утру были у штаба 37-й армии. От армии, кроме штаба, почти ничего не осталось.

Сержанта Литвинова убили в начале осени, в коротком рукопашном бою. А меня через неделю под Моздоком, то ли снайпер, то ли случайная пуля в висок.

ОВО ВИДИТ ХРЕНОВО

ВЛАДИМИР ГУГА
Родился в 1972 году в Москве. Окончил музыкальное училище имени С.С. Прокофьева и Литературный институт имени А.М. Горького. Работает pr/event-менеджером Чеховского культурного центра московской библиотеки имени А.П. Чехова. Публи-

кации в тематических сборниках художественной прозы («АСТ», «Астрель-СПб», «Энсмо»), в электронных изданиях — «Топос», «Литература», «Перемены. ru», «Формаслов», «Textura», «Литосфера». Автор публицистической книги «Фаина Раневская. Великая и непредсказуемая» (2016),

книги короткой прозы «Мама нас точно убьет» (2019). Координировал составление сборников «Народная книга»: «Были 90-х», «Мои университеты», «Бессмертный полк», «Я вырос на уроках литературы», «Бабушки и дедушки — ангелы-хранители нашего детства», «Истории о любви», «Я поведу тебя в музей».

Давно замечено, что набрякшие слезы заметно обостряют зрение. Благодаря им в глазах появляется естественные линзы, которые очень быстро расплываются.

Из записок нежного натуралиста

Смахнув нежданно наворачнувшую слезу, близорукий Вова отправился в магазин, услышав на дорожку привычный мамин наказ: «И пельмени не забудь купить. Дома жрать нечего!»

В дверной щели соседской квартиры торчала сложенная бумажка. Так обычно оставляют послания всякие человеконенавистнические организации. Вовины соседи — люди темные, подозрительные. И снимают они хату у не менее стремных хозяев.

«Поди, из прокуратуры, — предположил Вова, — или из следственного комитета бумага».

Внезапно потеряв контроль над собственным любопытством, Вова вытянул листочек. На документе стоял штамп ближайшего отделения полиции.

«Дорогой Вова, — гласил отпечатанный на принтере текст. — Мы знали, что ты сунешь свой длинный нос не в свое дело. Соседи твои — изрядные отморозки. Но компромат на них пока еще не собран. Однако мы работаем. Потерпи немного. Скоро мы их привлечем. А это извещение для тебя. Короче говоря, срочно поезжай по адресу: 2-я Судомонтажная улица, дом 5, к. 2, квартира 107. И будет тебе счастье. Не теряй ни

минуты! Прямо сейчас отправляйся на Судомонтажную! Срочно! Бросай все и беги туда! Беги, я тебе сказал, ни о чем не думай! Ты еще стоишь? Лучше не зли меня! Считаю до трех. Два уже было. Капитан Лубков».

В тот день особых дел у Вовы не намечалось, как и в другие иные дни. Жил Вова, в общем-то, исключительно настоящим, изредка возвращаясь мыслями в прошлое. Словом, праздно он жил, не парился. Случалось, ему подбрасывали нехитрую копеечную работенку — сверстать рекламный баннер или презентацию, но происходило это нечасто, а в последние месяцы заказы как-то совсем скисли. Но он не грузился, понимая, что не в деньгах счастье. И даже не в их количестве. На сигареты, дешевый алкоголь, интернет и редкий флирт Вова денежек наскребал. А больше ему и не требовалось.

«По крайней мере, — частенько рассуждал Вова. — Я не изменил самому себе, не прогнулся. Если я — квалифицированный креативщик, совмещающий функции дизайнера и копирайтера, значит, я им и останусь. И ничего вы со мной не сделаете. Себя надо ценить! Всякое бывало — переживем и этот кризисный период».

Почему Вова отправился на Вторую Судомонтажную улицу, находящуюся у черта на рогах? А кто его знает... Наверное, чисто по инерции. И потом, в извещении было написано про какое-то там загадочное счастье... Интересно же, что за счастье-то...

Перед путешествием Вова заскочил в супермаркет «Ваш» за чекушкой. Он не был законченным алкоголиком, но относился к классу «перехватчиков». То есть периодически перехватывал глоток-другой для тонуса, но при этом никогда не напивался. Просто ходил с утра до вечера слегонца датый. Поэтому в сумке у него всегда болталась чекушечка водки или фляжечка дешевого коньяка.

Кассирша Тамара, знойная молодая брюнетка, заметила Вове, что неплохо бы купить что-нибудь на закуску, например, нарезки. А зачем Вове закуска? Для «перехвата» закуска не нужна.

Район, где находилась Вторая Судомонтажная улица, располагался на другом конце Москвы. Так что Вове пришлось провести в метро целый час. Затем он минут сорок ехал на маршрутке мимо привычных оврагов, родимых автобаз, складских объектов, цехов могильных памятников. Очень знакомые места наблюдал Вова. Хотя он и видел хреново, но мелкие детали проплывающего за окном пейзажа все же рассмотрел: там, за окошком, мелькало все то же самое, что и на подступах к его району.

- А скоро будет Вторая Судомонтажная улица? – спросил он сидящего рядом толстяка в кепке.
- Я сойду, – ответил попутчик, – а вы через две остановки.
- А где находится Первая Судомонтажная? – неожиданно для самого себя поинтересовался Вова.
- Не знаю... Где-то... Но не у нас. Здесь только Вторая и Пятая Судомонтажные. А где первая, третья и четвертая, нам не известно.

Толстяк впился в открытую книжечку с задачами sudoku, а Вова припал к своей заветной фляжечке.

Как это ни странно, но Вторая Судомонтажная улица оказалась стопроцентной копией Новобетонной – родной улицы Вовы. Буквально ее зеркальным отражением. Настоящий район-клон. Вова тут же вспомнил известный, затертый до дыр советский фильм, коллизия которого разворачивалась на фоне однотипных новостроек разных городов. Однако сейчас он увидел что-то более странное. Можно сказать, запредельное. Окрестности Судомонтажной и Новобетонной были не просто похожи, они представляли одно и то же...

Покинув маршрутку, гость тут же нос к носу столкнулся со знакомым мужиком, бывшим соседом по больничной палате в районной больнице. Некоторое время назад Вова лежал в травматологическом отделении с серьезным растяжением.

- Как дела, земляк? – спросил знакомый. – Нога больше не болит?

- Все хоккей, – ответил Вова, оторопев. – А как ты, Николай Павлович, поживаешь? Как колено?

- Скрипим поманеньку...

Ради интереса Вова прогулялся по окрестностям Второй Судомонтажной. Все здесь один в один повторяло мир Новобетонной. Даже хромой барбос Бонапарт, дружок местной алкашны, сидел на своем законном месте около бойлерной. А бойлерную украшала знакомая нецензурная надпись. От нечего делать Вова заглянул в знакомый супермаркет. Он был, разумеется, точно таким же, как и на Новобетонной. Правда, назывался не «Ваш», а «Мой». Там, в супермаркете, симпатичная кассирша Тамара чуть было не нагрела Вову на пятьдесят рублей, когда он пробивал пачку пельменей. Может, случайно, а может, специально, кто ее знает.

Потом Вова зашел во второй подъезд дома номер пять и вызывал лифт. Достал из кармана извещение и проверил указанные координаты. Все верно – до счастья осталось рукой подать. Причем оно, счастье, находилось в квартире, обозначенной родным номером – 107. Вместе с Вовой в лифте поднималась молодая соседка Лена с трехлетней дочкой Светой. Девочка держала за поводок китайскую хохлатую по прозвищу Шпунтик.

- Ну что, нагулялись? – ради соседской приветливости спросил Вова. – Погодка-то сегодня – класс! Солнце, тепло...

- Да, – ответила Лена.

- Да, – ответила Света.

Шпунтик тявкнул что-то невнятное.

Дверь квартиры номер сто семь открыла беременная незнакомка. Красивая, но изрядно замотанная молодая женщина. Она встретила его ненакрашенной, в мешковатом байковом халате и в завязанной на затылке косынке. В квартире витал аромат какого-то варева. «На восьмом месяце», – мигом определил Вова. Правой рукой женщина держала крохотного мальчика в одной майке, а в левой – дугу детской коляски, испускающей жалобный младенческий писк. Мальчик в майке увлеченно грыз огромную морковь.

- Пришел? – спросила усталая женщина. – Где же ты шлялся полдня? В доме шаром покати, креативщик ты хренов. Хоть бы с детьми погулял...

В коридор выглянуло хмурое мамино лицо и тут же скрылось за дверью маленькой комнаты.

От неожиданно нахлынувших чувств, малознакомых, но очень сильных, в глазах Вовы образовались слезные линзы, и на несколько мгновений его зрение значительно обострилось. Потом слезы выкатились, и квартира вновь расплылась в привычной нечеткости.

СМЕШНЫЕ ЦЕНЫ

Юля не поддавалась старению. Не то чтобы она специально молодилась, просто у нее не было времени стареть: все заботы, дела, проекты. А в России, как известно, старость, особенно женская, начинается очень рано. Отучилась, вышла замуж, поставила детей на ноги – и здравствуйте, Андрей Малахов и газета «30Ж». Причем наши старушки всегда выглядят одинаково – что при Брежнев, что при Путине. Столичные бабушки не в счет. Они, по сути, иностранки. Хотя, надо признать, что в спальных районах Москвы и других крупнейших городов обитают все те же классические старушки-платочницы в валенках на молнии. Это и есть наша скрепа, которая реально, а не на словах, объединяет страну.

В общем, тетя Юля, несмотря на свои шестьдесят один, молотила дела с усердием рекламного зайки-барабанщика. Она топ-менеджерствовала в какой-то креативной компании. И энергии Юли хватало на раскрутку турбины небольшой электростанции. Что нельзя сказать о ее детях. Они почему-то отставали от нее по всем пунктам. И как-то не стремились догнать маму. Дети глядели на нее с иронией, по-стариковски снисходительно. Даже устало смотрели Лена и Вадик на стремительную и бодрую маму. Они были в папу – порядочнейшего, доброго кандидата наук, просидевшего без работы до самого развода, а после развода переехавшего

к своей маме. Ничего не поделаешь... Недаром говорят, что природа талантливых родителей на детях отдыхает. Впрочем, в Юлином случае речь о таланте и не шла. Она была просто гораздо энергичнее, активнее, а самое главное, сильнее бледной Леночки и болезненного Вадика, виски которого уже серебрились ранней сединой. И конца Юлиных сил никто не видел.

Однажды ночью ее ошарашило: «А ведь если так дальше дело пойдет, я их переживу! А это неправильно. Так быть не должно. Стыдно так жить... Выходит, я заграбастала себе всю мощу, а им ничего не оставила? Как же так?»

Утром следующего дня Юля нашла на дне комода однотонное старомодное кашне и прикрыла им свою выпендрежную короткую стрижку под Энни Леннокс. Быстренько купила в «Смешных ценах» коричневую болоньевую куртку, кошмарные дутки, бесформенные джинсы, безумных размеров кепи с наушниками и хозяйственную сумку на колесиках. Ходовая часть у этой сумки была причудливая – в виде треугольников из трех колес. Известно, что стандартные русские бабушки живут чудачествами. Они будто бы соревнуются, кто кого перечудачит, наполняя свои комнаты иконками в подковах, шунгитовыми наколенниками, фэншуйными жабами с монетками во рту, гематитовыми браслетами.

Известно,
что стандартные
русские бабушки живут
чуждачествами. Они
будто бы соревнуются,
кто кого перечудачит,
наполняя свои комнаты
иконками в подковах,
шунгитовыми наколенни-
ками, фэншуйными жабами
с монетками во рту,
гематитовыми браслетами.

- чун, весь в себе, слово от него не услышишь, еврей, проще говоря.
- Я сегодня ночью, – вдруг соврала Юлия теперь уже Викторовна, – ни разу в туалет не сходила, хотя накануне, вечером, съела половину арбуза.
 - Не может быть! – не поверила своим ушам Фарида Ильясовна. – С ума сошла? Разве так можно? Ладно, я тебе сейчас дам хороший мочегонный рецепт. То-то я смотрю, у тебя вся морда опухла... Да, так прям и сказала...

Юлия Викторовна достала свой рабочий блокнотик, ручку и стала жадно записывать. Она старалась слово в слово перенести в свою новую копилочку всяких полезностей драгоценное средство. Разве такими рецептами можно разбрасываться?

Краситься Юля не стала. Во дворе, непривычно волоча сумку на треугольных колесах, она подошла к двум гуляющим старушкам «с прицепами»:

- А вы не знаете, что сегодня по акции в «Пятерочке» дают?

Одна из старушек поправила огромный каракулевый головной убор, похожий на папаху и берет одновременно, и охотно отчиталась по всем торговым акциям, проходящим в пяти ближайших супермаркетах. Потом другая бабушка в плюшевой чалме со стразами сообщила, что в «Смешных ценах» *дают* очень хорошие зимние треники с утеплением. «Носить будешь всю оставшуюся жизнь, – добавила. – Сносу им нет». Затем первая старушка, которую, оказывается, звали Верой Евгеньевной, проинформировала, что вечером у Малахова будут показывать брошенного ребенка Пугачихи, а вторая бабушка, назвавшаяся Фаридой Ильясовной, поделилась сведениями, что от участковой терапевтики Кислициной получить направление на плановую госпитализацию труднее, чем поцеловать себя в жопу. Да, так прям и сказала... А еще Вера Евгеньевна сказала, что ее соседка сверху Марина – проститутка – сожительствует с черным.

- А внизу живут два родных брата, – добавила почему-то она. – Мишка – нормальный русский парень, открытый такой, простой. А Петя – мол-

ИДЕАЛЬНОЕ УБИЙСТВО

ОЛЕГ ЛЕНМАНОВ

Родился в 1967 году. Доктор филологических наук, победитель премии «Большая книга» (2019), автор более 700 опубликованных работ.

Почему-то стоянка поезда на нашей маленькой станции составляет целых двадцать минут.

Я вошел в купе на третьей минуте, с удовлетворением отметил, что никаких соседей у меня пока нет, и уютно устроился у окна с детективной книжкой.

На девятнадцатой минуте в дверь постучали.

– Войдите! – сказал я, постаравшись скрыть невольное раздражение, которое, кажется, все-таки прорвалось в голосе, потому что мой сосед по путешествию протиснулся в купе с чуть виноватым видом.

– Можно?

– Милости прошу. – Я уже полностью овладел собой и даже сделал приглашающий жест, указывая на сиденье напротив.

Едва мой сосед устроился, как поезд наконец тронулся.

Минут двадцать ехали молча, я пытался сосредоточиться на книжке, а сосед бездумно смотрел на мелькающие за окном перелески. Потом он, инстинктивно ухватившись рукой за столик, поднялся с места и спросил:

– Вам чаю принести? Я к проводнице сейчас схожу...

– Нет, спасибо, я, может быть, потом...

Чай он пил аккуратно, не хлюпая, как это делают многие, но, к сожалению, ложечку из стакана все-таки не вынул, и она противно звякала о стекло.

Это меня отвлекало, и я, некоторое время поборовшись с собой, все-таки отбросил книжку на застеленную одеялом полку.

– «Идеальное убийство». – Мой сосед скосил глаза на название и усмехнулся. – Интересная?

– Не знаю, выяснить не удалось, – не без сарказма ответил я, но моя ирония пропала даром, сосед ответа то ли не услышал, то ли не обратил на него никакого внимания, потому что тут же спросил снова:

– Скажите, а с вами когда-нибудь такое случалось, что на долго мучивший вас вопрос отвечала сама жизнь...

– Ну... Она всегда так или иначе отвечает...

Сосед был явно разочарован моим ответом:

– Нет, я не про «так или иначе», я про прямой и ясный ответ на поставленный вопрос сейчас говорю. Как бы вам объяснить... Вот послушайте, какая история приключилась с одним моим знакомым.

Я понял, что если хочу оставаться хоть чуть-чуть вежливым, длинного рассказа мне не избежать, и покорно приготовился слушать.

– Одного моего знакомого, который был нормальным интеллигентным человеком с нормальной интеллигентной профессией, тем не менее годами сверлил дикий и страшный вопрос: «Можно ли совершить убийство, которое никогда и у никого

не получится раскрыть?», так сказать, идеальное убийство... Я, собственно говоря, про его историю и вспомнил, когда увидел, как называется ваша книжонка... И вот однажды он отправился в путешествие на таком же примерно поезде, как наш. Женщине своей, жившей в другом городе, он хотел сюрприз сделать или друзьям, я уже забыл, да и не важно это.

Ехал он, ехал, а потом на одной из ночных станций, случайно, от скуки, выглянул в окно и увидел подсвеченное название небольшого городка, в котором давно мечтал побывать. Человек он был, как вы уже, наверное, поняли, импульсивный, вещей у него было мало, все в один рюкзачок влезли, и он, недолго думая, на этой станции выскочил, тем более что билет на поезд у него был удобный – действовал в течение двух суток, так что мой знакомый мог свое путешествие прерывать и возобновлять по собственному желанию.

Да-а-а... И вот он, не торопясь, бредет по пред рассветному и совершенно пустому городку, рассчитывая к восходу солнца добраться до красот в центре. Как вдруг слышит истошный мужской крик «Помогите! Кто-нибудь!», раздающийся из подъезда дома, мимо которого мой знакомый как раз проходит. Нормальный человек, наверное, никак бы на этот призыв не отреагировал и только ускорил бы шаг, но мой знакомый был не таков: открыл дверь подъезда и начал осторожно, однако решительно подниматься по ступенькам плохо освещенной лестницы (крик, как ему показалось, раздался сверху). Не успел мой знакомый преодолеть и двух лестничных пролетов, как откуда-то сбоку, из двери квартиры, прямо на него, как из берлоги, выскочил кто-то большой, черный, похожий на медведя... Так, во всяком случае, показалось моему знакомому. Этот кто-то, не тратя лишних слов, бросился на моего знакомого, причем тот успел увидеть, как в руке нападавшего блеснул нож. «Силы были совсем не равны, – рассказывал позднее знакомый, – и меня спасло только то, что он был в стельку пьян». Тем не менее неизвестный мужчина отличался недюжинной силой, да и весил почти в два раза больше моего знакомого. Через несколько секунд знакомый уже лежал на полу площадки, придавленный тушей «медведя».

«Медведь» взмахнул рукой с ножом и... «Помню, я эту руку перехватил и, наверное, как-то так сумел ее на автомате извернуть, что он вместо того, чтобы ударить меня, воткнул нож в себя... Во всяком случае, он вдруг судорожно задержался на мне, захрипел и через некоторое время затих...»

Мой знакомый с трудом спихнул с себя грузное тело и сел на холодной плитке. Сердце его гулко билось. Самое удивительное, что никто в доме на шум не выглянул, то ли все крепко спали, то ли сочли за лучшее из своих квартир не высовываться. «Я с омерзением выдернул из тела нож, в несколько прыжков сбежал с лестницы и выскочил на улицу».

Светало. Собрав всю свою волю в кулак, мой знакомый, оскальзываясь, спустился по крутому берегу к реке (забыл вам сказать, что по пути в центр он переходил через мост). Здесь он скинул с себя окровавленную рубашку и вместе с ножом утопил ее. Затем как следует отмыл руки, достал из рюкзака новую рубашку и надел ее.

Потом он вернулся на станцию. Ему повезло, и по пути он встретил буквально двух-трех человек, которые хмуро шли по своим делам и моим знакомым совершенно не заинтересовались. Плотно позавтракав в пустом пристанционном буфете, он терпеливо дождался нужного ему поезда, благо они останавливались на станции каждые пять часов, и поехал дальше в тот город, в который и собирался. Надо вам сказать, что никаких мук совести он не испытывал, поскольку просто-напросто спасал свою жизнь.

Так жизнь ответила на сакраментальный вопрос моего знакомого. Сам того не желая, он совершил идеальное убийство, не правда ли? У него не было ни обдуманных мотивов для нападения, ни приятелей в этом городке, да и случайно убитого им человека он увидел в первый раз в жизни и даже не знал, кто он такой. Жалко только, что достопримечательности не удалось осмотреть. Что скажете на это?

– Скажу, что скоро удастся. Вы случайно убили одного из самых опасных бандитов в нашем городе. Я следовательно, и мы давно пытались как-нибудь подкопаться под него, но он действовал более или менее осторожно, и наши планы постоянно срывались. После сегодняшнего утреннего звонка в полицию (сосед сообщил, что, отправляясь на работу, обнаружил тело на лестничной клетке) мы все были поражены и терялись в догадках, кто осмелился на такой шаг. Вскоре возникла версия, что местным это не по силам и убийца – некий известный киллер из столицы. Для проверки этой версии я и был срочно отряжен в командировку.

А сейчас я с вашего разрешения тоже выпью стакан чая, и на следующей станции мы с вами сойдем. Если ваш рассказ правдив – очень-то не переживайте. Надеюсь, удастся доказать, что вы действовали в пределах самообороны.

БЫЛОЕ И ДУМЫ

О ПЛАТОНОВЕ

АННА ГЕРАСИМОВА
Литератор. Родилась
в Москве в 1940 году. Окон-
чила Литературный институт
имени А. М. Горького.

Ресторан Союза писателей. Первые послевоенные годы. Буфет с бутылками. Нонусы томатного сока. Ваза с апельсинами. Было нану-рено. Около стойки толпились мужчины и выпивали. Осталось ощущение клубящегося серого марева.

Я не помню, сколько лет мне было, может, пять или шесть. Я еще не ходила в школу. У мамы были какие-то дела в Союзе писателей. После дел мы пошли обедать в ресторан. Меню было для всех одина-новое. Суп-лапша.

К нам подошел человек в серой рубашке, похожий на рабочего, но с невероятно пронзительным лицом. И очень серьезно, без улыбки подарил мне апельсин. Я помню цены того времени, апельсин стоил 5 р., станан семечек или клюквы — 1 р. Мама удивленно сказала: «Этот человек нищий, а подарил тебе апельсин». Она не сказала, кто он. Когда мне было 17 лет, в киоске в городе Перми я купила тонкую синеньную книжку Платонова. Это был первый его сборник, после долгого пере-рыва. Раскрыв, я увидела фотографию и сразу узнала его единственное лицо. Оказывается, это Платонов подарил мне апельсин. Я к тому времени слышала о нем. И читала сборник «Епифанские шлюзы», изданный в 1920-х годах. Мама говорила, что это очень оригинальный писатель.

Гораздо позже, во время студенческих каникул, я увидела Машу Платонову. Она оказалась моей соседкой по комнате в доме отдыха. Я как будто сразу узнала Платонова. Одно лицо. «Вы дочка Плато-нова», — уверенно сказала я. «Да», — ответила Маша. Мы подружались.

Их маленькая квартира во дворе Литинститута была одновременно грустной и уютной. Мария Александровна все сохранила, как при жизни мужа. Связь отца, дочери и жены была неразрывна, и казалось, что дух Платонова витает в воздухе и охраняет их. Судя по творчеству Плато-

На фронте, будучи корреспондентом «Красной Звезды», Платонов спал в избе под часами-ходиками, хозяин говорил, что эти часы никогда не останавливаются. Платонов проснулся оттого, что часы остановились, и он понял, что его сын умирает. И он без разрешения начальства выехал домой.

нова, он жил сразу и всерьез. И у них не было черновинов жизни. Они были естественны, как природа. Мария Александровна напоминала мне куст. Зеленый, с мелкими светлыми цветочками. Очень самобытный и теплый. В ней была удивительная невозмутимость. Невозмутимость природы. Это внутренняя согласованность с той судьбой, которая ей определена. А Маша — кустик поменьше. Но они были одно в любви и заботе друг о друге и бесконечной преданности Платонову. Он впитался в их души, как будто с того света следил за полнотой своего присутствия. И при всей сложности платоновского дара они чувствовали его, вникали и принимали всем сердцем.

Мария Александровна сохранила до последних дней красоту лица. Огромные светлые глаза, точеный маленький нос, добрые губы. Несмотря на возрастную полноту, у нее была грация, и движения ее были плавные. Очень независимая, никакой суесть. Я рассказывала Марии Александровне про апельсин. Она задумчиво произнесла: «Да, Платонов очень любил детей. Он считал, что дети мудрецы и вообще высшие существа». Она возмущалась слухами, что якобы Платонов работал дворником: «Разве я бы такое допустила, я работала редактором, жили трудно, но не голодали». Преданная и любящая, во все самые трудные периоды их жизни, она рассказала, что одно время их соседом был известный «пролетарский поэт». Его жену, чекистку, она застала роющейся в рукописях Платонова. Без всяких объяснений та грубо схватила Марию Александровну за плечо и прошипела: «С такой фигурой и лицом я бы была женой наркома».

На фронте, будучи корреспондентом «Красной Звезды», Платонов спал в избе под часами-ходиками, хозяин говорил, что эти часы никогда не останавливаются. Платонов проснулся оттого, что часы остановились, и он понял, что его сын умирает. И он без разрешения начальства выехал домой.

Мария Александровна любила семейные праздники. Необыкновенно вкусно готовила. Пирог, рыбу, торты. Она пела романсы, а в Рождество исполнила тропарь. В ней и Маше была русская основательность. Любовь к уюту. Чтобы все было красиво и в порядке. И удивительно, что они при этом так тонко чувствовали и любили творчество Платонова, которое в основе безытно.

Радужная Мария Александровна бывала и подозрительна. Потому что много страдала и часто сталкивалась с фальшью и обманом. Об одном литераторе, который набивался в друзья, она сказала: «Я вижу, что своими маленькими глазами он все время что-то маракует». Они с Машей очень гармонично смотрелись на природе, особенно хороши были летом, среди кустов и цветов. Когда они прогуливались, казалось, что они вышли из какой-то старинной усадьбы. Город был не их среда, они там несколько терялись.

Мария Александровна, образованная и начитанная, говорила, что хотела стать писательницей. Вообще, она уважала писателей и говорила нам с Машей, что жизнь даже с самым захудалым писателем будет интересней, чем жизнь с человеком любой другой профессии. Но, мне кажется, она была слишком женственная для писательницы. Не зная, как определить Марию Александровну, одна литературная дама, похожая на пластмассовый цветок, сказала: «Ну, это же настоящая попадья». И ее собеседница, похожая на облезлого дятла, задолбила в ответ: «Да, да, да!» Это было в Доме творчества писателей «Голицыно», где я навещала мою маму. Эти дамы, видимо, уловили, но не знали, как определить доброкачественную суть Марии Александровны.

Маша помнила отца. Она рассказывала, что когда отец был жив, она была слишком мала для того, чтобы сформулировать слово «любовь». Но позже поняла, что любовь в доме была естественна, как правда. Ей дома было так хорошо. Ничего другого она не знала. В детский сад ее не отдавали.

Самое первое ее воспоминание. Она сидит на ступеньке маминой проходной комнаты, ведущей в большую, а отец лежит в конце большой комнаты на животе и читает ей сказки. Она помнила, как отец на руках носил ее на станцию в Голицыно, где они снимали дачу, и покупал ей что-то круглое белое в вафлях и говорил, что это зефир. Позже Маша поняла, что это было мороженое. Он так говорил, чтобы Маша не проболталась маме, которая боялась простуд.

В период улучшения болезни он всегда снимал дачу вблизи железной дороги. В Голицыно или на станции Отдых. Чтобы смотреть на пролетающие поезда, слышать их грохот, дышать родным для него воздухом железной дороги. Для него машина было одухотворенной. Ведь его отец, Платон Фирсович Климентов, — железнодорожник и изобретатель-самоучка, усовершенствовал тормоза на паровозах.

Машу крестили в шесть лет, когда она болела. В церкви «Нечаянная Радость» она запомнила мальчика в пионерском галстуке, которого тоже крестили. Видимо, его мать считала, что это парадная одежда. Священник молча носился на галстук.

Маша была талантливым художником. Как-то мы с ней за городом рисовали цветы. И она предложила рисовать ощущения и воспоминания от цветов. Ей нравились цветы Володи Яковлева, она с ним дружила. Мы навещали его в психбольницах, куда он иногда попадал. Однажды его там обрили наголо, и он, выйдя к нам, сказал, что теперь волосы начнут расти внутрь головы. Нам удалось его разубедить и успокоить. Он повел нас к коллекционеру Георгию Ностани. Грузный, барственный и усталый Ностани угощал нас красным вином и сервелатом. Сказал, что знает, что Платонов знаменитый писатель. Его картинную галерею описывать не буду, казалось, что наяву такого не может быть.

Мария Александровна и Маша все сделали для того, чтобы Платонов был издан. Мария Александровна сохранила все его рукописи. Она сберегла каждый написанный им листок. Платонов писал без надежды быть напечатанным, писал, потому что не мог не писать. Почти никто из писателей не может похвалиться таким объемом, написанным в стол. Его творчество — это его жизнь, он писал, отдавая свою жизнь. Мария Александровна с Машей редактировали и считывали, готовили к печати «Чевенгур», «Нотлован», «Ювенильное море» и многое другое.

Маша рано ушла. Она начала подготовку полного собрания сочинений Платонова. Тяжело вспоминать, как она боролась за сохранение квартиры-музея отца. Она там сделала ремонт и покрасила стены в синий цвет, как это было при жизни отца. Но наступило другое время.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

ГЕОРГИЙ УРУШАДЗЕ — О ТОМ,
ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

СТЕФАНИЯ ДАНИЛОВА

Родилась в 1994 году
в Сыктывнаре. Поэт. Лауреат
премии «Послушайте!» имени
В. Хлебникова.

Вызовет ли взмах крыла уханьской мыши землетрясение в литературном мире? В каждой ли хорошей книге заложен потенциал бестселлера? Какими тремя навыками нужно обязательно овладеть писателю, пока он жив? Есть ли жизнь после трех лет непопадания в короткий список «Лицея»? Ответы на самые наболевшие вопросы этой весны мы решили узнать у Георгия Урушадзе — генерального директора национальной премии «Большая книга», соучредителя Всероссийского конкурса «Книгуру» и премии «Лицей» имени Пушкина для молодых авторов. Заодно выяснили, с чего бы начал литературную карьеру сам Георгий Фридонович, выбери он путь писателя.

— Эта весна выдалась непростой для литературы. Событийные коммуникации переходят в онлайн, книжный бизнес терпит убытки. Вопрос, наверное, наиболее часто задаваемый деятелям культуры сегодня: как, по-вашему, отразятся последствия нынешней эпидемиологической обстановки на литературной жизни?

— Если из «мира литературы» исключить книготорговлю, то никак не отразятся или отразятся хорошо. Многие писатели и так сидят-работают дома: на их жизнь карантин не повлиял. А у читателей, в свою очередь, возникает запрос на мудрость, на объяснение жизненных ситуаций. Традиционно ответы на подобные вопросы принято искать в книгах — а где ж еще? Не в ресторанах и не в ТЦ. Да и времени свободного у многих читателей прибавилось. Например, открыл для себя интересного автора — Рагима Джафарова, он прямо в «Фейсбуке» весело пишет о карантине. А вот с книжной торговлей пока беда. Разрешение на работу курьеров книжных магазинов получено от властей только в конце апреля, да и торговля через интернет пока не занимает значительной доли в книжном бизнесе. И большое спасибо Федеральному агентству по печати: чиновников не принято любить, но команда Григорьева при поддержке Российского книжного союза делает все возможное и невозможное для спасения отрасли. Желаю всем книготорговцам, особенно

небольшим уникальным магазинам, выжить и укрепиться. Вы на самом деле очень нужны.

– *То есть коронавирус может поспособствовать открытию принципиально новых имен – благодаря не только «Ренессансу Болдинской осени», но и реакции писателей на происходящее, выраженной в их новых произведениях?*

– У любого события есть как минимум две стороны, не считая оттенков-градиентов. Пока люди склонны видеть только темную сторону, испытывать жуткий страх, подогреваемый истеричными постами паникеров. Но можно хотя бы представить, что где-то есть и светлая сторона. Не может не быть. Так что да: новые имена будут. И новые читатели будут. Что касается книг: тему эпидемии и меняющегося мира (он бы и так изменился, просто одна маленькая летучая мышь эти перемены ускорила) никто не обойдет. Коронавирус – слово года. Возникнет дополнительный спрос на всякую эсхатологию и постапокалипсис: кому-то нужно расчесывать свои неврозы. Будет спрос и на психотерапевтическую литературу в разных жанрах. Кино и театр не успеют быстро откликнуться. А книги можно создать и выпустить за недели. Так что время опять начинается литературоцентричное.

– *Вы упомянули Джафарова, стоит вспомнить и такую персону, как Игорь Котик, собирающий в своем блоге заметки и стихи со всего «Фейсбука» о пандемии. Будет ли всплеск книг непосредственно о коронавирусе? Может, на «Лицей» уже успели подать такое?*

– Мы закончили прием работ еще до карантина, да и тексты авторы пишут целый год. Так что посмотрим в двадцать первом. Если, конечно, авторам эта «актуалочка» не надоеет. Надеюсь, яркая посткарантинная жизнь затмит неприятности этой весны.

– *В комментариях к длинному списку нового сезона «Лицея» отмечают, что книги победителей прошлого года бестселлерами не стали. Галина Юзефович пишет, что хороший текст сам прокладывает себе дорогу и добивается постоянного эфира на волнах сарафанного радио. Но любое взаимодействие состоит из десяти шагов, и каждая сторона должна сделать свои пять. Кто меньше стремится к партнеру: автор или читатель? Заложен ли, по-вашему, во всех победивших книгах потенциал бестселлера?*

– Вы, возможно, исходите из откуда-то взявшегося «обязательства» лауреата писать бестселлеры. В стране широко популярны поэты-песенники, а не верлибристы, да? Такого обязательства ни у кого нет, автор, как правило, пишет для себя, а не для «рынка». Победа в крупном конкурсе дает автору огромный медийный пинок, он влияет на отношения с издательствами, на тиражи, помогает стать одним из первых в своей нише. Ниши эти разные, некоторые совсем не «бестселлерные» – и слава богу. Слушайте свою душу. Надо ли подстраиваться под публику, под рынок? «Быть знаменитым – некрасиво»: мне кажется, как раз об этом. С Галиной Леонидовной можно согласиться: рано или поздно талантливый автор найдет дорогу к читателю. Мы работаем, чтобы приблизить это самое «рано».

– *Безусловно, получение крупной премии дарит автору чувство, что он в профессии. Однако пока писатель жив, от первых ступеней пирамиды Маслоу он не убежит. По вашим наблюдениям, сильно ли сетуют писатели на невозможность жить только литературным трудом?*

– Мало кто из писателей, и не только в России, может жить на гонорары. Мне кажется это несправедливым. Но писатели не сетуют: они работают. Кто редактором, кто журналистом, кто сценаристом, а кто-то даже следователем. Да, мы лишаем себя многих текстов: они не пишутся, пока автор занят разными подработками.

– *Следователь может эффективно использовать свой эмпирический опыт в произведениях, а кассир – наверное, только если будет смотреть на беско-*

нечный поток покупателей глазами соцреализма. Насколько сильно отражается другая работа писателя на его текстах именно в наши дни?

– Этот вопрос лучше задать самим писателям. Любой опыт может обогатить.

– Пожалуй, вы правы. До сих пор существует черновик закона о творческих работниках: двадцать лет как его не спешат подписать. Чтобы шел стаж именно за писательский труд, а не за редактуру и прочие смежные работы. Как раньше. Нужны ли современному писателю привилегии, которые давало членство Союза писателей в советское время?

– Мы вступаем в дивный новый мир, где и пенсий-то, скорее всего, не будет. Стаж, трудовые книжки – это все остается в прошлом и пока еще актуально для тех, кто старше сорока пяти. Главным навыкам современного человека, не только писателя, пока еще не учат. Их, на мой взгляд, три: медицинские знания – умение выбирать себе врача и разбираться в фармацевтике; практики осознанности, в том числе основы работы с информацией, а также инвестирования, чтобы каждый мог позаботиться о своем финансовом благополучии, в том числе в старости, не делегируя ответственность собесу.

– То есть писателю прежде всего необходимо учиться быть человеком – и жить по-человечески.

– Интересно, что вы отказываете писателю в праве быть человеком по рождению... Ему, оказывается, надо этому учиться.

– Навыки, о которых вы говорите – осознанное житетворчество и способность задуматься о будущем – это то, чем стоит овладеть любому живущему. Не все к этому стремятся.

– Я бы не замахивался на «всех». Кому нужно, овладеет.

– Возвращаясь непосредственно к литературе: чей кейс успеха из современных писателей, на ваш взгляд, наиболее интересен и в чем его секрет? Только ли в хорошем тексте?

– «Кейс успеха»? А я надеялся, что мы уже забыли этот менеджерский пиджин-инглиш. Видимо, тут сочетание трех источников: талант автора, востребованность именно этой темы / жанра / интонации именно в это время и намерение автора быть успешным. А некоторым этот успех не нужен, им интереснее реализовывать другой сценарий.

– Говоря о пиджин-инглише. Допустим, написал автор книгу. Хорошую, важную. Разве читатель сам узнает о ней? Издательство чаще всего может напечатать книгу, иногда дать гонорар и разместить в магазинах – тем пиар-кампания и ограничивается, если это не Гузель Яхина или Борис Акунин. Получается, многие авторы вынужденно становятся сами себе маркетологами. Насколько вообще оправданно стремление современности сочетать создание произведения искусства с работой над медиапродуктом? Губительная ли это тенденция?

– Да, многие издательства «не умеют пиар». Но – учатся. Как учатся и читатели искать «свое». В этом всем могут помочь литературные премии: длинными, короткими списками. Премии выполняют роль маяка в книжном море. Ни одна стратегия сама по себе не губительна, так что и автор может попробовать свои силы на поле продвижения текстов. Или найти соратников.

– В этом году у «Лицея» рекордный длинный список. С чем это, по вашему мнению, связано? Никогда не было регламента «только сто имен», так?

– Верно, никогда не было, да и список неофициальный. Главная задача – поддерживать молодых авторов. Увеличившийся в полтора раза список свидетельствует о том, что значительно вырос уровень соискателей, и о том, что заработала в полную силу система обучения и поддержки молодых авторов: семинары толстых журналов, Фонда Филатова, проекты Роспечати и Росмолодежи и так далее. Впрочем, эти две причины тесно связаны. Может, повлия-

↑ Георгий Урушадзе, генеральный директор национальной литературной премии «Большая книга»

ло и то, что в премию поверили те авторы, которые раньше не участвовали. Спасибо им.

– Если внимательно изучить список, можно отметить, что там практически нет сетевых авторов. Это из-за того, что они понятия не имеют о премии или все же не проходят отбор экспертов?

– Я бы не делил авторов на сетевых и несетевых. В Сети так или иначе публикуется каждый. В любом случае, это не критерий отбора. Эксперты не смотрят на фамилии и биографии.

– В мире премий нередки случаи, когда автор кому-либо насолил или просто не близок, а потом жюри ему это припоминает. Насколько абстрагированы от личных моментов ваши судьи?

– От личных моментов никто не застрахован, поэтому, как говорится, «солите, да не пересаливайте». Судьи и эксперты принадлежат к более старшим поколениям, думаю, свои «солонки» они простили еще до рождения соискателей «Лицея».

– Болеете ли вы за кого-либо из длинного списка в этом году?

– Я никогда не высказываю своих предпочтений (когда и если они есть) ни приватно, ни публично. Основа репутации премии – независимость судей. Я не готов ее подрывать.

– Не сомневалась, что вы ответите именно так. И это очень правильно. Предлагаю осветить тему толстых журналов. Каковы ваши прогнозы – перейдут журналы полностью на агрегаторы «Журнального мира» и «Журнального зала» без печатных версий, и если да, то к чему это приведет? Сохранится ли аксиологическое ядро журналов при таком сценарии?

– Мир стремительно цифровизируется. Переход в облако – вопрос времени. Уханьская мышь и экономический кризис это время ускоряют. Радостного

в этом немного. Смыслы и ценности сохраняются, это главное. Любителям бумажной литературы и журналов поможет технология print on demand. А читателю надо полюбить платить за электронные версии, не считать цифру халявой. Главный редактор одного из ведущих литературных журналов раз в месяц рассылает цифровую версию прямо в личку «Фейсбука». Пока денег не просит. Попросит – нужно будет заплатить. Пять тысяч человек заплатят по двести рублей – наверное, хватит на месячные зарплаты и гонорары.

– Есть такой негласный феномен: «Человек-мио». Применительно к «Лицею» это тот, кто по третьему разу оказывается в длинном списке. Не «вспыхивает», и все тут. Это, скорее, его ответственность и неумение себя грамотно подать или ответственность мира, который его не замечает? Что бы вы посоветовали такому человеку?

– Каждый случай можно разбирать отдельно. Может быть и человеческий фактор, и нехватка десятых долей балла (каждый год уровень соискателей растёт), и личная установка человека на такой вот «полууспех». Общих, всем подходящих рецептов нет. Одно совершенно ясно: эксперты строги и профессиональны. Автору – не отчаиваться, писать, расти. Невключение в длинный список – не приговор, а приглашение к дальнейшему участию.

– В таком случае последний вопрос, Георгий Фридонович. Если бы вы сами вдруг решили пойти по литературному пути, как бы вы его выстроили? О чем бы писали, куда бы подавались?

– Я бы его не выстраивал как-то специально, мне кажется. Но о каком возрасте «меня» вы говорите? Если до 35 лет и моя писанина подходила бы «Лицею», обязательно подался бы на «Лицей». И не стал бы напряженно ждать результата. Я сделал свою часть работы: волноваться больше было бы не о чем.

Беседовала Стефания Данилова

АРХИТЕКТУРА ЯЗЫКА

ИНТЕРВЬЮ С ГОВАРДОМ ДЖЕЙКОБСОНОМ

ЕГОР АПОЛОНОВ
Журналист, автор книги
«Пиши рьяно, редактируй
резво» («Альпина Паблишер»,
2019), главный редактор
журнала «Аэроэкспресс».

ГОВАРД ДЖЕЙКОБСОН
Британский писатель
и журналист, лауреат Бун-
ровской премии 2010 года за
роман «Вопрос Финнлера».

— Начать я бы хотел с, возможно, странного вопроса. Вы когда-нибудь чувствовали отчаяние, когда писали книгу? Были ли страхи, что вы не сможете закончить ее или что она будет плохой?

— Величайшее отчаяние, с каким я сталкивался, было связано с тем, чтобы начать писать вообще. Я всегда хотел писать и никогда не хотел делать ничего больше.

— Вы помните конкретный момент, когда решили начать писать?

— Это случилось в тот момент, когда я родился. Я родился в этом мире и решил, что хочу писать о нем. Мне не понравился этот мир, я решил сделать его лучше. Я был несчастным ребенком, одним из таких. Я досаждал родителям. Они говорили: да что с тобой не так. А со мной все было так. Я просто был не удовлетворен природой. А неудовлетворение природой и создает писателей, художников. Если ты родился в мире, который любишь, и ты счастлив тем, что стал банкиром или футболистом, наслаждайся. Но если ты недоволен, переделай мир как-нибудь, перепиши, переизобрази, перевычисли мир. Будь сам себе Богом. Занимайся ремеслом вопреки Богу, чтобы создать другой мир. И я хотел этого. Единственное, в чем я был хорош — это слова. В юности я был застенчив и чувствовал, что могу понравиться женщинам, только если заставлю их смеяться или буду хорош в словах. Так что я решил стать писателем, изучал литературу в университете. Но тогда я им не стал. И дело было не в том, что я писал романы, отправлял их в издательства и получал отказы, я просто не писал. Так вышло потому, что у меня было классическое литературное образование, и я не читал ничего, кроме великих романов.

— Вроде Диккенса?

— Именно. И я хотел быть одним из них — немедленно. Я хотел написать «Нашего общего друга», «Анну Каренину», «Войну и мир», сразу. На меня повлиял Генри Джеймс. Мне нравился поздний Генри Джеймс, его сложный синтаксис. И я хотел писать о том же, о чем писал он. Я хотел писать о жизни в английских

загородных домах, о которой я, будучи мальчиком из рабочего класса еврейского Манчестера, не знал ничего – вообще. Это было нелепое желание иметь стиль, который не мог быть моим, и тему, которая не могла быть моей. Это продлилось много лет. Когда я написал первую книгу, это был даже не роман, а критика: вместе с коллегой из Кембриджа я написал книгу о Шекспире. Но стало даже хуже, потому что это даже не была книга.

– *А у вас было чувство, что это не книга? Три месяца назад вышла моя книга «Пиши рьяно, редактируй резво», заметки о литературе. Все поздравляли меня, но я сказал, это не книга. У вас было такое чувство?*

– Да, так и произошло. Мне тогда было примерно 35 лет, а сейчас я старше, и у меня была такая табличка, где я выписывал, в каком возрасте знаменитые писатели начали писать. Джордж Элиот, Эрнест Хемингуэй, Антон Чехов.

– *Ремарку был 21, Фицджеральду 20.*

– Именно. Похоже, что я начал позже всех в этом списке. Я был абсолютно убежден, что напишу свой роман. Я знал, что найду путь к его написанию, но понятия не имел, как это будет, потому что в конце даже своего третьего десятилетия я все еще пытался быть классиком. Викторианским романистом.

– *В XX-то веке.*

– Да. Это было отчаяние всей моей жизни, которое направляло меня. Для писательства это хорошо, если ты в отчаянии. Я был в отчаянии. Я был академиком, но я не хотел быть академиком, меня не волновала моя карьера, я не занимался исследованиями – ничего. В конце концов я стал преподавать в учреждении довольно низкого класса в ужасной части мира, в Мидлендсе (Midlands – территория Англии, охватывающая ее центральную часть вокруг города Бирмингема. – *Прим. пер.*), я был разведен и жил один в ужасной квартире. Место, где я преподавал, было нелепым – настолько же, насколько и ужасным. И я смотрел вокруг, на других преподавателей, и они все были немного похожи на меня. Мы все были похожи, мы все получили степени в Оксфорде и Кембридже и мы должны были преподавать в Оксфорде и Кембридже, не здесь, не в учреждении, созданном, чтобы обучать парикмахеров и инженеров, а не художников. Мы все были в неправильном месте. В этом была какая-то кошмарная комедия, и я начал писать об этом сатирический роман. И я понял, что это не было похоже на...

– *Викторианский роман?*

– Даже и близко нет. Это было похоже на университетский роман. И я не говорю про поздние 70-е: Дэвид Лодж, Малколм Брэдбери, Кингсли Эмис – кое-что из их произведений было занятным, но это не было стилем моей мечты. Однако я подумал, что у меня получается и что я могу писать так же смешно, как они. Я знал, что я могу писать смешно, но я пренебрегал этим ради того, чтобы быть... Достоевским. Или Джордж Элиот. Но я подумал: что если дать комедии дорогу, посмотреть, что будет? И я написал ее, и ее опубликовали, и она была успешной. Немедленно я стал писателем, и мне пришлось перестать преподавать, поскольку, хотя то, о чем я писал, и не было реальным, сами понимаете, были люди, которые узнали себя, так что моя жизнь могла стать некомфортной. Прелесть того, чтобы быть писателем, в том, что ты должен покинуть свою работу, ты должен жить как писатель. Это не шутки, ты должен делать это, ты должен писать. И ты должен вставать каждое утро и делать свою работу, и ты садишься за свой стол в семь часов утра, и ты должен писать весь день. Это произошло, и я был сам поражен тем, что мой первый роман, да и второй тоже – это университетские романы. Я не хотел этого. Я даже не читал больше подобных романов.

– *Сложно вам дались те два романа?*

– Нет. Но это было долго. На первый ушли годы. Я только начинал открывать, на что способен: это не работает, это не работает, а вот это вроде работает,

Измени своему старому роману с новым,
это безопасно. Это фантастически
ценный совет – не цепляться за книгу!
И я так и делаю.

и это тоже... А потом я вдруг подумал, что я ведь не только университетский романист, я еврейский романист. И тут меня ждал самый большой сюрприз. Я не хотел писать об этом, я не хотел еврейского героя. А теперь те, кто пишет обзоры на мои новые романы, упоминают Вуди Аллена, Филипа Рота. Вуди Аллена я знаю, Филипа Рота – нет. Я подумал, ладно, что это за люди, с которыми меня сравнивают? Я почитал Филипа Рота и подумал: эй, а ведь это неплохой автор, чтобы меня с ним сравнивали, – более чем неплохой. Потом Сол Беллоу и прочие. Так я получил некоторое образование в сфере романов американских евреев. А когда я опубликовал пару таких, люди решили, что я был под их влиянием изначально.

– Но это было не то, чего вы хотели?

– Нет. Писать смешно, думаю, меня научил Диккенс.

– А вы тогда смешили людей в жизни или только на бумаге? Сами вы были похожи на ваших героев?

– Я стал много выступать, участвовать в дебатах, это всегда было смешно. В разговоре, но не в одиночку. Себя я воспринимал очень серьезно, но думаю, в разговорах выходило смешно. И я оценил, что ветер переменился. И я наслаждался этим. Из своего университета – прямо в Австралию, преподавать в университете Сиднея. И мои лекции там были довольно популярны, так как они были забавными.

– Как вы считаете, юмор может помочь принять неидеальный мир, в котором мы живем?

– Я понял довольно рано, еще ребенком, что если я чем-то расстроен или унижен (а мне и самому доводилось унижать, и немало, и я чувствовал стыд – всегда), если я писал об этом, становилось лучше. И если я писал об этом смешно, все равно становилось лучше. Если я могу сделать что-то объектом комедии, значит, я победил это, одержал верх. Обстоятельства пытались сделать из меня дурака, но я мог сделать из себя еще большего дурака. И я знал еще кое-что. Сила писательства заключалась для меня в том, чтобы не обойти проблемы, а справляться с тем, что уже произошло.

– Вы чувствуете себя ответственным, когда пишете?

– За?..

– Говорят, нужно быть очень внимательным к тому, что пишешь, потому что автор ответственен за каждое свое слово.

– Никогда не чувствовал никакой ответственности. Но я считаю, что я должен быть внимателен, чтобы не сделать никому больно. Моя семья была очень яркой, особенно отец. Я быстро понял, что хотя я хочу писать о своей жизни, я хочу преувеличивать. Это не были реальные истории, ничто из моих работ ими не является. С этим я определился. Тем не менее ты смотришь вокруг и думаешь, на кого будут похожи твои персонажи. Так что я всегда беспокоился, чтобы не высмеять отца или семью. Когда вышел мой первый роман, члены еврейской общины Манчестера спросили меня, обязательно ли мне выметать сор из избы. Они имели в виду вещи, касающиеся евреев. Потому что мой первый

роман показывал смешную сторону того, чтобы быть евреем. Сейчас я думаю, что был не тонок в некоторых вещах. Тем не менее в романе была сцена, которая всем понравилась, про двух еврейских мальчиков, которые пошли на футбольный матч. Один из них был очень возбужден, потому что играла команда его школы, а другой говорил ему: нет, Мойше, ты не должен так себя вести, ты не должен ликовать, иначе Бог тебя накажет. Такая еврейская комедия. Тогда было очень мало книг о евреях в Англии. Да и сейчас не так уж много в Англии еврейских писателей. Еврейских драматургов много. Но еврейских писателей, кто писал бы смешно, не намного больше, чем я один. Были, правда, еврейские комики, кто также писал книги, но в первую очередь они все же были комиками. Так что люди почувствовали, что я выставил напоказ сообщество, из которого вышел, а именно еврейскую общину Манчестера, и сделал это в насмешливой манере. Это понравилось не всем. И я почувствовал ответственность за то, чтобы не расстроить их, но не за то, что меняю что-либо.

– Есть мнение, что существуют два типа писателей: те, которые никогда не пишут ни одной книги, и те, кто всю жизнь пишут одну книгу. Хотя ваша последняя книга – «Джей» – сильно отличается от других ваших работ, считаете ли вы, что всю жизнь пишете одну и ту же книгу?

– Было время, когда я так считал, ранний период. Думаю, последние полдюжины романов, которые я написал, очень отличаются от предыдущих. Я краток в том, что пишу. Думаю, у каждого писателя бывает это «Ага, вот оно, я поймал грув!». Ты не знаешь, когда это начнется, но ты бежишь к этому, и дорога знакома, и ты думаешь: сейчас я это схвачу, я знаю, что тут происходит, я знаю, как сделать это интересным. Когда вышел «Джей» (J. Bloomsbury, 2014), он понравился публике гораздо больше, чем я ожидал, и почти все обзоры писали: «Забудьте все, что знали о его творчестве, – это совершенно другой роман». Они писали, что здесь можно и не пытаться узнать «бывших любовников». Хотя тогда у меня уже была пара совсем других книг, в частности «Ночи Калуки» (Kalooki Nights, Cape, 2006), который я считал своим лучшим романом на тот период, и люди считали, что он возьмет Букеровскую премию, но он попал только в лонг-лист. Меня это расстроило и разозлило. И я хотел, чтобы Букеровскую премию получили «Ночи Калуки», а не «Вопрос Финклера» (The Finkler Question, Bloomsbury, 2010), потому что в нем был более широкий посыл, большая тема, он мог понравиться большему количеству людей. «Вопрос Финклера» был для меня проблемным, но жаловаться мне не на что – я победил. Берешь свое, чего уж там.

Но вернемся к двум типам писателей, а то далековато я ушел. Такие два типа есть. У каждого творца есть «подпись» – что-то, что тебе посчастливилось сделать, но есть и что-то, что твои читатели хотят, чтобы ты делал. Помню, в первый раз после пяти или шести романов у меня в одной книге не оказалось еврейской темы, и я подумал, что лучше бы мне ее туда поместить. Потому что мои еврейские читатели сказали бы: «Мы хотели бы немного этого». Я им это должен. Я не считаю, что это благородный мотив в писательстве, но помню, раньше так считал.

– Считаете, писатель должен оставаться независимым от того, что говорят люди?

– Да, я думаю, в идеальном случае писатель должен оставаться независимым от всего. И не должен привязываться к вещам. Милан Кундера, потрясающий романский критик, говорил, что романист не должен иметь мнения, должен быть тихим, вести к драме. Наверное, я делаю вещи возвышенными, слишком грандиозными. У меня есть некая побочная карьера, двадцать лет я писал как журналист для независимой газеты. Я написал 1000 колонок, и из этого получились

две книги: «Что бы это ни было, мне это не нравится» (Whatever It Is, I Don't Like It, Bloomsbury, 2011) и «Последняя прогулка собаки» (The Dog's Last Walk, Bloomsbury, 2017). Для них я собрал новости, которые, по-моему мнению, были лучшими. И мне это понравилось, но я всегда чувствовал себя виноватым, потому что считал, что романист не должен этого делать.

– *Хемингуэй, будучи журналистом, сказал, что журналистика может помочь в писательстве до определенного момента, но затем она может быть деструктивной для серьезного писателя.*

– Думаю, это верно. Думаю, когда я стал это делать, это освободило меня. А потом я понял – мне нужно работать над моими колонками, чтобы они были больше похожими на романы: складными, ироничными, но не касающимися того, во что я верю, совсем нет. Это опасная вещь – «во что я верю». Вот чего стоило опасаться. Был период, семь или восемь лет назад, когда у меня установилась гармония между обоими этими видами текста. Они говорили между собой, но не вмешивались в дела друг друга. Колонки были почти как рассказы.

– *Писать для вас – по-прежнему трудно?*

– Я начал писать и полюбил это, действительно сильно полюбил. Самое чудесное, что после первых двух книг вся борьба ушла. Не борьба «Почему ты пишешь?», а борьба за то, чтобы вообще сесть за стол. Откладывать это, отвлекаться на мелочи, передвигать вещи вокруг – этого больше не было. Внезапно я стал – и так продолжается и теперь – вовлечен в процесс, я люблю его. Я ложусь спать и не могу дождаться, когда наступит утро и я буду писать. Я никогда не чувствую себя счастливее, чем когда пишу, я абсолютно убежден, что для меня это лучший способ провести время.

– *Не тот момент, когда закачиваете текст?*

– Нет. Потому что когда заканчиваешь, начинается ад. Начинаешь задаваться вопросами, а что думает твой агент, а что думает твоя жена – моя жена читает первой, мне нужно, чтобы ей нравилось, потом нужно, чтобы понравилось агенту, потом издателю, потом миру. И никто не полюбит написанное настолько, как ты сам. И не все поймут, что ты, по-твоему, сделал. Потом – деньги, достаточно ли много книг купили, достаточно ли читателей, и вдруг внезапное унижение: почему кто-то получил премию, а не я, – все это ребячество. Я никогда не пишу, чтобы получить премию, – вообще никогда. В школе разве что, когда мне было четырнадцать, но не как писатель. Диккенс получал премии?

– *Вас это заботило?*

– Нет. Хотя Диккенс мог бы получить много премий. Но были ли они тогда? Вот в чем большая разница. Я бы сейчас не сидел здесь и не говорил с вами, если бы не получил Букеровскую премию. Потому что на другие языки переводят очень немногих писателей. Тем более ироничных, комических авторов, которых перевести довольно сложно. Так что премии полезны для тебя, но когда ты заканчиваешь роман, думать, получишь ли приз, будешь ли в лонг-листе, в шорт-листе, – это ужас. Когда я был юн и еще не писал, но был к этому все ближе, я был в Уэст-Кантри (West Country, букв. «Западная страна» – неофициальное название области на юго-западе Англии. – *Прим. пер.*), я вел машину и слышал радиопрограмму, где Кингсли Эмис давал советы писателям, очень иронично и хорошо. Я запомнил два момента, довольно простых и практических, ничего вычурного. Первое: когда издатель возвращает твою рукопись с отказом (а это случится), не забудь перенабрать первую страницу, прежде чем отправлять другому издателю. Второе: если вдруг ты настолько везуч, что рукопись приняли, не сиди на месте, ожидая, что мир изменится, потому что он не изменится, не влюбляйся в свой роман, немедленно, немедленно принимайся за следующий. Измени своему старому роману с новым, это безопасно. Это фан-

тастически ценный совет – не цепляться за книгу! И я так и делаю. На самом деле сейчас я начал сразу три новых романа, но это уже другая проблема. Я все равно считаю, что это один из лучших советов, который может дать автор: начинай новое, будь где-то еще.

– *Может, добавьте пару советов молодым авторам от себя?*

– Найдите другое занятие. (*Смеется.*) В данный момент я бы посоветовал каждому, кто хочет стать серьезным романистом, думать хорошенько, потому что сейчас мы вошли в *безроманную* эру.

– *Почему вы так считаете?*

– У меня есть доказательства. Я продал гораздо больше книг, когда был неизвестным романистом, чем продаю сейчас, и через этот опыт проходят все авторы моего поколения. Многие люди читают, но не многие читают вещи такого типа. Чтение изменилось. Филип Рот сказал примерно 20 лет назад: «Экран – враг страницы». Экран и все, что с ним связано, изменило нашу концентрацию. И я ненавижу все технологичные цифровые вещи. Но я работаю с компьютером. И я читаю с экрана. И экран влияет на мою концентрацию, сейчас читать гораздо сложнее, чем раньше. А я ведь был никем, кроме как читателем. А каково поколению молодых людей, прикованных к экрану? И я сейчас не про Kindle или что-то в таком духе.

– *Про социальные сети?*

– Социальные сети ответственны за это. Потому что они изменили людские ожидания от речи. Люди теперь ждут, что это будет быстро, жестоко. Ждут, что новое будет бесплатным. Конечно, это большое обобщение, но в целом это область, лишенная иронии. Это место, где роман существует только для кого-то, кто принял решение. Никто не будет читать книгу, не приняв такого решения. Ты должен знать, зачем она, о чем она, чем закончится. А лучшая книга – это та, где тебе даже начало не известно, так я считаю. Погрузиться в тьму, глубже и глубже, прогрызть себе путь через нее и потом посмотреть, где выйдешь. В социальных сетях нет урока. Есть только ужесточение мышления, миллион миль от какой-либо предварительности, предосторожности. Они дают только уверенность в предосторожности – ты можешь быть уверенным в предосторожности, мол, я сильный, я смелый и знаю, на что иду. Но я думаю, в том мире другая сама идея того, что такое разговор, что такое аргумент, мнение, суждение и разница между этими вещами. Историям здесь не место.

– *Что для вас история? Что определяет хорошую историю?*

– Я участвовал в литературном фестивале несколько месяцев назад, и меня попросили описать процесс написания произведения. Я сказал, нечего тут описывать, не прикрепляйте себе на стены даты, не знайте, понимайте неверно, потом разберетесь, я сам так делал. Не знайте, куда вы идете, наслаждайтесь неопределенностью, ее опасностью, и смотрите, что происходит.

– *Магия?*

– Да. Это чудо, когда ты садишься утром за свой стол, и к одиннадцати часам двое влюблены, хотя раньше этой любви не существовало. После полудня они, может быть, поженятся, а к вечеру, может быть, разведутся. Это удивительная магия. И мысли – я не про философские мысли, а про мысли, которые могут быть только у романиста, «мысли Джордж Элиот». Эти мысли – форма абстракции.

– *Подсознание?*

– Может быть. Иногда это что-то, что выглядит как философия, но связанное с реальной жизнью, реальными людьми. Знаете, Джордж Элиот – это же не Спиноза, это другое. И у тебя будут эти мысли, позволь им быть. Они похожи на большую жизненную правду. И у меня не было их сегодня, когда я проснулся. Потому что они приходят от персонажей и из языка, что очень важно для меня.

Когда ты работаешь с языком, у тебя за плечами все, что было когда-либо сказано на этом языке.

— *Как у Джеймса Джойса в «Дублинцах»?*

— Именно. Ты в этом никогда не один, вот что удивительно в литературе: ты не можешь быть один. Ты общаешься с языком, он направляет тебя, хочешь ты того или нет, потому что язык этот — твой. Ты всего лишь арендатор языка, а он — определяющая сущность. Я сказал это той аудитории. Сказал: не знаете, что вы делаете, а они засмеялись. Я спросил: почему вы смеетесь, а они ответили, что час назад слушали лекцию другого автора, и он говорил: планируйте все, знайте все. Это был очень успешный автор триллеров.

— *Питер Джеймс или вроде того?*

— Питер Джеймс... Не говорите мне о Питере Джеймсе! Это был кое-кто более успешный, чем Питер Джеймс. Мы знакомы с Питером, мы оба были немного в одном бизнесе. Его мать владеет известной шарфовой компанией, они делают перчатки и шарфы. А у моей бывшей жены был магазин подарков. Мы поехали на ярмарку в Торки на юго-западе Англии. И там был Питер Джеймс, он продавал шарфы, а мы искали, что купить для магазина, может, мы даже закупили какие-то из его шарфов.

— *Вы тогда уже писали?*

— Нет, но мы оба уже собирались. Помню, он так и сказал: да, я хочу писать, так и так... И я знаю, что он подумал, когда я сказал, что я пытаюсь писать, да, да, да... И мы оба вроде как сделали это и случайно потом столкнулись и посмеялись. Он — что-то другое, но ту лекцию вел писатель вроде него. И он сказал тем людям те вещи. Что ж, если ты хочешь писать такие книги и продавать миллионы копий, то да, так это и делается.

— *Но для вас это не бизнес, так что, думаю, у вас подход совсем другой. Это страсть? Или что-то еще? Почему вы это делаете?*

— Когда ты чувствуешь, то у тебя нет выбора, действительно нет. Это точно не бизнес. Дэвид Герберт Лоуренс, когда его спросили, почему он пишет, ответил, что пишет из религиозного чувства к своему народу. Я такого не могу сказать, не засмеявшись над собой, но что-то подобное есть. Ты делаешь это для большего, чем ты. Я не чувствую сильных образовательных побуждений, не чувствую, что я учу людей чему-то, когда пишу.

— *Развлечение?*

— Это важно. Я чувствую, что должен развлекать. Я хочу развлекаться, когда читаю роман, но хочу развлекаться на высшем уровне. Чтобы меня развлекали самые сложные мысли самых утонченных персонажей. Иногда, когда я говорю об этом в интервью, меня спрашивают, какие книги я читаю для удовольствия.

— *Достоевский?*

— Да. А как можно получать удовольствие от чего-то, что не хорошо? Я получаю его от того, что восхитительно, сложно и богато, это самое большое наслаждение на Земле. И я знаю, что некоторые думают, что это ложь. Думают: ночью он встает из кровати, зажигает факел, идет в секретный зал и читает там Питера Джеймса. Нет, не читает. Так что развлечение — да. Обучение — пожалуй, да, но я не хочу так строить фразу, это не хорошая фраза, она не отзывается правдой во мне, не звучит благородно и искренне в контексте писательства. Я бы сказал, что хочу посылать нечто... правдивое.

— *Какое-то сообщение?*

— Нет, не так.

— *Энергия?*

— И не это. Это слишком изощренная формулировка. Для меня важность искусства в том, что оно от мира, но и не от мира. Оно плавающее. Вот будни,

а вот искусство и литература – всплывают. Искусство сопутствует жизни, видит, распознает ее, но оно просто плывет.

– *Как у Джеймса Джойса?*

– Да, или даже хуже, как у Салмана Рушди – реализм, зашедший слишком далеко.

– *В таких текстах мы ищем себя.*

– Верно. Можно сказать, что самое полное выражение человечества можно найти в великих галереях, в великих романах, у великих композиторов. Оно там, а не где-то еще. Шуберт, Рембрандт, Диккенс – оно там. И ты чувствуешь себя в этом скромно, ты должен чувствовать себя скромно. Ты делаешь свой вклад в этот список, если хочешь.

– *Как вы считаете, мы оставим что-то после себя? Великие книги или что-то еще? Вы говорите, время покажет. Но все же.*

– Я говорил так однажды. Да, я пишу для будущего. Живут ведь книги, которые написаны 200 лет назад и которые мне нравятся. Как они будут жить дальше, я не знаю. Сейчас пишутся действительно хорошие вещи. Очень хорошие и интересные писатели, а также очень хорошие и интересные читатели. Ты не можешь писать для кого-то абстрактного, не представляя конкретного читателя. Мой идеальный читатель – я сам.

– *Может, вы пишете для себя самого?*

– Так и надо. Но хочется чувствовать, что и мир тебя читает. Если я не смеюсь – это не смешно, если я не плачу – это не трогательно. Но я не хочу быть единственным арбитром. Прошлой ночью один молодой человек подошел ко мне и рассказал о том, что ему дали мои романы, это фантастически, когда ты понимаешь, что действительно тронул кого-то, что это важно для кого-то. Все ради этого.

– *Мир возвращает вам энергию, которую вы даете ему?*

– Это так. Есть траектория, которая, думаю, обусловлена пониманием. Удовольствие быть понятым.

– *Удовольствие поделиться?*

– Быть понятым. Кто-то тебя понял, есть контакт. Это довольно эгоистично.

– *Писательство вообще эгоистично.*

– Да. Так что делиться – не то. Я ничем не делюсь, я дарю кое-что и я хочу благодарности за мой подарок.

– *Для вас важно, что люди говорят о ваших книгах?*

– Да.

– *Читаете критику?*

– Зависит от того, хочу ли я, в то или иное время. Мой новый роман только что вышел в Англии, и мне сейчас не хочется читать отзывы, так что я не читаю. Раньше читал. Плавание, знаете. Есть причина, по которой я хочу перестать читать отзывы – и вам то же самое скажет любой автор, – ты запоминаешь плохое. Я не хочу помнить еще больше дикости. Люди пишут дикие вещи, потому что ничего не поняли. А может, они правы, тогда дикость – это правда. Но знать об этом тебе не полезно. Я не заинтересован в этом риске. Хотя так и комплименты пропускаешь. У меня очень умная жена, она говорит: я знаю, что ты их не читаешь, но давай я прочитаю тебе одно предложение, потому что я знаю, что им ты насладишься. И она оказывается права.

– *Вы говорили о великих книгах. Например, «Анна Каренина», которую вы уже читали, или Достоевский, которого читаете теперь. Великие произведения, но очень разные. Каково ваше определение для великой книги?*

– У меня его нет.

– *Ладно, а для хорошей книги?*

– Хорошая книга сама немедленно дает тебе это определение, хотя ты и не знал, что оно есть. Трюизм, конечно, но каждая новая книга учит тебя, как ее читать. И читать в переводе – это все-таки немного другое. Я человек слов, языка, для меня важны такие вещи, как звук, ритм.

– *В переводе чего-то не хватает?*

– Не хватает. Но вот удивительное свойство языка: действительно сильный оригинальный язык в хорошем переводе остается самозаполненным. Я слышу, что Толстой и Достоевский писали другой тип прозы, слышу, насколько более метафоричен Достоевский в оригинале и насколько мягче Толстой, это чувствуется, это можно понять. Но в конце концов – это как читать через вуаль. И факт, что ты любишь их, читая через вуаль, – свидетельство того, насколько они хороши. Однако я все же не могу получить того удовольствия, которое получаю от Диккенса, его иронических фраз. Звук, ритм – они не могут остаться в переводе. Как для автора для меня это очень важно. И вот что я заметил: самые лучшие отзывы, которые я получаю, пишут поэты. Два или три таких было. А когда я получил Букеровскую премию, ее председателем был поэт. Поэт с большей вероятностью оценит ритм, в котором я работаю.

– *Ритм, звук текста?*

– Да. И я работаю над этими вещами. Я не поэт, и я не должен этого делать, я не мастер размера или ритма, но ведь текст – это музыка. Фраза неверна, если в ней нет музыки. Тончайшая вещь, знаете, «AU-TN-O-R» – все здесь.

– *Вы много переписываете?*

– Постоянно. У меня нет черновиков, драфтов, я просто все время пишу.

– *Главу за главой?*

– Фразу за фразой.

– *Как история может быть текучей, если вы все время переписываете?*

– Я не слежу за историей, для меня важнее, откуда берутся слова. Нельзя плыть по истории. История меняется совсем немного с каждой фразой, которую ты пишешь. Меняется одна фраза и внезапно – что дальше? Все уже не так, как было. Чтобы полагаться на это, нужна смелость. И нужно не торопиться, нужно писать каждый день, все время. Хотя, когда я пишу слишком много, я, бывает, потом чувствую себя плохо, а бывает, наоборот: 2000 слов сегодня, Господь – это что-то! Но я знаю, что следующим утром я взгляну на каждое из этих слов и перепису.

– *А когда вы понимаете, что все готово?*

– Хороший вопрос. Тут можно хватить лишку.

– *И как вы останавливаетесь?*

– Это персональная эстетика. Наступает момент, когда ты думаешь, а ведь слишком мягко выходит, слишком хорошо. Томас Харди, он был лучшим поэтом, чем романистом, но о написании романов он сказал: «Иногда ты можешь быть слишком *грамматичным*». Делай ошибки. Упаси Бог ожидать от себя ошибок, но не переживай о шероховатостях. Шероховатость нужна. Если сравнить, например, Дэвида Герберта Лоуренса с Генри Джеймсом, то у второго чувствуется, что все полировали и полировали – оно блестит.

– *Слишком отполированно?*

– Да, порой. Но он был моим первым образцом писателя, а Лоуренс, скорее, был героем. Джеймс был образом в предложениях, которые переписываешь, пока не сработает. А Лоуренса просто ничего не волновало: повторы, плохие, но так уж он работал, не горбатясь. Сидел в саду под солнцем с планшетом на коленях, ящеры вокруг ног бегали, когда он писал в Италии, и весь сад был усеян кусками бумаги. Какой-нибудь «Любовник леди Чаттерлей», когда первая версия была готова, просто начинался заново. И это была не полировка. Это была

просто новая версия книги, очень и очень шероховатая. И это определенно достоинство.

– *У вас бывает так, что вы что-то пишете, вам не нравится, и вы говорите: ладно, напишу по-другому?*

– Да, все время. Я не шероховат.

– *Вы перфекционист в писательстве?*

– Да.

– *Как считаете, это помогает или мешает писать?*

– Об этом мы только что говорили: главное – не переборщить. Иначе будет отчуждение от читателя. В своем роде смерть заберется в текст. Никто не может сказать, где грань, здесь нет закона, только твое ухо. Ухо – больше, чем что-то другое. Вот это – то самое, попало. И может быть другое слово или другая фраза, и ты думаешь, все есть, но как-то не завершено. И ты завершаешь и завершаешь и в итоге – звучишь как Генри Джеймс. Я замечаю это, когда читаю что-то вслух на фестивалях. Я просто понимаю, вот это я прочитать не могу. И я начинаю редактировать, пока читаю. Это *перепереписано, перередактировано*. И я становлюсь раздражен: почему я не заметил этого, когда писал?! Я пишу с ощущением, что меня слушают. В этом смысле я драматический автор, я хочу быть услышанным.

– *Кто-то, кажется, Генри Джеймс или Генри Миллер, сказал, что когда он начинал писать, это было легко, потому что каждую фразу мог написать тридцатью способами, а когда он стал мастером, то он мог написать одну фразу только одним способом. Все, что нужно, говорил он, – найти порядок слов, и книга готова. Вы на этом уровне?*

– Я знаю, что он имел в виду. Но это непростая задача.

– *Конечно, очень сложная. Это архитектура для вас?*

– Да, очень-очень близко. Это важнее сюжета... Я иногда говорю, что история меня не интересует, но история меня интересует, это все. Вспомните Генри Джеймса. Две женщины пьют чай, а третья проходит мимо – и это история, ничего больше не происходит. В западном мире мы сейчас проходим момент, когда все помешались на триллерах. Все хотят полицейских... Я хотел сказать, что никогда не писал полицейских, но вспомнил, что есть один, в «Джей», довольно иронический полицейский. В общем, архитектура – это не архитектура нарратива.

– *А архитектура языка?*

– Да.

– *Я хотел спросить о «Джей». Является ли эта книга будущим относительно того, что мы переживаем сейчас? Это предсказание?*

– Кто-то сказал прошлой ночью: «Ты называешь это антиутопией, а это – наше настоящее». И я думаю, хорошая антиутопия – это всегда описание того, что уже происходит. Не мог же «Рассказ служанки» Маргарет Этвуд просто возникнуть из ниоткуда.

– *Она написала его в 1986 году, верно?*

– Да (на деле в 1985-м. – Прим. пер.). Это похоже на описание того, какова была обстановка в это время. И конечно, «1984» Джорджа Оруэлла, все эти научные вещи, создающие антиутопию, и отличная антиутопия «Скотный двор» – описание политики всех времен. «Джей» – это описание общественного страха, который существовал пять лет назад и сейчас усилился. Антисемитизм. Все началось с простого вопроса: как это возможно, что через 50 лет после холокоста антисемитизм может существовать в Европе – про другие места даже не говорим – в Европе, так близко к событиям 30–40-х годов XX века, как антисемитизм все еще может существовать – как? И он существовал тогда и существует сейчас, даже в большей степени. Это может значить только одно: он

будет существовать всегда. Потому что ничего более ужасного, чем в холокост, с евреями уже не может произойти. Если это не поменяло отношение людей, то уже ничто не поменяет.

– Вы сказали в одном интервью, что даже если евреев не будет, подобные вещи, как антисемитизм, будут существовать и без них.

– Как следствие. И эта книга о том, каким будет мир без них. Ваше желание исполнено: их нет, и они забыты. Там есть пара мстительных шуточек, вроде того, чтобы показать мир без евреев, но дать всем не еврейским персонажам еврейские имена. Ребячество, но я наслаждался этим. Мы знаем, каковы последствия для евреев – их нет. Но каковы последствия для тебя? Мол, второй раз мы сделали работу почище, чем в первый, и вот их нет – что мы имеем? Где мы? Интересно, что в ходе истории, когда бы евреев не убрали, ничего не получается. В «Венецианском купце» Шекспира происходит то же самое, это поразительно. И Шекспир написал это через несколько лет после того, как Марло написал «Мальтийского еврея». Итак, нет евреев. Ушли они. Три сотни лет, как их нет. Ну так и что же? О чем беспокойства? Когда евреев устранили из Испании и Португалии, обе тогда заявили, что евреи должны стать христианами или убраться, и они убрались – но антисемитизм никуда не делся. Что ведет к странным вопросам: нужны ли для антисемитизма евреи? Не было ли его до евреев?

– Или же дело не в евреях?

– Но если не в них, то в чем? Вот этот вопрос и ставит книга – необходимость иметь антагониста. И что происходит с тобой, и насколько бессильным ты становишься, когда избавляешься от него. Потому что ты нуждаешься в споре. Но не в «Твиттер-споре», а в ответственном противостоянии. Только не с каким-то разными старыми людьми, о чем тоже упоминает книга, а с теми, кто схож с тобой, но не ты.

– И герой так же силен, как антагонист?

– Да.

– Вы делали какие-то исследования для этой книги или просто начали писать?

– Я плохой исследователь, это мешает мне писать. Единственный раз, когда я исследовал что-то, как безумный, это было для моего второго романа о Томасе Харди. Я написал первый роман, он был успешным, и я последовал совету Кингсли Эмиса – начать новый роман, но я стал не писать, а стал исследовать. И я исследовал Томаса Харди годами, изучил все поэмы, и это было полезно, наверное, потому и роман удался. Я слишком нетерпеливый, мне нужно писать. Я не исследовал для «Джей», я исследовал для «Шейлока» (*Shylock Is My Name: a novel*, Hogarth, 2016), несколько месяцев исследований, я хотел знать, что происходило с евреями в Елизаветинской Англии. Для «Джей» я не почувствовал такой необходимости. Я прочитал несколько антиутопий и знал, как они создаются. Последствия того, что я читаю других авторов, могут быть такими: ладно, я могу сделать лучше. Если я не чувствую этого, то, скорее всего, не начну. Так что я стараюсь не читать ничего, что подорвет мою в этом уверенность.

– В каком порядке вы бы предложили знакомиться с вашими книгами? Хронологическом или каком-то еще?

– Не знаю. Начните с книги, с которой будет по пути. А для всех читателей – «Могучий Вальцер» (*The Mighty Walzer*, Cape, 1999). Это история для всей семьи, довольно амбициозная. Она о настольном теннисе. О том, как я вырос в Манчестере в качестве игрока в настольный теннис, о его внутреннем мире, мире фанатизма. Молодые ребята собираются вместе и делают что-то – одержимость. Книга нравится и тем, кто никогда не играл в настольный теннис.

Я думаю, людям стоит читать медленнее.
Нужно вернуться. Нужно танцевать с этим.
Даже если вам что-то не нравится, танцуйте
с этим. Не рассчитывайте, что книга —
это вы. Не ждите, что она вас подтвердит.
Не говорите, как многие: книга не пошла,
потому что я не могу там найти себя.
Это не идентификация.

И я ведь из Англии — играть бы мне в сквош или крикет или что-то вроде. Книга о том, как я учился быть мальчиком. Люди любят романы о том, как кем-то быть, — простые вещи: мальчик, желающий стать величайшим игроком в настольный теннис в мире. Он представляет, как он победит нынешнего величайшего игрока и все красивые женщины слетятся к нему. А они так и делают с игроками в настольный теннис. Это такой абсурдный героизм, роман *mock-a-roic*. И это работает, это откликается у людей. Книга знакомит тебя с миром, которого ты не знал, но думал, что знал. Так что начинать, пожалуй, можно с нее. Потом мой первый роман «Заходя сзади» (в русской версии — «Рывок вперед». — *Прим. ред.*) (Coming From Behind, Chatto & Windus, 1983), сатира, очень смешно — все еще. А потом уже все остальные книги — не стесняйтесь экспериментировать.

— *Итак, последовательность определена?*

— Подождите. Я должен был назвать еще одну книгу, с которой действительно стоило бы начать!

— *Ну конечно!*

— Это не сложная книга. Некоторых это смущает, не знаю, почему, она довольно простая. Кто-то спрашивает: что значит «Джей»? Ну что же вы! Народ, который «убрали», и его имя начинается «J»?! Кого-то удивляет мой эксперимент с формой этой книги. Внезапные выходы из действия в описания погромов и прочего, что происходило в другие времена. Если хотите, считайте, что я повесил на стены романа картины, где изображены ранние версии его событий.

— *Как книга внутри книги?*

— Это слишком. Я бы сказал, это как таблички с датами у экспонатов на выставке.

— *Мы с вами говорили о наслаждении чтением. Что такое искусство чтения? Как читать?*

— Довольно сложно сказать, что это такое. Это медленное вхождение в процесс.

— *Книга за книгой?*

— Да. И это терпение. Я думаю, людям стоит читать медленнее. Нужно вернуться. Нужно танцевать с этим. Даже если вам что-то не нравится, танцуйте с этим. Не рассчитывайте, что книга — это вы. Не ждите, что она вас подтвердит. Не говорите, как многие: книга не пошла, потому что я не могу там найти себя. Это не идентификация. Если вы нашли в книге себя — это приятная случайность. Но если вы читаете, только чтобы найти там себя, — это не чтение, и вы точно не знаете, что такое искусство. Примите вызов. Например,

есть проблема с #MeToo: если вам не нравится конкретный деятель искусства, например актер, то вы думаете, что вам не понравятся его работы. Женщины говорят, что Вуди Аллен вел себя как животное. Этому нет доказательств, но даже если вел, это не делает «Сыграй еще раз, Сэм» плохим фильмом. Это вызов. Еще в качестве примера годится французский писатель Селин. Нацист, жесточайший человек. И другой, как его звать?.. Современный писатель, француз.

– *Уэльсбэк?*

– Да. Он построил свое творчество на Селине. У них довольно уродливое отношение к жизни, но они прекрасные писатели. Селин потрясающий, он заставляет чувствовать, видеть. Чудесный автор. Что это значит, когда ужасный человек может создавать чудесное искусство? Интересный вопрос. Но вам не стоит над ним биться. Просто не читайте роман, чтобы найти там себя. Не читайте, чтобы понять, кто вы. Читайте, чтобы понять, кем вы не являетесь. Потеряйте себя. Люди говорят «я потерял себя в романе», имея в виду, что были поглощены. Но потеряйте себя в смысле «потеряйте свое эго». Потеряйте то, кем вы являетесь, ради Бога. То есть какой смысл читать роман так: «уберите все русское» или «уберите все гендерное», «вот теперь это я».

– *Эго-чтение?*

– Эго-чтение. Его много.

– *Вы счастливы на своем писательском пути, который продолжается сейчас?*

– Да. Я не стыжусь никаких своих книг. Разве что некоторые вышли не совсем в нужный момент. Я счастлив тем, что сделано. Но я полон вопросов и сомнений насчет того, что теперь. Но это норма, так и должно быть.

– *Но вопросы и сомнения ведь всегда есть?*

– Да, но теперь их больше, чем когда-либо. Потому что я позволил проникнуть в свой ум тому, чему не надо было. Это касается начала безверия среди читающей публики. У меня большие требования к читателю, но меня волнует то, кто там и как они теперь читают. Прошлым вечером на мероприятии я не видел молодых людей и не вижу их, выступая в Англии. Все моего возраста, а есть и постарше. В аудитории может быть 400 человек, и я думаю: не все из них доживут до конца, на выходе нужно поставить скорую помощь. Может, я тут один останусь в живых. И какое есть будущее у меня и у чтения? Молодежь Англии – конечно, глупо говорить, что они не читают, просто потому, что они не читают меня. Но я не чувствую, не вижу, что они читают меня. В Англии не читают. В Италии и в Индии – вот где видишь сияющие лица молодых читателей. В Индии изумительные дети. Ему 13 лет, а он подходит и говорит: моя любимая фраза в твоей книге – это... ЧТО?! В Италии тоже замечательно дела обстоят. А потом я прибываю сюда. Надо сказать, что тут на двух выступлениях я все же видел таких сияющих удовольствием молодых людей, они были посвящены фантастике и young adult. Прошлой ночью стайка мальчишек спросила меня, что им делать с их жизнями. *(Смеется.)*

– *Что вы ответили?*

– Женитесь, будьте счастливы. Я их шокировал, потому что сказал: сперва найдите себе партнера. Женщину или мужчину. Так вот. Когда я вижу, что молодые читатели все-таки существуют, то я не против, если они не в Англии, – пусть они будут в Италии, Индии или в Москве. Как следствие, я почувствую, что пишу не только для стариков. В Англии недавно вышел мой роман «Пожить немного» (Live A Little, Cape, 2019), он о двух 90-летних влюбившихся друг в друга, но он не адресован 90-летней аудитории, просто такая история.

– *Большое спасибо.*

– Довольно необычное интервью, мои поздравления.

*Перевод с английского и литературное редактирование –
Сергей Дедович, издательство «Чтиво»*

| Юность № 6
Июнь 2020

ЗОИЛ

СЕВЕРНЫЙ РОК

МАНСИМ АРТЕМЬЕВ
Журналист, литературный
критик. Родился в Туле,
в 1993 году окончил
Тульский педагогиче-
ский институт имени
Л.Н. Толстого. Нандидат
психологических наун,
доцент. Последние
двадцать лет живет
и работает в Москве.

Автор книг «Нан работает
Америна», «Гюго» (в серии
«НЗЛ») и др.

Рассказ Романа Сенчина, открывающий сборник «Нквартирантна с двумя детьми» («Энсмо», 2018), — во многом ключевой для понимания мировоззрения писателя.

Сенчин — автор гораздо более сложный, чем может показаться на первый взгляд. Он не просто бытописатель российской чернухи, не только сибиряк, закинутый судьбой в Москву (а теперь уже и на Урал) и тоскующий по малой родине. Он писатель, и чутко исторический. Например, его рассказ «Дедушка» о поэте Александре Тинянове — образец вживания в роль, прочувствования изнутри личности, жившей за полвека до рождения самого Сенчина, воссоздания культурно-бытового контекста, в котором пришлось расти и умереть его герою. Простой «прозаик-сибиряк» или реалист-«чернушник» так не напишет. Для этого нужны соответствующая культура и эрудиция.

«Аркаша» — очередной опыт в жанре исторической реконструкции. На смену Тинянову приходит Аркадий Северный. И нан в «Дедушке» выведен еще и Даниил Хармс, так и в «Аркаше» действуют Андрей Панов (Свин), Виктор Цой, Майн Науменно и Георгий Ордановский — важные в скором будущем люди из ленинградской рок-культуры, уж не знаю, стоит ли добавлять — «подпольной»? Время действия — 1979 год, высчитываемый по гибели Донни Хатауэя.

В 1989-м, окончив школу и провалив вступительные экзамены в Новосибирске, Сенчин рванул в Ленинград — учиться в ПТУ на плиточника. Конечно, его тянуло не строительное дело, а возможность приобщиться к питерской рок-музыке, услышать вживую ее звезд. Так что «Аркаша» — это своего рода сведение счетов с юностью, закрытие важного для Сенчина гештальта, осмысление уже взрослым, пожившим человеком того, что так притягивало и волновало в молодости.

Меня всегда поражало в Сенчине сочетание несочетаемого — с одной стороны, искренняя любовь и понимание коренной русской жизни, деревенской, посадской, забот и смысла существования простых русских людей — совсем в духе Шукшина, а с другой — тяготение к рок-музыке, участие в группе «Плохая примета», написание текстов для нее и выступление со сцены в качестве вокалиста.

В этом есть что-то от упомянутого Василия Манаровича — тот реализовался и получил известность в жанре, в общем-то, чуждом алтайской деревне, в кинематографе, который развивался в XX веке как искусство западное, американское по преимуществу. Правда, если для Сенчина музыка — это, скорее, хобби (уж не знаю, как он сам к ней относится), то для Шукшина кино было хлебом насущным, хотя для меня он в первую очередь писатель, а его актерство и режиссерство, честно говоря, мало волнуют, они не более чем дополнение к портрету.

Сенчин родился и вырос в Кызыле, расположенном черт знает как далеко столицы Тувы, а на деле — городишке чуть больше райцентра. Провинциальный подросток много читал, это не удивительно, так как рос он в интеллигентной семье, но одновременно увлекался и современной музыкой — тоже распространенный феномен технологического общества с магнитофонами и радио. Я, одноклассник Сенчина и тоже житель провинциального городка, остановился на первом и до «музыки» не дошел. Он же — и это ярко проявляется в его книгах — всегда был отзывчив на масс-культуру. Для меня это немного странно, в моем понимании человек талантливый не должен интересоваться тем, что волнует толпу, хотя понимаю, что невозможно описывать людей, не зная, чем они живут. Но Сенчин как бы интересуется этим немножко больше того, чем следует.

Думаю, писатель не согласился бы со мной в оценке его увлечений как масс-культуры, напротив, возразил бы, что панк-рок, Янна Дягилева, Егор Летов — это для немногих избранных, музыка не для всех. Но об этом несколько позже. Думается, нетрудно понять подростка конца 80-х, его дилемму, когда, с одной стороны, становятся доступными ранее запрещенные книги, с другой — мир вокруг переполняется иными впечатлениями — видани со Шварцем и Сталлоне, популярный музон — от «Ласкового мая» и песен Розенбаума про Дон до «Нау» и Цоя. И это искушает и манит сильнее, чем литература. И сам я проникался всем новомодным, даже не желая этого: живя в общежитии, невозможно было не слышать ни «Любэ», ни «Ламбады». Впрочем, Сенчин пишет не про эстрадную попсу. Он обращается ко времени за десять лет до его прибытия в Ленинград, когда только начинало созревать то, что пышно и буйно процветало в перестройку.

В основе рассказа — встреча двух поколений, Аркадия Северного, олицетворяющего подпольный шансон семидесятых, и молодых начинающих рокеров — будущих звезд восьмидесятых. В 1979 году действительно случился такой фант: Северный провел «сет» вместе с группой «Россияне» с Жорой Ордановским во главе. Свин, Майн и Цой добавлены писателем для полноты картины, в реальности семнадцатилетний Виктор не мог рассчитывать на попадание в круг больших и взрослых. И еще всех четверых рокеров объединяет то, что они рано ушли из жизни, и сегодня их судьбы можно сплести как захочется.

Это были люди из разных миров. Сенчин тонко показывает и незнание молодыми рокерами того, кто такой Аркаша, и их пренебрежение к «блатной музыке», и зависимость от пронирыливых жучков типа Рудина

Фонса, понуждающую — ради возможности записаться по-настоящему — играть в паре с певцом блатняка.

Но имелся у них и объединяющий момент — все они представляли ленинградскую подпольную культуру. Отодвинутая на второй план северная столица обошла по части «андеграунда» столицу южную — Москву. Неофициальные поэты Уфлянд и Нондратов, непечатаемый прозаик Довлатов, непризнанный художник Михнов-Войтенко. И наряду с ними — несуществующий для Министерства культуры и советской эстрады певец Арнадий Северный, с которым через одно рукопожатие соседствовал Иосиф Бродский. Да, они вращались в разных кругах, но круги эти пересекались. А еще — Борис Гребенщиков и сотни других имен... Впрочем, Северный не ассоциировался именно с ленинградским подпольем. Его песни слышали все, но кто он и откуда — не знал никто.

Встреча певца шансона и молодых рок-музыкантов, так характерно очерченная Сенчиным, — глубоко символическое событие, отражающее два противоположных направления в нелегальной музыке. Сегодня, кстати, думается — зачем власть создавала проблемы из ничего? Как рок и блатняк могли ей угрожать? Ныне же поют что хотят — и как это отражается на стабильности? Загоняя в подполье людей разной степени талантливости, режим парадоксальным образом приподнимал их, создавал репутации и героев на пустом месте.

Тогда рокеры могли думать, что прогрессивнее они, хотя по содержанию песен, скорее, антисоветчинами могли признать Северного и его коллег. Мне думается, что так называемый русский рок, он же советский, был глубоко подражательным, эпигонским явлением, по большому счету — пустоцветом. Поясню свою мысль. Возьмем классическую музыку. Вскоре после того, как в Россию пришли с Запада ее образцы, начался быстрый взлет отечественной музыкальной культуры — начиная с Глинки и Даргомыжского. Русская музыка плодотворно объединила в себе лучшее из европейской традиции с достижениями народного мелоса. И уже того же Глинку западные коллеги принимали как равного. А со времен «Могучей нучки», чьи представители весьма неодобрительно смотрели на современную им европейскую музыку и на иностранных авторитетов, русские композиторы шли на одном уровне с французскими, немецкими, итальянскими, а нередко и опережали их. Дебюсси восхищался Мусоргским. Чайковский вовсе не глядел на Брамса снизу вверх, а ниспровергал его, будучи принимаем в лучших концертных залах Европы. Затем Стравинский, Прокофьев открывали новые пути для мировой музыки.

Ничего подобного в рок-музыке не происходило. Что в советские времена, что в постсоветские наши группы никакого влияния за пределами страны ни на кого не оказывали, занимали самое маргинальное положение, ни одного течения или направления не породили, да и внутри России презирать отечественный рок считается хорошим тоном, поскольку слушатели знают ему подлинную цену. Ролики с «Машиной» 70-х вызывают лишь впечатление убогого подражания во всем — от одежды и причесок до мелодий. Ссылки на цензуру или нехватку качественных инструментов несерьезны. В то же самое время творил в подполье Солженицын — почему ему не мешали материальные и цензурные обстоятельства? Почему он создавал прозу мирового уровня и получил заслуженно Нобелевну? Можно вспомнить и про Бродского — его никому в голову не придет назвать эпигоном, при всем его восхищении Элиотом и Оденем.

Как джаз вышел из самых низов американского общества — из среды бывших рабов на плантациях (равно как и другие популярные направления — и соул, и блюз, и рок, и рэп в конечном счете), так блатные песни проистекали из периферийной среды — еврейских общин юго-запада России, будучи щедро замешенными на традициях клезмера и другой этнической музыки.

А в случае масс-культуры налицо явная вторичность и халтурность, творческая несамостоятельность и примитивность. Я не понимал и не понимаю парней что 70-х прошлого века, что нынешних, 20-х годов XXI века, которые выбирают для себя чужеродные жанры — джаз ли, рок ли, рэп ли, в которых они обречены болтаться в самом низу, никогда не создать ничего значительного, не оказать ни на кого влияния, не повести за собой, вместо того чтобы сказать свое слово, заставить мир обратить на себя внимание, сподвигнуть учиться у себя — как это делали Мусоргский или Шостакович.

Северный же, в отличие от них, — явление оригинальное. Избранный им жанр был неизвестен за пределами Советского Союза — блатные ли песни, одесский ли фольклор, городской ли романс, перепев ли советской эстрады. В этом смысле его можно сравнить с Высоцким, с которым они родились с разницей в один год и в один и тот же год — 1980-й — скончались. Высоцкий даже играл на русской семиструнной гитаре, а не пытался, подобно прочим графоманам-рокерам, перейти на космополитическую шестиструнку. И никто не упрекнет Высоцкого, что он ориентировался, допустим, на Брассенса или Дилана. Нет, наш бард был глубоко оригинальным явлением, и потому он хоть в какой-то степени интересен для иностранцев. Зачем им слушать «русский рок» — безвкусное подражание папуасов белым господам? Иностранцам нужно нечто аутентичное, неповторимое. Рок они могут услышать и у себя — и всегда лучше сделанный.

Как джаз вышел из самых низов американского общества — из среды бывших рабов на плантациях (равно как и другие популярные направления — и соул, и блюз, и рок, и рэп в конечном счете), так блатные песни проистекали из периферийной среды — еврейских общин юго-запада России, будучи щедро замешенными на традициях клезмера и другой этнической музыки. И — выснажу парадоксальное суждение — у этого жанра были все шансы стать чем-то вроде русского джаза, завоевать им планету. Но не вышло — по причинам, о которых здесь было бы слишком долго говорить.

Северный и Высоцкий совпадают не только годами жизни. У них схоже происхождение, у обоих отцы относились к низам правящего советского класса, оба поступили сперва в технические вузы, оба страдали известным русским пороком, который и свел их в могилу до срока. Но если Высоцкий рано избрал для себя путь официального артиста,

и до самой смерти была таковым, и с советской властью отношения у него были вовсе не антагонистические, а его бардовская деятельность пусть и являлась как бы не совсем признаваемой, умалчиваемой, но вовсе не запретной, и его песни звучали и в фильмах, и с пластинок, то Северный с властью никак вообще не пересекался и как бы для нее не существовал, а она — для него. В нем было что-то от Гогена — вот так же, уже в возрасте за тридцать лет, экономист «Экспортлеса» вдруг решил драматически изменить свою жизнь, как и манлер парижской биржи в свое время. В итоге сенчинский Арнаша говорит о себе: «А я вот без паспорта, без квартиры, семьи». В этом смысле между ним и Высоцким — счастливым советским обладателем «мерседеса», путешествовавшим на Таити, действительно бездна.

В рассказе всплывает имя Нобзона. Это олицетворение третьего пути — полностью официального (Северный представлял полную «отрицаловку» официоза, Высоцкий — компромисс с ней). Я как-то спросил друзей в «Фейсбуке» — кто более значительный певец, Иосиф Нобзон или Арнадий Северный? Многих такая постановка вопроса шокировала, мысль о том, что их можно сопоставлять, не приходила в голову. Одновременно по «большому счету» сравнивать можно всех. Оттого, что один певец вращался в высших сферах, а другой — в низших, их таланты не меняются. Различается лишь уровень вознаграждения. Наверное, в плане голосовых данных Нобзон превосходил Северного, а по артистичности, по оригинальности — наоборот. Как бы в советские времена андеграунд ни презирал лещенов, пугачевых и толкуновых, они являлись одаренными певцами, и для нас сегодня нет разницы, у кого какие были отношения с Системой. Критерий для оценки один — талант.

В разговорах персонажей рассказа всплывает одесская тема: «А вы не из Одессы, что ли?.. Бывал-бывал. Бывал в Одессе... Арнаша коротко напел, пустив одесскость». И хотя Северный никакого отношения к жемчужине у моря не имел, именно на песнях Фунса одесской тематики он поднялся, оживив в сознании советских людей феномен этого города. Невольно поражаешься, насколько мощным оказался творческий порыв, порожденный стремительным развитием Одессы, бывшей в начале XX века одним из крупнейших городов Российской империи, что его хватило почти на все семьдесят лет советского времени, в течение которых она неуклонно хирела, все сильнее погружаясь в болото провинциализма. Все живое бежало из нее — от Бабеля и Натаева с Ильфом и Петровым до Утесова, Жванецкого и Нарцева. А городская легенда продолжала существовать, притягивая к себе воображение поэтов, писателей, режиссеров, певцов и композиторов. Многие из них не были одесситами, как Никита Богословский или Александр Розенбаум, но свой вклад в миф о городе внесли.

Также и Арнадий Северный. Во многом его усилиями была в 70-е годы разработана тема старой одесской жизни, которая оказалась той богатой жилой, которая питала многих шансонье и бардов, пока в 90-е годы, с их расцветом нового русского бандитизма, Одесса-мама окончательно сошла на нет. «Нам новые песни придумала жизнь».

Успех блатного жанра (если абстрагироваться от одесской стилизации) в СССР не случаен. Миллионы и миллионы прошли лагеря, у них были десятки миллионов родных и близких, слушавших их рассказы. Молодежь получала криминальное воспитание во дворе, школе, ПТУ, на работе. Уголовный жаргон проник широко в повседневную речь. Причем основной

расцвет уголовщины пришелся даже не на сталинское время, а на после- сталинское, типичный отложенный эффект — когда с амнистией из ГУЛАГа вышли зэки и преступная субкультура получила укоренение в самых широких массах, живших в бараках и коммуналках. Но и интеллигенция не пренебрегала блатной музыкой — в СССР граница между верхами и низами была совсем тонкой, и творчество того же Высоцкого, благополучного сына политработника, тому доказательство, равно как и пение врача Розенбаума или зэновские цинлы Александра Галича и Юза Алешковского.

Слушая сегодня песни Северного, нельзя не заметить однообразия и банальности их текстов, да и музыки танже. Их спасает только его неповторимый голос. Это и понятно, блатной шансон — это не какой-то подлинный фольклор, аутентичная народная музыка, которая может быть весьма сложной, а несколько аккордов, так и называемых «блатными». В сравнении с вышеупомянутыми бардами, людьми с определенными литературными задатками и культурой, тот материал, что исполнял Северный, совсем убог. Но на фоне множества подражателей он выделяется своим артистизмом, многообразием интонаций, что и прекрасно передает Сенчин, все время то переключая речь своего героя на одесский говор, то отказываясь от него.

Главный персонаж «Аркаши» — типичный сенчинский герой, пьющий, несчастный, неприкаянный, мечтающий о несбыточном, хорохорящийся, но уже внутренне надломленный и обреченный. Писатель хорошо показывает эту его беспросветность, которую несчастный певец принимает как судьбу. Молодые ребята смотрят на него и слушают его поучения, не особенно принимая всерьез этого спившегося, выглядящего много старше своих лет человека. Они еще не знают, что все умрут моложе его, а Ордановский совсем скоро.

Сенчин заканчивает рассказ на алкогольной ноте — «Накой интересный портвейн, — сказал Майк, — можно еще полстананчика?» Такой концовкой он словно намекает на преемственность, пусть и неосознаваемую, и на невозможность уйти от судьбы.

| Юность № 6
| Июнь 2020

НЕФОРМАТ

ГЛАЗАМИ ДОЧЕРИ

Пьеса Юлии Белозубкиной «Что с тобой теперь?» написана в рамках Мастерской молодой драматургии и режиссуры «Исторические лица», которую мы с Ольгой Михайловой проводили в 2018 году при поддержке Театра Российской армии, за что мы очень благодарны главному режиссеру ЦАТРА Борису Афанасьевичу Морозову и вдохновителю нашей Мастерской Милене Авимсней. Драматурги должны были выбрать одну из шести тем, предложенных театром, о видном отечественном деятеле или событии. Николай Ермохин писал о первом дне войны, Анна Гейжан — об августовском путче, Алексей Синяев — о последнем дне жизни Берии, Иван Гут — об освоении Арктики, Дмитрий Ретих — о бароне Унгерне и Гражданской войне на Дальнем Востоке. Все пьесы получились очень серьезные и глубокие. Одну из них мы хотим представить вам.

Вообще работа над исторической пьесой — огромная ответственность, сопряженная с целым рядом трудностей и подводных камней. Нужно досконально изучить материал, чтобы не исказить факты, выработать свое личное мнение о том или ином событии или деятеле. И наконец, важно найти необычный ракурс, интересно, ярко раскрыть тему, чтобы зритель был эмоционально вовлечен в повествование, а не заснул от переизбытка биографических подробностей.

Все предложенные темы были сложными. Но подступиться к биографии Тухачевского было особенно тяжело. Надо сказать, Юлия Белозубкина предложила действительно необычное решение, фактически поэму без героя. В результате в пьесе «Что с тобой теперь?» жизнь и смерть Тухачевского показана глазами его дочери. Мы видим ребенка, которого отдали в детский дом после того, как папу расстреляли, а маму сослали в лагерь. Ровесники издеваются над Светланой, ведь она — дочь врага народа, а привыкла быть практически принцессой. И тут она понимает, что папа не идеал, он травил газом людей, изменял маме, имел другую дочку на стороне с таким же именем! Но когда учительница требует отречься от отца, она не отрывается!

Это очень важная пьеса, особенно для молодежи и подростков, которые в большинстве своем имеют весьма смутное представление о страшном времени репрессий. Показательно, что даже юные антеры из детской студии Театра Армии, задействованные в первой постановке эскиза спектакля, понятия не имели, кто такие враги народа. А ведь это интеллигентные, начитанные, тонко чувствующие ребята. Что уж говорить об остальных. Сейчас острый дефицит пьес о нашей истории, рассказанных простым, понятным для подростков языком. На мой взгляд, пьеса Юлии Белозубкиной — отличный материал для театров юного зрителя. Надеюсь, пьеса будет пользоваться большим зрительским успехом.

Елена Исаева

Света (*горячо*). Я верю, что там разберутся, должны разобраться.

Натя. Светка, ты такая оптимистка, что аж тошнит.

Света. Главное – мы же увидим наших мам. А если нас к ним решили пустить, значит, уже что-то движется...

Света замечает, что Мира всхлипывает.

Света. Ты что?

Мира. Я маму обидела.

Натя. Ну, начинается...

Мира (*сквозь слезы*). Мама мне суп сварила из потрошков. Обменяла на базу – ре свою любимую брошку на курицу и сварила. А я его есть не смогла. Все представляла, как это куриное сердечко билось...

Натя (*дурашливо*). ...И любило.

Мира. Я капризничала, а мама вся на нервах была и вlepила мне пощечину. А я ей: «Папы нет, а ты меня бьешь». Мама на меня так посмотрела, как будто подстрелили ее... Два дня не вставала с постели, плакала.

Натя. Подумаешь! Чего не бывает между родственниками! Вот увидишь маму – предложишь ей суп из своей канарейки.

Света обнимает Миру.

Света. Мира, не слушай ее. Она контуженная.

Натя (*с вызовом*). А вы нет?

Света. Мы тоже. Но давайте хотя бы не есть друг друга. И потом нам все равно сейчас лучше, чем нашим папам.

Натя (*жестко*). Папам уже никак.

Света (*достает платочек с красной звездой*). Смотрите, что я маме вышила.

Мира. Красиво. Ой, а я для мамы ничего не приготовила...

Света. Главное – она тебя увидит!

Мира (*тепло улыбаясь*). Мамочка!

Натя (*оглядываясь вокруг*). Интересно, куда нас привезли? Похоже на дурдом.

Света. Какая разница. Главное – к маме.

Неожиданно врубается яркий свет – как от прожекторов, высветившая девочек. В столовую возвращается лейтенант с учительницей Верой Валерьевной. В дверях топчутся, разглядывая вновь прибывших, детдомовцы. Увидев, что Натя сидит на столе, лейтенант рывком на нее.

Лейтенант. Ну-ка слезла! В шеренгу построились.

Натя (*слезая*). Я вам что – служебная собака?

Мира (*тихо*). Катя, не надо!

Лейтенант. Обезьяна. До собаки не доросла.

Девочки послушно строятся в шеренгу.

Лейтенант (*читает*). Тухачевская!

Света. Я!

Лейтенант. Уборевич!

Мира. Я!

Лейтенант. Иваненко!

Натя. Я!

Лейтенант (*оглядывая их*). Ну, все на месте. Идите знакомьтесь с новыми товарищами.

Девочки ошарашены.

Натя. Какими еще товарищами?

«Новые товарищи» угрюмо оглядывают их, кто-то свистит. Вера Валерьевна идет навстречу девочкам.

Вера Валерьевна. Прибыли, значит. Меня зовут Вера Валерьевна.

Мира (*отступая назад*). А где мама?

Лейтенант. Советская власть теперь – ваша мама.

Девочки, волнуясь, говорят наперебой.

Света. Как? Нам же обещали...

Мира. Сказали, что мы едем к маме.

Натя. Это нечестно!

Вера Валерьевна (*рывает*). Молчать! Это кто тут про нечестно говорит? Да вас

закопать надо было всех до седьмого колена. Вместе с папами вашими и мамами. Советская власть вам поверила, а вам еще доказать надо, что право имеете здесь находиться. Вымолить это доверие. Мам им по-давай!

Девочки, испуганные криком учительницы, жмутся друг к другу. Детдомовцы злорадно сналятся.

Сеня. Гадюки приползли! Мочи клюкву!

Степан — рослый мальчик из стайки детдомовцев — стреляет из рогатки и попадает в клетку с канарейной. Птица испуганно вскрикивает и мечется по клетке. Мира обнимает клетку, хлопочет над своей любимицей.

Детдомовцы радостно ржут.

Вера Валерьевна (*кричит*). Прекратить! Голоса из толпы. Так они ж шпиены! Враги народа!

Лейтенант. Отставить! У нас сын за отца не отвечает.

Сеня. Так это сын.

Лейтенант. И дочь тоже. Это кто там такой умный? У нас для таких самородков колония есть: там быстро мозги вправляют.

Сеня молча отступает назад.

Света. Мой папа — не враг!

Сеня (*ржет*). Ну да, он друг всех советских детей.

Вера Валерьевна. Так, ладно, скоро отбой. Ну-ка пошли за мной.

За спиной Веры Валерьевны Сеня показывает неприличный жест. Девочки не двигаются с места, в ужасе глядя на мальчишек. Лейтенант подталкивает Миру, но она словно окаменела, вцепившись в клетку.

Лейтенант. Уборевич, иди давай. Или тебя на руках нести?

Он пытается сдвинуть Миру, но она упрямо стоит на месте. Тогда он выдирает у нее из рук клетку и передает ее Вере Валерьевне. Птица кричит и в ужасе машет крыльями. Мира подбегает к ней.

Мира (*плача*). Мама! Мамочка!

Вера Валерьевна. Так, сопли утерла. (*Ужоризненно.*) Ну, как не стыдно — здесь же мальчишки. Смотрят на тебя. Вся красная, растрепанная. Это мама тебя научила себя так вести? Яблоко от яблони...

Мира закрывает лицо руками. Света обнимает ее, пытаясь утешить.

Света. Зачем вы так? У Миры очень хорошая мама.

Вера Валерьевна. Не сомневаюсь. Лучше только папа. (*Ядовито.*) Был. Ну-ка марш за мной, а то на улице заночуете.

Света берет Миру под руку, что-то ей говорит на ухо. Мира послушно кивает.

Из динамика доносится бравурный советский марш. Девочки, подхватив вещи, понуро выходят из столовой, проходя, как снговозстрой, мимо злорадно ухмыляющихся детдомовцев.

В проеме кухни появляется Маша, женщина лет 40, в белой носынке и поварском халате. У нее простое деревенское лицо и цепкий взгляд темных потухших глаз. Оставаясь незаметной для девочек, она внимательно смотрит им вслед. А когда они уходят, берет чайник, выливает нипятон на то место, где они стояли, и принимается ожесточенно тереть его шваброй.

Женский голос (*из кухни*). Маш, ты чего там на-ярываешь? Нюрка же мыла сегодня.

Маша (*кашляет*). Ничего, чище будет.

Покрывать подлые дела —
так же гнусно, как и их
совершать. Особенно
это касается тебя,
Тухачевская. И твою
позицию по отцу, которого
ты так же покрываешь,
мы проясним.

Света вцепляется в рукав Степана,
пытаясь отнять миску. Степан ловко
перекладывает миску в другую
руку, поднимает ее над головой.

Степан. Что, папка-то больше не кормит?

Света. Замолчи!

Степан. Понятны ваши огорчения. Небось не
постные щи-то хлебали. Сколько ему
отвалили, чтоб Сталина убить?

Света. Не смей!

Она в ярости толкает Степана. От
неожиданности он роняет миску.
Суп выплескивается прямо ему на
голову.

Степан. Сдурела, тварь?

Мальчишки смеются, глядя, как он
пытается стряхнуть с себя ошметки
напусты.

Сеня. Накормила, напоила...

Степан в бешенстве берет Свету
за плечи, встряхивает.

Степан. Зажралась совсем?

Света. Пусти!

Света вырывается — платье рвет-
ся по шву, обнажая плечо. Сеня
радостно ржет.

Сеня. Степ, ну ты сладострастник... Может,
не здесь?

Степан смущенно отпускает Свету,
она обхватывает себя руками, пы-
таясь закрыться.
И Свете подсовывает Мира, об-
нимает ее, возмущенно смотрит
на Степана.

Мира. Как тебе не стыдно! Мне папа го-
ворил (*осекается*). Мужчина должен
защищать женщин, а ты...

Сеня. Твой папа — предатель!

Степан. А вас, гнид, давить надо, чтоб непо-
вадно было.

Света. Ну давай — дави, что ж ты остано-
вился?

В столовую заглядывает Вера Ва-
лерьевна.

Сеня (*ребятам, негромко*). Атас, Выдра!
Вера Валерьевна. Почему не на уроке?

Она спотыкается о пустую миску,
валяющуюся на полу, замечает на-
пусту в волосах Степана.

Вера Валерьевна. Это что такое? Корнеев, кто это
сделал?

Степан молчит.

Вера Валерьевна. Ну что, в молчанку будем
играть? Все сытые стали — суп не ну-
жен? Так я Маше скажу, а то она уже
с ног сбилась, как вас накормить.
Продуктов не хватает, а они...

Вера Валерьевна замечает, как
Света прикрывает порванное
платье. Подходит к ней, убирает ее
руну.

Вера. Та-ак, замечательно. Платье нам
тоже советская власть новое сошьет...
Корнеев, твоя работа? Тухачевская,
это он сделал?

Степан и Света молчат.

Маша. Да Шарик ваш дурак был: вечно жрал
все подряд.

Света. Папа мне тогда куклу купил, чтоб
я успокоилась. Я ее Машей назвала.

Маша. Баловал он тебя, трясся над тобой, как насадка.

Света. Папа меня любил.

Маша. Да как же ж не любить-то единственное дитя? Зверь дикий – и тот любит. Попробуй у волка отними волчонка – как думаешь, загрызет?

Маша вздрагивает от укола иглы.

Света (*вскрикивает*). Ой, больно! Загрызет, наверное, он же волк.

Маша. А хоть бы и не волк. А насчет отца
твоего разобрались, значит.

Света. Маша, зачем ты так? Папа ни в чем не виноват.

Маша. А коли не виноват – чего ж расстреляли?

Света. Я не знаю. Маша, но ты-то его помнишь, ты должна понимать, что он...

Маша (*строго*). Сиди рівно, а то знову на
иглу напорешся.

Света замирает и сжимается под
ее цепкими пальцами.

Света. Папа настоящий герой был, его несправедливо...

Маша (*перебивает*). По бабам он герой был – это точно. Меня даже в углу зажимал.

Света (*возмущенно*). Что ты такое говоришь?

Маша. Неужто не знала? И не слышала, как мать по ночам воет? Включит воду в ванне – и давай... Я иной раз боялась: соседи прибегут.

Света. Неправда! Папа маму любил.

Маша. И маму тоже. Только я помню, как к ней мужчина приходил – предстательный такой, в галстук. Мне надо с вами поговорить, заявляет. Оказалось, муж очередной бабы, с которой папка твой снюхался.

Света. Это неправда!

Маша (*улыбляясь*). Да уж, конечно. Меня с тобой гулять отправили, пока они там обсуждали. А вернулись – мать твоя как замороженная была. Впрочем,

что с нее взять – все терпела. Только голову, как утка, под крыло прятала.

Света вскакивает и снова вскрикивает, больно уколвшись об иголку.

Маша. Ну, чего дергаешься?

Света. Мама не утка! Зачем ты так говоришь, Маша?

Маша. А кто ж она? Жила же с ним, значит, терпела. Весь дом знал про его похождения. Герой, прости господи!

Света. Этого не может быть. Я спрошу Миру...
А тебе, Маша, станет стыдно.

Маша. Ну да, конечно... Он кобель, а мне стыдно. Шофер его, помню, за мылом приходил хозяйственным. Как думаешь, зачем ему мыло-то понадобилось? Он мне рассказал, как папа твой какую-то фрю прям в машине оприходовал... Его под дождь выгнал, а сам развлекался... А сиденья – шоферу, значит, оттирать. Знаешь, чем они были изма...

Света дергается, обрывая нитку,
всканивает с места.

Света. Замолчи! Ты гадкая! Злая!

Света выбегает. Маша недобро
смотрит ей вслед.

Маша. Давай, привыкай к жизни-то. Может, успеешь ее понюхать.

4.

|||||

Номната девочек. Заходит Мира. Видит, что на полу валяется пустая распахнутая клетка. Мира подлетает к ней, тревожно озирается по сторонам, замечает, что на ее подушке лежит мертвая канарейка. Мира берет мертвую птицу в руки, прижимает ее к груди.

Мира. Вот и тебя убили. Сначала папу, потом тебя. Меня тоже, только никто не знает, что я не живая. И ты уже никому не скажешь.

Света. Просто понимаешь, если все знали, кроме меня, – это нечестно. Сейчас, когда папы нет...

Мира. Михаил Николаевич был хороший.
И мой папа его очень уважал.

Вера Валерьевна. Так, Корнеев, теперь ты запевай.

Натя отстъпает назад — к Свете и Мире.

Степан (*запевает*).

Спой нам, ветер, про славу и смелость,
 Про ученых, героев, бойцов,
 Чтоб сердце загорелось,
 Чтоб каждому хотелось
 Догнать и перегнать отцов!

Девочки разговаривают — фоном звучит песня.

Натя. Я слышала, ты про отца спрашивала?

Мира. Тебе показалось, Катя.

Света. Нет, не показалось. Ты что-то знаешь?

Натя. Я знаю, что он был ходок.

Света. Что значит «ходок»?

Натя. Ну, женщин у него было много. Они
его когда видели – просто дурели.
Выбирай любую...

Света. Что значит «выбирай»? У него же была мама, он ее любил.

Натя. Господи, Света! Тебе бы в куклы играть. Кто ж от такого откажется? Нравился он бабам и пользовался этим. Мама мне говорила, что у него в Доме на Набережной – любовница. И дочка есть. Она видела, как они вместе гуляли по Москве-реке.

Мира. Это неправда! Катя, что ты придумываешь?

Натя. Ну конечно, придумываю. Только почему-то все об этом знали. А дочку тоже Светлана звали. Удобно – чтоб не перепутать.

Мира (*громко*). Света, не слушай ты ее!

Вера Валерьевна. Уборевич, хватит болтать!

Мира старательно поет.

Света (*потрясенно*). Спасибо, Катя, что сказала.

Света выходит из строя и медленно идет прочь. Все с удивлением смотрят на нее и перестают петь.

Вера Валерьевна. Тухачевская! Я никого не отпускала. А ну-ка вернись!

Света, не слушая ее, выходит из зала. Мира с тревогой смотрит ей вслед.

Вера Валерьевна (зло). А что это мы замолкли?

Репетиция не окончена. Корнеев,
давай!

Степан и остальные (*вразнобой*).

Кто весел – тот смеется,
Кто хочет – тот добьется,
Кто ищет – тот всегда найдет!

Мира (*Кате, укоризненно*). Ну зачем ты?

Натя. А пусть знает. А то у нее папочка –
прям Господь Бог. Нимба не хватает.
Ей так легче будет примириться со
всем.

Мира. Добрая ты, Катя.

Натя (*жестко*). Да уж похуже тебя. Ты ей своей медвежьей услугой только хуже делаешь.

6.

|||||

Вечер. Света и Степан убираются в столовой. Степан поднимает стулья, угрюмо смотрит, как Света неумело выжимает тряпку. Наконец не выдерживает.

Степан. Ну, чего ты ее мучаешь? В другую сторону надо. *(Подходит.)* Да не так. Дай сюда!

Света. Сама справлюсь.

Степан. Угу, к Новому году как раз успеешь.

Света все так же неумело наматывает тряпку на швабру, начинает тереть пол, но тряпка соскакивает. Она наматывает ее снова. Степан продолжает поднимать стулья.

Степан. А ты чего не сказала, что это я платье порвал?

Света. А ты – про суп?

Степан. Меня батя учил никого не закладывать.

Света. Вот и меня тоже.

Степан. Да чему он там тебя научить мог? Предатель.

Света. Папа никого не предавал.

Степан. А кто ж тогда все это устроил? Вот, к примеру, у нас в деревне были такие, которые хорошо жили. Всего вдоволь – и скотины, и зерна, и картохи, дом справный...

Света. Кулаки, что ли?

Степан. Вот слово это идиотское. Работать просто умели и вкалывали больше других. А были такие – рвань подзаборная, ни кола ни двора, только бражку трескали. И что? Все отобрали, всех в один колхоз согнали. Да здравствует всеобщее равенство!

Света. А ты, значит, против? Ты там в своем самом богатом доме объедаться будешь, а кто-то – голодать?

Степан (*терзается*). Почему я? Я не за себя. И потом, кому бы говорить про богатый дом. Эти красноперые так все обтяпали, что в итоге голодали все.

Света. Ты что, против советской власти?

Степан. Я против вредителей типа папаши твоего. Ленин-то все правильно хотел сделать, а эти палки в колеса ставили. Но ничего, и до них добрались. Разоблачили...

Света. Да что ты такое говоришь! Когда в Ленина стреляли, папа воевал, жизнью рисковал. Он Владимиру Ильичу телеграмму отправил: за одну вашу рану взят Симбирск, за другую будет Самара...

Степан забирает у Светы швабру.

Степан. Ну, кто так моет? Только грязь размазываешь.

Степан полощет тряпку в ведре и умело наматывает ее на швабру.

Степан. Не люблю, когда меня дурят. Вот говорят же, что у нас в стране все равны. А выходит, что нет. Ты вот не знаешь, с какой стороны к свинье подойти, корову никогда

не доила – вон даже полы помыть толком не умеешь. А я вставал в четыре утра, чтобы дров наколоть, скотине дать...

Света. Ну, можешь радоваться: наступила твоя мировая справедливость. Только разве она в том, чтобы все полы вместе мыли и корову доили?

Степан. Да можете не доить. Только не врите хотя бы.

Света. Если хочешь знать, моя бабушка, папина мама, была крестьянкой и все это умела делать.

Степан. С чего бы? Он же вроде белый был? Из этих – из бывших.

Света. Не белый. Тогда все военные царю присягали. Дедушка, папин папа, был дворянином и влюбился в крестьянку, бабушку Мавру.

Степан. Понятно. Обрюхатил и бросил?

Света. Почему бросил? Женился, у них девять детей было – вместе с папой. Тогда такие браки называли мезальянсом. И папе мешало его происхождение: в Семеновский полк, о котором он мечтал, брали чистокровных дворян. И чтобы поступить туда, ему нужно было стать лучшим в училище. И он им стал.

Степан. Чистокровных – слово-то какое. Как лошадей прям отбирали. Теперь понятно, почему он Сталина хотел убить. Для виду тогда переметнулся, а на самом деле...

Света. Хватит уже!

Света топает ногой по полу, отступает назад и случайно опрокидывает ведро. Спешит его поднять, но поздно: огромная лужа растекается по полу.

Света. Ой, прости, я случайно...

Степан. Твою мать! Вот сама и мой!

Степан бросает швабру и выходит из столовой. Света неумело пытается собрать тряпной воду. Из кухни выходит Маша, с неприязнью смотрит на Свету, которая ползает по полу, не замечая ее. В руках у Маши – миска с картош-

Маша. Куда ложишь? Криворукий!

Сеня. Ой! Теть Маш, больно!

Маша. Больно мамке твоей было, а тебе
б только придуриваться, холера под-
заборная! *(Кашляет.)* Собирай давай!

Сеня, насупившись, пинает дрова
и идет к выходу.
Маша поднимает полено и запуска-
ет им в Сенью. Тот едва успевает
увернуться.

Сеня *(выбегая)*. Ведьма старая!

Степан угрюмо смотрит на нее.

Степан. Зачем так? По больному-то...

Маша. Ишь какие нежные. Здесь у всех все
больное. Только вы еще зеленые со-
всем – оправитесь.

Степан. Он только забывать стал...

Маша. Ну, я ж говорю. Только нешто такое
забудешь. Соседи его мамку-то опри-
ходовали?

Степан. Я не знаю.

Маша. У нас-то тоже голод был, но чтоб
люди людей ели... Лучше б они его
тоже – теперь только мучается па-
рень. И других изводит.

Степан сгребает ногой поленья
в нучу.

Степан. Пойду я.

Маша внимательно смотрит на Сте-
пана, берет с полки сантиметр.

Маша. Погоди! Ну-ка, поворотись-ка.

Степан. Зачем?

Маша. Надо, говорю.

Маша делает замеры: длину рунава,
обхват груди, талии.

Степан. Теть Маш, ты меня усыновить, что ль,
решила?

Маша угрюмо смотрит на него.

Маша. Разбежался! *(Подталкивает его.)* Иди
давай.

Степан идет к выходу, замечает
на веревке распашонку.

Степан. А это чья?

Маша *(кашляет)*. Проваливай, кому ска-
зала!

Степан качает головой и выходит.
Маша подходит к онну, берет в рот
кусочек сахара.

Маша. Ишь ты – усыновить его! На кой ты
мне сдался! Мелькают и мелькают
черти – аж в глазах темно. Ванюш,
а ты все же поешь, мне одной-то
много, да и не хочется. *(Кашляет.)*
Я, знаешь, сколько лет уже через
силу живу.

В комнату заходит Вера Валерьев-
на, слышит надрывный нашель Маши.

Вера Валерьевна. Маша, у врача была?

Маша. Когда ж мне – это в город надо ехать.

Вера Валерьевна. Ну вот в среду и отправляйся.
Не хватало мне тут еще туберкулез-
ки. Скоро комиссия будет, у нас все
чисто должно быть.

Маша. Как скажете.

Вера Валерьевна. Скоро Новый год. Надо бы при-
кинуть, что приготовить, все-таки
праздник.

Маша *(хмуро)*. Что скажете, то и приго-
товлю.

Вера Валерьевна. Возможности у нас скудные,
конечно. Но надо ребятишек порадо-
вать. Кренделей, может, каких напечь
или ватрушек.

Маша. Порадую, если надо.

Вера Валерьевна. Маша, так ты правда у Тухачев-
ских няней работала?

Маша. Ну, работала.

Вера Валерьевна. Я, знаешь, детям-то не гово-
рю, конечно. Но у самой в голове
не укладывается. Год назад мы
спектакль ставили про наших героев
Гражданской войны – и Тухачевский
первый был среди них. Блестящий
полководец, Колчака разгромил.
Мальчишкам его нашим в пример ста-
вили. Ты спектакль-то смотрела?

Маша *(угрюмо)*. Нет, я выходная была.

Мне когда Катя сказала, что Деда Мороза не существует, я ей не поверила: ведь папа все-все угадывал, о чем я мечтала. И я на всю жизнь запомнила, что любить — это значит знать о человеке все, видеть его насквозь.

Вера Валерьевна. Ну, это неважно. Ты ж его, оказывается, в жизни видела. Вот скажи – похож он был на предателя?

Маша. Я не приглядывалась. На то органы специальные есть. Я за Светой смо-
трела.

Вера Валерьевна. Она так любит отца.

Маша. Конечно, любит. Жила-то на всем
готовеньком. Вы обеды их видели?
Это когда все впроголодь жили.
А платья какие у нее были, а кук-
лы... Отец ей разве что луну с неба
не доставал.

Вера Валерьевна. Ну, ладно. Ты подумай насчет Нового года-то.

Маша кивает, Вера Валерьевна
выходит.

Маша. Радовать их еще. *(Кашляет.)* Все равно все передохнут.

8.

|||||

Антонов зал украшен флагами и серпантином, на сцене стоит большая пушистая елка. На растяжке написано «С Новым, 1938 годом!». Наташа декламирует со сцены.

Натя (звонко).

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.
Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.
Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

На сцену выходит хор мальчиков и девочек, среди которых — Мира; Нэтя присоединяется к ним. Вера Валерьевна аккомпанирует им на аккордеоне.

Bce (*nom*).

Мы красные кавалеристы, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ.
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы гордо, мы смело в бой идем...

Света сидит в зале, смотрит на елку, мигающую разноцветными огнями. К ней подсаживается Сеня в маске Петуха.

Сеня. Ну что, Тухачевская, отмечаешь – не скучаешь? Или все по папке сохнешь?

Света. Папа очень любил Новый год. И у нас всегда была самая большая, самая красивая елка.

Сеня. Ну конечно, и вы все тоже были самые-самые.

Света. ...А на верхушке – красная звезда. И гирлянды. Мы выключали свет и сидели с папой в темноте. Он обнимал меня и говорил, что жизнь у меня будет светлая-светлая, потому что я Светлана. А он всегда будет рядом.

Сеня. Что-то не шибко он о тебе думал, когда заговор свой готовил.

Света. Да не готовил мой папа никакой заговор.

Сеня. Ну конечно, он у тебя ангел был.

Света. Для меня – да. Я долго-долго верила в Деда Мороза, потому что он всегда

знал, что мне подарить. То куклу под елкой найду, о которой мечтала, то книжку, то...

Сеня (*зло*). Ну да, нам жрать было нечего, а у них там чудо-дерево...

Света не замечает, как у нее за спиной вырастает Степан в красочной маске Волна, похожей на лик языческого идола. Волн делает знак Петуху.

Света. Мне когда Катя сказала, что Деда Мороза не существует, я ей не поверила: ведь папа все-все угадывал, о чем я мечтала. И я на всю жизнь запомнила, что любить — это значит знать о человеке все, видеть его насквозь. И тогда очень просто сделать его счастливым...

Сеня-Петух кукарекает Свете на ухо — она испуганно вздрагивает.

Петух. Девочка-девочка, а знаешь, кто к тебе пришел?

Света оборачивается и видит Волна, который нависает над ней, как скала. И внезапно сдергивает маску. А под ней — еще одна: это наклеенная на папье-маше фотография ее отца, Михаила Тухачевского. Степан напяливает сверху военную фуражку — для большей достоверности.

Степан. Здравствуй, дочка! (*Орет.*) Ты еще не сдохла?

Света в ужасе отшатывается.
Сеня-Петух ржет. А Света вдруг гладит «лицо» отца.

Света. Папа, папочка! А я знала, что ты живой. Я верила!

Она берет оторопевшего Степана за руку.

Света. Мы тут без тебя елку нарядили — смотри, какая красивая.

Сеня. Рехнулась...

Света. Пойдем посмотрим, я тебя с ребятами познакомлю. Пап, ну пойдем!

Степан приходит в себя и вырывает руку.

Степан. Дура, что ли? Какой я тебе папа?

Он сдергивает маску. Светлана тянется к ней.

Света. Отдай, пожалуйста, отдай.

Сеня выхватывает маску и поднимает высоко над головой.

Сеня. А ну-ка, отними!

Света пытается отнять — Сеня издевается над ней.

Сеня. Жучка, фас! Место! Голос!

Степан хмуро смотрит, как Света безуспешно пытается дотянуться, и сам отнимает у Сени маску, протягивает ей.

Степан. На, целуйся с ним.

Сеня дурашливо кукарекает и уходит. Света прижимает фотографию отца к груди. Степан неловко переминается, глядя на нее.

Света. Откуда она у тебя?

Степан. Со спектакля прошлого года.
Я как раз про батю твоего читал.
Кто ж знал, что он... А ты все-таки чокнутая.

Света молча разглядывает неровно приклеенную фотографию отца. Степан замечает, что к ним приближается Вера Валерьевна, толкает Свету в бок.

Степан. Выдра!

Света поспешно прячет портрет отца за спину.

Вера Валерьевна. Тухачевская, вот хорошо, что ты здесь. Я считаю, что вы с Уборевич должны встретить Новый год со спокойной душой и чистым сердцем. Как взрослые разумные девочки, которые все лишнее оставляют в старом году. Корнеев, давай зови всех в класс.

9.

|||||

Света и Мира стоят у доски, Вера Валерьевна ходит по классу. Все смотрят на девочек. Среди школьников — Степан, Сеня, Нятя. У Сени на лбу — петушиная маска, у Степана — волчья; в волосах Нати блестит «дождик» и конфетти. И другие ребята одеты нарядно, по-новогоднему: у кого-то бумажный колпак с наклеенными звездами, кто-то в полумаске. Все веселы и оживлены ожиданием Нового года и тягостятся этим странным собранием.

Вера Валерьевна. Говорят, как встретишь Новый год, так его и проведешь. И сегодня наши товарищи должны принять важное решение. Это непросто, но если каждый не ответит на вопрос, что он может сделать для всеобщего блага, мы не построим коммунизм. Все вы знаете, что недавно были разоблачены и расстреляны враги народа Тухачевский и Уборевич. Советская власть не бросила их детей в беде, и наш дом распахнул для них свои двери. Но мы ждем и ответного движения. Я считаю, что Тухачевская и Уборевич должны отречься от своих отцов – изменников родины. Кто «за», прошу голосовать.

Поднимается лес рук.

Вера Валерьевна. Тухачевская, Уборевич, вы готовы?

Мира и Света молчат.

Вера Валерьевна. Я вас спрашиваю!

Сеня. Да контра они – что с них взять!

Вера Валерьевна. Помолчи, Губанов. *(Свете.)* Ну, давай, Тухачевская, мы все ждем.

Света (тихо). Я не буду этого делать.

Вера Валерьевна. То есть ты думаешь, что партия ошибается? Чего ты молчишь? А вот Иваненко так не считает – она уже отеклась от своего отца.

Света (*потрясенно*). Катя?

Вера Валерьевна. Да, Катя нашла в себе силы идти до конца. Это борьба, моя, и мы должны быть решительными. Иваненко, встань, тут тебе не верят.

Натя (*звонко*). Да, я отреклась от своего отца и считаю, что партия и товарищ Сталин ошибаться не могут.

Вера Валерьевна. Ну вот видишь — не умерла. Можем мы в такой момент думать только о себе, о своих частных мешанских интересах?

Натя. Света, ты не права. Я знала твоего отца, и он всегда вызывал у меня подозрения.

Света. Когда он вызывал у тебя подозрения, Катя? Когда велосипед тебе чинил? Или, может, когда нас с тобой в зоопарк водил и мы вместе слона кормили?

Натя. Зоопарк – не показатель. Мы должны в корень смотреть. И потом мы с тобой говорили об этом.

Вера Валерьевна. О чем вы говорили?

Натя. Ну, это, Вера Валерьевна, личное.

Вера Валерьевна. Личное? У вас с Тухачевской появились секреты от коллектива?

Катя. Нет, но...

Она смотрит на бледную Свету,
потом видит возмущенное лицо учи-
тельницы.

Вера Валерьевна. Ну давай, смелее, что вы там обсуждали?

Света (*тихо*). Не надо, пожалуйста, не надо.

Вера Валерьевна (*ривкаєт*). Иваненко, я жду!

У нас здесь не институт благородных девиц.

Натя (*поспешно*). У Тухачевского были любовницы. Об этом в нашем доме все знали.

Сеня (*присвистывает*). Ничего себе! Бравый маршал!

Натя. Ну, как она?

Степан. А я почему знаю? Врачиха там над ней колдует.

Сеня. Слышь, а ты когда от отца отрекалась, не запахло тебе было?

Натя. А тебе не запахло вопросы задавать? Не отучили еще?

Из медпункта, пошатываясь, выходит Света. Нэтя подходит к ней, хочет взять под руку.

Натя. Света, как ты себя чувствуешь?

Света, дернувшись, вырывает руку и, ничего не ответив, медленно идет по коридору.

Сеня. Ты смотри – очухалась.

Натя догоняет Свету.

Натя. Свет, ты чего? Ну, у нас сейчас не то положение, чтоб ломаться. И папа твой одобрил бы, он у тебя умный был. Она меня к стенке приперла: не отречешься, говорит, в дурку сдадим. А что я там с этими психами делать буду?

Не слушая ее, Света продолжает свой путь. Катя семенит следом.

Сеня. Дохлая-дохлая, а гордая. Ну ничего, мы это быстро исправим.

Степан. Отстань от нее.

Сеня. Ой, кто это говорит? С чего вдруг?

Степан сплевывает.

Степан. Я предупредил. Тронешь – убью.

Сеня недоуменно смотрит на Степана. Неожиданно они слышат Натин крик.

Натя. Свет, ты чего, Свет?

И видят, как Света снова оседає
на пол.

Сеня. Твою дивизию.

Степан спешит к Свете, лежащей на полу, и Нате, которая суется рядом.

12.

|||||

Большая палата с белым потолком. Семь застеленных коек, на восьмой лежит Света под капельницей. Она дремлет. В палату заходит Маша с бумажным свертком в руках, садится на краешек кровати, смотрит на Свету.

Маша. Болезная... *(Кашляет.)* Холера... Где ж ты испанку-то подцепила?

Света стонет.

Маша развязывает веревочный бантин, разворачивает бумагу. Достает мужской костюм: пиджак и брюки, раскладывает их на соседней кровати.

Маша. Ну вот, справила наконец. Давно хотела. А то ведь вырос из всего. И главное, удачно получилось: женщина продавала после мужа покойного. А поносить-то не успел. Один раз надел – и в шкаф повесили. А потом сердце прихватило – и нет человека. У нас вообще это быстро: был и нет. А тут сердце...

Маша вешает костюм на проводные плечики и цепляет крючок на стойку с капельницей. Света открывает глаза, увидев Машу, улыбается.

Света. Маша, Машенька, ты ко мне пришла, да? Меня навестить? Знаешь, я...

Маша (*перебивая*). Ну, затараторила
опять...

Света осекается, видит костюм.

Света. А что это?

Маша. Да вот – костюм сыночку справила.
А то он все в распашонке бегал –
куда это годится.

Света (*удивленно*). Сыночку?

Маша (*не отвечая*). Всю получку грохнула. Ну не раздетым же ему ходить. (*Кашляет.*) Погода-то какая.

Света. Маша, а почему ты все время кашляешь?

Маша. Почему? А это у отца твоего спросить надо. Он нас газами-то травил. Ванечка мой тоже кашлял после газов-то этих...

Света. Какими газами, Маша?

Маша. А про Тамбов папка не рассказывал тебе? Неужто не похвастался, какие подвиги там совершал? Дома-то он скрипочки делал – такое культурное у него было развлечение. Справа ружья – слева скрипочки. Только разве перестает человек зверем быть, если за скрипочку схоронится?

Света. Тамбов? Там же восстание было. Против советской власти. Я не родилась еще.

Маша. Правильно, не родилась. А Ванечка мой родился – на беду свою. Ты хоть знаешь, что за восстание-то? Народ у нас с голодудох – отняли все: зерно, скотину, чтоб вас, городских, прокормить. Жрать было нечего... А антоновцы порядок хотели навести, за нас вступились.

Света. А почему же вы не жаловались?

Маша. А папка твой чего не жаловался? Глядишь, не расстреляли бы...

Света. Папу оклеветали.

Маша. Да хватит уже – оклеветали... Разобрались наконец во всем. Ты вот героем его считаешь, а какой он герой? Свой же народ душил. Пришли они в нашу деревню и согнали тридцать душ в амбар. Заложники, значит. Выдать должны были мы тех, что в лесу схоронились. А как же их выдать могли, если у одной сын там, у другой – брат, у третьей – отец? Полчаса прошло – все молчат. И тут они выводят на середину пять человек и расстреливают. Как скот. И среди них Алеша мой был – мы два года как поженились. Хорошо жили, Ванечку растили. Я заголосила по нему, меня оттащили и говорят: еще через полчаса следующих шлепнем.

Бабы завывали: покойники лежат, никто их не выносит. Кровища... Ну, конечно, выдали всех. Схоронила я Алешу своего, взяла Ванечку и тоже в лес ушла.

Света. Маша, этого не может быть.

Маша. Что я тебе тут – сказки рассказываю? Все в лесу хоронились от папки твоего героя.

Света. Антоновцы были бандитами – нам на истории рассказывали.

Маша. Что вам там еще рассказывали?

Люди жить хотели спокойно, а им не давали. Просто так разве в лес убежишь? Ванечка у меня грудной был. А молоко кончилось: я как Алешу увидела, глаза его стеклянные, так все. А Ванечка есть просит. Хорошо, у соседей корова была Ночка, они ее тоже с собой в лес взяли. Она нас и спасала. Потом снаряд в нее угодил. Пришлось добить. Зато детей накормили и сами – от пуза: неделю мясо ели. Ели и плакали. Ночка ж кормилица была, да и мучилась она шибко, как человек.

Света. Маша, это ужасно, что ты рассказываешь...

Маша. Папка твой грамотно все сделал: красных, как огня, стали бояться. Перебили они всех антоновцев, и деревенские потихоньку стали по домам возвращаться. Деваться-то некуда: лето в разгаре, а там огород брошен, зерно надо молотить, иначе зимой подохнешь. И мы уже с соседями думали к дому выбираться. А нас газами стали выкуривать. Немцы в войну ими врагов травили, а папка твой, значит, своих. На истории-то такого не рассказывали?

Света. Так они, наверное, бандитов хотели, а не вас?

Маша. Да не осталось там уже почти никого, а те, что выжили, – доходяги, хуже нашего были. Оружия у них уже не было. Он приказ отдал этими газами травить, чтобы лес поскорей очистить. Только мы живучие оказались – выбрались с Ванечкой, даром что этой дряни наглотались. Не вышло ничего у папки твоего. Вырос

мой сынок – мне на радость (кивает на костюм). Видишь какой – косая сажень в плечах, меня на голову выше.

Света. Маша, так ведь не было у тебя сына, когда ты у нас жила, откуда же...

Маша цепенеет.

Маша. А почему тебе знать? В надежном месте я его схоронила, чтоб не достали вы его. Племя ваше подлое...

Света. И ребята мне говорили, что нет у тебя никого, потому ты такая злая. Но я-то знаю, что ты добрая, Маша...

Маша (*кашляет*). Ишь, змееныши... нету...

Маша склоняется над Светой, сжимает ее плечо.

Маша. А ты чего все выпытываешь – охмурить его решила? Для тебя, что ль, думаешь, растила его? Папка твой нас отравил, а самому-то – хоть бы хны. Женился, вон тебя родил... И жил бы дальше, упырь, если бы там не разобрались.

Света. Маша,пусти, больно!

Маша. Это тебе больно?! (*Кашляет.*) Это нам с Ванечкой было больно, Алеше моему больно, а ты тут... на белых прос-тынях...

Света испуганной рыбиной бьется в ее руках.

Света. Маша, ты что, Машенька? Ты же меня с детства...

Маша. Да не сразу поняла, в чей дом попала. А как поняла, отравить вас всех хотела.

Света. А как ты у нас оказалась?

Маша. Нас всех тогда выслали из деревни, а я сбежала с Ванечкой вместе. В Мо-скву попала случайно – увязалась там за одними. Ну а мамка твоя няню искала – вот и порекомендовали меня.

Света. Значит, Шарика – это ты...

Маша (*довольно*). Я. У папки твоего нюх был – почуял что-то. А так бы я вас всех еще тогда отравила. Я еще

Ванечке говорю: сдохнет маршал этот, как собака, а он смеется – заливается...

Света (*перебивая*). Да не было у тебя никакого Ванечки!

Маша (*кашляет*). Откуда тебе знать? Ты мала была совсем.

Света. Не было и сейчас нет. Все знают.

Маша (*растерянно*). Как же нет – смотри, какой я костюм ему купила.

Света. А распахонку ту – тоже ему, да?

Маша (*кашляет*). Не твоего ума дела.

Света. Просто зачем обманывать, если нет... Может, и газов никаких не было?

Маша (*кашляет*). Замолчи, тварь!

Света (*кричит*). И про папу ты все врешь! И сына себе придумала!

Маша приходит в бешенство, выдергивает подушку у Светы из-под головы.

Маша. Заткнись!

Света дотягивается рукой до костюма, дергает за него и срывает с вешалки. Пиджак и брюки летят на пол.

Света (*кричит*). Нет никакого Ванечки! Нет!

Маша (*ревет*). Гадина!

Она накрывает голову Светы подушкой и начинает душить. Света пытается вырваться.

В палату заходит Степан. У него в руках – миска с супом. Увидев, что происходит, он роняет ее, подлетает к Маше и пытается оторвать ее от Светы, но это непросто. Наконец ему удается это сделать.

Маша (*кричит*). Пустите! Все одно придушу! Степан. Дура! Чего творишь?

Света хрипит, отнашливается, в ужасе смотрит на Машу, которая рвется к ней из рук Степана.

Маша (*ревет*). Ва-неч-ка, сынок!

Все погружается в темноту.

|||||

|||||

15.

|||||

Утро нового дня. Весна. Праздничная толпа оборачивается пациентами в одинаковых серых халатах, которые, как серые тени, гуляют по двору за высоким больничным забором.

Бледная и похудевшая после болезни Света подходит к воротам с надписью «Психиатрическая больница». Принакает забору-решетке, выискивает кого-то взглядом и не находит. Наконец видит чуть в стороне ото всех Машу, которая сидит у забора и новыряет детским совочком землю. Света подбегает к ней.

Света. Маша!

Та смотрит на нее мутным взглядом и не узнает. Света принаикает к решетке, протягивает ей небольшой сверток.

Света. Машенька, возьми, пожалуйста.

Маша равнодушно берет сверток, разворачивает, достает кусок хлеба, начинает жевать.

Света. Я знаю, ты не нарочно это сделала. Ты же добрая, Маша. Я помню, как я в парке упала и заплакала, а ты меня утешала и на руках несла до самого дома.

Дожевав, Маша продолжает копать
совочком ямку.

Света. Я много думала про папу. То, что ты рассказала, – это очень страшно. И я знала, что в Тамбове было что-то нехорошее. Я слышала, как тетя Оля, папина сестра, говорила маме... Когда его туда послали, он заперся у себя в комнате и двое суток пил. Она его таким никогда не видела.

Маша (*поет*). Придет серенький волчок
и утащит за бочок...

Света. Маша, ты меня совсем не понимаешь?

Маша (*поет тише*). Ваня-Ванечка, дружок,
не ложися на краю...

Света. Маша, я уже ничего не знаю и не понимаю. Но папы нет, и ответить он не может. А я живу... пока. И кроме меня, больше некому его защитить.

Маша поворачивается спиной к Свете и начинает копать совочком новую ямку.

Света. Я буду приходить к тебе, Маша, если ты позволишь. У меня ведь никого нет, кроме тебя. Никого.

Мама по-прежнему не реагирует, продолжая копать в земле. Вдалеке появляется Степан, который наблюдает за Светой, оставаясь для нее незамеченным. Однако подойти к ней он так и не решается.

* * *

|||||

1941 год. По радио гремит «Вставай, страна огромная!».

Повзрослевший, коротко стриженный Степан в военной форме пишет письмо.

Степан. «Света, здравствуй! Мы на передовой. Говорят, завтра пойдем в атаку. Я хочу, чтоб ты знала: того журавлика я сделал для тебя. А подарил Катьке, потому что тебе не решился. Света, я когда тебя видел, становился каким-то деревянным. Мне хотелось все крушить, лишь бы ты не заметила. Но ты, наверное, все равно заметила, ты ведь умная.

Мне Сенька написал, что умерла Белена. Впрочем, ты просила называть ее Маша. Может, она, конечно, больная была, только я ей никогда не прощу того, что она хотела сделать.

Здесь все по-другому видится. Потому что немцы совсем близко, каждый день кто-нибудь погибает, и никто

ны вернулся в родную деревню под Саратовом. Светлана Тухачевская и Владимира Уборевич были реабилитированы в 1957 году. Всю свою жизнь Светлана посвятила восстановлению доброго имени отца.

От автора. Степан погиб смертью храбрых в кровопролитном бою под Москвой в сорок первом. Это было его последнее письмо, которое затерялось при пересылке. Время было такое. Так что Света так ни о чем и не узнала.

Тогда немцы подступали к Москве, катастрофически не хватало людей. Однако энкавэдшников не послали на защиту Первопрестольной: они были слишком заняты. Нужно было срочно уничтожить особо опасных преступников. Именно тогда были расстреляны матери Светланы Тухачевской и Владимеры Уборевич.

Света и Мира окончили курсы медсестер и тоже хотели пойти на фронт добровольцами, но им было отказано как неблагонадежным.

Их появление в Москве в 1944 году закончилось арестом и сфабрикованным делом за антисоветскую агитацию сроком на 5 лет в исправительно-трудовом лагере.

Катя окончила пединститут и осталась работать в Свердловске, вступила в партию и прошла путь от рядового учителя до директора школы.

Семен из-за своего строптивого характера попал в штрафбат, получил тяжелое ранение в 1943-м. Выжил, но остался инвалидом. После вой-

МАКСИМ
ЖЕГАЛИН,
СТР. 12

ЕГОР
АППОЛОНОВ,
СТР. 107

